

10 минут
мудрости

Анри Брюнель

самые
прекрасные
истории

ДЗЕН

Когда ученик
готов,
приходит
учитель

УДК 2-1
ББК 86.2
Б89

Брюнель, А.

Б89 Самые прекрасные истории дзен. Когда ученик готов, приходит учитель / Анри Брюнель; пер. с англ. Г. Северской. — М.: РИПОЛ классик, 2006. — 256 с. — (10 минут мудрости).

ISBN 5-7905-4374-X

Книга вполне оправдывает свое название — в ней собраны самые поэтичные, мудрые и лиричные притчи, легенды и сказки Японии, Китая и Тибета, национальная культура которых ассимилировала в себе философию дзен-буддизма.

Эти сказки для взрослых помогут нам не только понять суть глубоких философских истин, лежащих в основе древнего учения дзен, но и сделать их частью нашей жизни...

УДК 2-1
ББК 86.2

© Éditions Calmann-Lévy, 2002
© ООО «ИД «РИПОЛ классик»,
издание на русском языке,
перевод, оформление, 2006

ISBN 5-7905-4374-X

*Памяти моей матери,
урожденной Маглен-Сесиль-Мари Лери.
Мои дочерям, Алине и Катин.
Мои восьмерым внукам — Марку, Каролине,
Фредерике, Хлоэ, Эмелин, Полю,
Рафаэлле и Тифэне*

Как дзен вошел в мою жизнь

Вот так жаба!

Раздулась, как будто вот-вот изрыгнет
Тучу.

Исса (1763—1827) *

В предисловии к этой книге, в которой собрано множество прекраснейших историй дзен, возможно, уместно будет объяснить, кто я такой, «кто берет слово», как говорили в добрые старые времена, в мае 1968 года. Я не буду разворачивать перед вами все полотно моей жизни, а удовольствуюсь лишь одним-двумя эпизодами. Постараюсь, насколько могу, соблюсти лаконичность, живость и легкость, присущие дзен, а также не терять чувство юмора, как и следует, когда рассказываешь о себе. Вот послушайте.

---

* Здесь и далее цифрами отмечены фрагменты текста, пояснения к которым даются в примечаниях в конце книги. — *Прим. ред.*

Когда дзен вошел в мою жизнь... я вовсе о нем не думал. Мне было тридцать пять лет, волосы мои были черны, лицо румяно, взор ясен и вид бодр, хоть живо-
тик и начинал уже отрастать. Не то чтобы я был вели-
ким гурманом, просто наверстывал упущенное за годы
войны, голодные отроческие годы. Бывало, я так и на-
брасывался на сладкое: клубничные и лимонные торты,
кофейные и шоколадные эклеры, ромовые бабы... Я был
женат, у меня были чудесные дочки семи и десяти лет.
Работал я директором лицея на юге Франции и был
очень доволен своей жизнью. Мы жили в эпоху шести-
десятых, Брассенс пел в Олимпии «Песню для жителя
Оверни», мы слушали Брежа, Монтана, Ферре и Ферра.
Я ездил на автомобиле марки «Дофин», как все. Де Голль
был еще жив...

Одним мартовским вечером в дверь моего дома,
ту, что не выходила на парадный двор лицея, по-
звонили. Я открыл. Передо мной стоял фармацевт,
мой знакомый по шахматному клубу. Вид у него был
серьезный:

- Заходите, пожалуйста... но что случилось?
- О, мой бедный друг!

И он медленно вытащил из внутреннего кармана
пальто аккуратно сложенный листок бумаги.

- Что это такое?
- Результат вашего анализа мочи!

— Не стоило беспокоиться, специально приходить
ради этого!

— Послушайте... это очень серьезно. Если дальней-
шие исследования не докажут противного, вы... диа-
бетик!

Я помолчал и наконец проговорил:

— Я в этом ничего не смыслю... это тяжелая
болезнь, от нее можно вылечиться?

— Она неизлечима!

И он торопливо добавил:

— Но если соблюдать некоторые предосторож-
ности, вы сможете прожить долго...

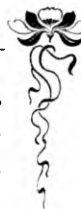
Я поблагодарил его. Еще несколько секунд я посто-
ял на крыльце один, ошеломленный. С этого момента
моя жизнь изменилась.

Лечение диабета — не только таблетки и уколы,
но и диета. Когда после соответствующих обследований
мое заболевание подтвердилось, мне торжественно пе-
редали описание «стандартной диеты». Оно заставило
бы побледнеть даже самого отъявленного смельчака.
Отныне каждый день без исключения мне следовало
взвешивать пищу: 150 граммов хлеба, 200 граммов
углеводов, сахар запрещен в любой форме. Мне пока-
залось, что война со всеми своими ограничениями,
с продуктами по карточкам снова вернулась, но для

меня одного. Никогда больше мне не суждено было попробовать пирожных, варенья, шоколада, которые я так любил. Ни марципанов, ни вкуснейших цукатов; ни фисташкового мороженого, ни кофейных эклеров, ни ромовых баб, ни персиков со взбитыми сливками... прощайте, карамельный крем, рис «Мари-Луиз», каша, которую мама готовила мне в детстве под ласковое потрескивание поленьев. Никаких ликеров (я обожал куантро из моего родного Анжу), нет больше Мари-Бризар, анисовки, розовых и сладких вин, да и вообще спиртного. Прощайте, рагу, кускус и рагу из бобов с мясом, говядина по-бургурдски, телятина маренго, соусы, которые я обожал. Прощайте, прощайте... все радости моего вкуса! Не будет больше ужинов с друзьями, семейных обедов, братства гурманов. Отныне за веселым столом я буду отравлять всем радость, пить воду и есть лапшу, портить всем удовольствие кислым своим настроением и плохо скрытой завистью. «Неудовлетворенный желудочно», как называл меня однажды один неделикатный кузен.

Шок был таким резким и ужасным, что я подумывал о самоубийстве. Конечно же, это длилось недолго. Я был христианином, хотя и не слишком рьяным, у меня было две маленьких дочери, мне было только тридцать пять. Я хотел жить. Мне еще столько оставалось

сделать, сказать, построить. Конечно, мне хотелось жить, но как? На что решиться? Я мог нарушать режим. Позволять себе то сладенькое, то спиртное, подобно многим моим собратьям по болезни. Поразмыслив, я отказался от этого. Вероятно, из гордости я решил сделать то, что мне рекомендовали, пойти в ногу со своей судьбой. Пусть это гурманское лишение будет мне вызовом, приключением, моим подвигом, моей Аннапурной! И я, не колеблясь больше, стал следовать «стандартной диете» буквально. Я похудел на десять килограммов за месяц. Мои друзья, от которых я скрывал свою болезнь, удивлялись:

— Ты ведь возьмешь кусочек яблочного пирога, ради меня?

— Ты что, монахом заделался? Хочешь меня обидеть? Не чокаешься?

Я держался. Я сопротивлялся всему... Я хорохорился. Я держал высокопарные речи о том, что пища — это груз, от которого следует избавиться. Мои друзья покинули меня один за другим. На самом деле я был совершенно обескуражен и в полном отчаянии.

Мне срочно требовалось найти решение проблемы. «Когда ученик готов, приходит учитель», гласит поговорка дзен. Именно тогда я начал брать уроки хатхайоги и таким образом приобщаться к буддийским практикам и мудрости. Позднее я выбрал среди различных

направлений буддизма ветвь дзен. Дзен — этот обнаженный клинок, этот дерзкий и безжалостный свет, который вынудил меня взглянуть своей жизни прямо в лицо и вернул меня — наделив большей открытостью, большей терпимостью, большей глубиной, — к христианской вере моего детства. Жить в стиле дзен — значит проявлять пронизательность, отделять вечное от преходящего, наслаждаться счастьем настоящего момента и, подобно ореховой скорлупке в океане Абсолюта, каждое мгновение плыть к вечному.

* * *

Притча дзен очищает ум, шокирует принципы, расшатывает предвзятые взгляды, стирает предрассудки. «Чтобы наполнить чашку, надо ее опустошить», — говорит мастер чайной церемонии². Цель дзен — вернуть нам наше «изначальное лицо», нашу невинность. Дзен призывает нас слиться со Вселенной, открывает нам бесконечное в конечном, восстанавливает в нас гармонию и безмятежность.

Но для достижения этих целей дзен пользуется необычными методами. Притча дзен не останавливается ни перед чем: смех, абсурд, провокация, грубость, но так же и нежность, сочувствие, чудо, поэзия, умолчание. Ко всему этому прибавляется тайна. Иногда мы «вот-

вот» пойдем, уже готовимся к тому, чтобы понять, и завершение истории обескураживает нас, ускользает от нашего понимания. Во всех формах искусства дзен: в живописи, театре или поэзии, есть нечто озадачивающее. Дзен уделяет особое место неопределенным нотам, прерывистым линиям, асимметричному рисунку, и даже в знаменитых садах дзен с белым, сто раз выровненным песком, иногда разбрасывают несколько сухих листьев — неожиданных, бесполезных. Дело в том, что совершенная форма закрыта. Ясное определение убивает. Дзен всегда оставляет проем, куда войдет озарение, воздух, где вспыхнет искра.

Предлагая вам эти притчи, пришедшие к нам из глубины веков, я оказался перед дилеммой: дать притчи без изменений, с риском оскорбить современную чувствительность и таким образом не донести содержание рассказа до читателей, которые не смогут его воспринять; или смягчить, обесцветить и таким образом предать, утратить очищающую необычность дзен, некоторую долю его тайны.

Я избрал срединный путь. Из сотен традиционных историй я отобрал те, что лучше подходят для нашего восприятия. Я не стал жертвовать главным. Соль духа дзен, насмехающегося над нашими предрассудками, предвзятыми представлениями, над нашими эгоизмом

и себялюбием, соль, очищающая наше «эго» от мелочности, освобождает его от связей. Особые колорит и климат притч дзен открывают нам незнакомый мир; они одновременно настораживают нас и успокаивают; ошеломляют и очаровывают.

«Притчи голубых гор», как поэтично называются такие истории в одном древнем китайском тексте, — это дорога к Пробуждению; в них заключается одно из самых ценных духовных посланий человечества. Но каждый находит в них то, что ищет — другой взгляд на свою жизнь или просто удовольствие от чтения сказок. Они подходят и для взрослых, и для детей в зависимости от личного восприятия каждого читателя и круга его чтения. Притча дзен, открывающая нам врата в волшебный мир, — это прежде всего школа правды.

* * *

Примечание: Все истории в этой книге японские, кроме нескольких, страна происхождения которых указана под их названием.

УТКИ-МАНДАРИНКИ И САМУРАЙ

Много лет назад на берегах озера Мимидоро, которое сегодня называют Мизоро, на северо-востоке от Киото, мирно жила пара уток-мандаринок. Если бы вы только видели, как в разгар лета самец отрывался от воды и расправлял крылья! А какие чудесные у него были оранжевые щечки, пунцовый клюв и крылья с пышными перышками! Его супруга и детки, одетые в скромный серый наряд — даже старший еще носил детское оперенье, — не спускали с него глаз. Вечером, когда утят, сытно поужинав, засыпали, селезень нежно касался белой щечки жены клювом, желая ей спокойной ночи, и, забравшись в дупло дерева, которое служило им приютом, вся семья отправлялась в страну сновидений.

На следующий год, в первые дни весны, молодой самурай построил хижину на берегу пруда. Его жена ждала первого ребенка. Они были бедны. Самураю пришлось купить снаряжение: штаны-хакама, поножи, металлические наручи и четырехполую кольчугу. Его жена сделала ему «повязку решительности»³, мать долго откладывала деньги, чтобы подарить ему, по обычаю, два меча — длинный и короткий. Но у него не было пока страшной маски, чтобы внушать ужас противнику. Он ждал, чтобы какой-нибудь благородный

господин взял его на службу. В эту ночь жена разбудила его и сказала:

— О мой любящий муж, я знаю, что мы бедны, и мне не хотелось бы тебе докучать, но с некоторых пор я чувствую неодолимое желание поесть мяса, боюсь, как бы от этого не пострадал наш сын.

Молодой самурай не сказал ни слова. Он взял лук и вышел в ночь. Он встал на берег пруда, подстерегая добычу. А селезень как раз выплыл на ночную прогулку. В начале весны гнездо еще пусто, и он думал о лете, о том, как много придется трудиться, чтобы прокормить весь дом. Самурай заметил его пышные крылья, блестящие под луной. Он натянул тетиву и убил селезня. Он положил его в мешок и, вернувшись к себе, привязал к шесту перед хижинкой. Потом он лег и снова заснул.

Его пробудил необычный шум, похожий на шорох крыльев. «Наверное, я только ранил селезня, и он бьется, привязанный к шесту». Он взял нож и вышел. Селезень, подвешенный к шесту за лапки, был мертв. Но пришла его утка — это она была над ним крыльями. Сверкнуло лезвие занесенного ножа. Утка-мандаринка не двинулась с места. Тогда самурай разжег огонь, чтобы зажарить и утку, и селезня. Самка все была крыльями, не думая о своей участи, оплакивая убитого

супруга. Тогда самурая охватило незнакомое чувство. Он разбудил жену, показал ей эту картину супружеской любви, и жена заплакала.

«Ни за что на свете не буду есть его мясо», — сказала она.

***

Летописи рассказывают, что самурай отрезал косу воина и постригся в монахи. Он вел примерную жизнь, защищая животных, не причиняя вреда даже мелким букашкам, и с тех пор его имя вспоминают с почтением. Так говорит древняя быль.

СЛОН РЕНКИ

Индийская сказка

Рёто, молодой буддистский монах, жаловался на то, что никак не может успокоить свой ум. Он все время скачет — словно коза...

«Или как дикий слон», — сказал старый учитель дзен.

Рёто, увидев, как заблестели глаза учителя, догадался, что тот собирается что-то рассказать ему, и сел у его ног в тени бананового дерева.

Ренки был дикий слон. Его поймали, когда ему было три года. У него была серая шкура без единого пятнышка, длинные, тонкие, острые бивни, уши безупречной треугольной формы — в общем, это был прекрасный слон-самец, которого его хозяин, торговец дрессированными слонами, надеялся продать за хорошую цену знатному господину. Ренки привязали к столбу очень прочной веревкой. Молодой слон стал вырываться, как бешеный, он натягивал веревку, громко топал по земле толстыми ногами, душераздирающе трубил. Но столб был крепкий, а веревка толстая. И тогда он зашелся в отчаянной ярости, кусая воздух, вздымая вверх хобот, жалостно трубя в небо. Наконец он затих в изнеможении.

Однажды утром Ренки вдруг успокоился — он больше не дергал веревку, не топтал землю всеми четырьмя ногами, не сотрясал воздух криками. Тогда хозяин отвязал его. Теперь он мог ходить с места на место, переносил бочку с водой, кланяясь всем, принося всем пользу. Он был счастлив и свободен.

Твой ум — как дикий слон, сказал старый учитель ученику. Он пугается, прыгает во все стороны и трубит на ветер. Веревка — твое внимание, а столб, вкопанный в землю — выбранный тобой предмет медитации. Успокой свой ум, приручи его, стань ему хозяином, и ты познаешь тайну истинной свободы.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

Его превосходительство господин губернатор Мусё Кейсю отправился в путешествие. Медленным шагом носильщики несли его к Камакуре, великой столице сёгунов. Удобно откинувшись на шелковые подошвы, скрестив руки на круглом животике, господин губернатор дремал, укачиваемый колыханием носилок, и мечтал. Его окружала надежная личная охрана — благородные самураи. В должном порядке за ним следовали слуги, лошади, тюки и сундуки. Господин губернатор с блаженной улыбкой на полном лице потихоньку погружился в сон.

В холмах Камакуры, в тихом местечке, откуда видны и город, и море, учитель дзен Ункеи устроил за скромной пагодой свою мастерскую. Он вырезал из дерева вечно улыбающихся будд. Также он принимал людей всех сословий, кто бы ни просил его совета. Ункеи был суров на вид и молчалив, но никому не отказывал в помощи, и все его уважали. Сегодня утром молодой монах, служащий привратником, подошел к нему с озабоченным видом; он бережно протянул ему красивую визитную карточку, затейливо написанную на чудесной бумаге. На ней значилось:

Его превосходительство Мусё Кейсю, губернатор Киото, личный советник сёгуна.

— Мне нечего сказать этому человеку, — сухо сказал Ункеи, уронил карточку и снова взялся за работу. Привратник, ошеломленный и испуганный, объявил слуге его превосходительства о том, что хозяин отказывает в приеме. Трясаясь от страха, он ждал, что скажет на это высокий чиновник, не сошедший еще с носилок.

— Эй, монах, его превосходительство ждет тебя!

Привратник, ни жив ни мертв, смиренно поклонился господину губернатору, удобно сидящему на шелковых подушках.

— Твой хозяин не желает принять меня? — спросил его превосходительство, скорее с удивлением, чем с раздражением. — Он сказал тебе, почему?

— Нет, господин.

— А знает ли он, что я могу отдать распоряжение о том, чтобы его мастерскую закрыли, его и его родных бросили в тюрьму, а слуг его посадили на кол?

— Сжальтесь, господин! — воскликнул молодой послужник, падая на колени.

Его превосходительство губернатор был человек не злой. Он поразмыслил некоторое время на своих шелковых подушках. Охранники-самураи стояли вокруг него наизготове, некоторые уже положили руку на клинок меча.

— Хм! — хмыкнул губернатор. — Попробую-ка я по-другому.

Он зачеркнул все свои титулы и оставил на визитной карточке лишь имя: *Мусё Кейсю*.

— А теперь снова отнеси мою карточку твоему хозяину!

Ункеи покрывал лаком деревянного будду. Он взял карточку, которую протянул ему дрожащий привратник.

— Этого человека я приму с радостью, — сказал он.

* * *

От ненужного пустяка я избавился —

От своего «Я» —

И стал целой Вселенной ⁴.

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

Ируку очень любил своего отца. Но настал день, когда старик отправился к праотцам. Часто, плетя бамбуковые корзины, Ируку думал:

— Если бы моя супруга не относилась с такой неприязнью к моему почтенному отцу, он был бы счастливее в дни своей старости. Я открыто выказывал бы ему свою привязанность, свое сыновнее уважение. Мы вели бы

долгие приятные беседы. Он рассказывал бы мне о людях и обычаях прошлых лет...» И его охватывала печаль.

Однажды в базарный день Ируку-корзинщик продал свой товар быстрее, чем обычно. Он бесцельно прогуливался среди прилавков и вдруг заметил китайского торговца, часто выставлявшего на продажу странные вещицы:

— Иди сюда, Ируку, — сказал торговец. — У меня есть одна необычная вещь.

И с таинственным видом он вынул из сундука что-то круглое и плоское, завернутое в кусок шелка. Он передал это Ируку и осторожно сдернул лоскут ткани. Ируку склонился над полированной блестящей поверхностью. В ней он увидел образ своего отца, такого, каким он был в дни молодости. Потрясенный до глубины души, он воскликнул:

— Эта вещь волшебная!

— Так оно и есть, — кивнул торговец, — она называется «зеркало» и стоит немалых денег!

Но Ируку уже загорелся:

— Отдам тебе все, что у меня есть, — сказал он. — Мне нужно это волшебное зеркало; я хочу отнести домой образ моего возлюбленного отца.

После долгого торга Ируку оставил у торговца всю свою вырубку.

Вернувшись домой, Ируку пошел на чердак и спрятав образ отца в сундуке. В следующие дни он незаметно уходил из дома, поднимался на чердак, вынимал волшебное зеркало из сундука. Он подолгу созерцал лицо своего возлюбленного отца и был счастлив. Его жена вскоре заметила его странное поведение. Однажды, после обеда, когда он ушел, оставив недоплетенную корзину, она пошла за ним. Она увидела, что он поднялся на чердак, открыл сундук, достал оттуда какую-то вещицу и долго смотрел на нее с необычно радостным выражением лица. Затем он завернул предмет в ткань и с любовью положил ее на место. Заинтригованная жена дождалась, когда он ушел, открыла сундук, нашла вещь, сдернула шелк, посмотрела и увидела... женщину! Разгневавшись, она спустилась и закричала на мужа:

— Так значит, ты меня обманываешь, десять раз в день глазеешь на чердаке на другую женщину!

— Ничего подобного! — возразил Ируку. — Я не хотел говорить тебе, потому что ты не любила моего отца, но я хожу туда, чтобы посмотреть на его лицо, и это приносит покой моему сердцу.

— Врун несчастный! — завопила жена. — Я сама ее видела! Ты на чердаке женщину прячешь!

— Клянусь тебе...

Чем дальше, тем пуще они спорили, пока у дверей не появилась странствующая монахиня, просящая

подаяния. Супруги попросили ее рассудить их. Монахиня поднялась на чердак, а вернувшись, сказала:

— Там монахиня!

КОРОЛЕВСКИЙ СЛОН

Индийская сказка

Эта история произошла много-много лет назад.

У одного магараджи было стадо слонов. Кония была лучшим его украшением; у нее была мягкая светло-серая шкура, хитрые узкие глазки и красивые треугольные уши. Кония подружилась со своим погонщиком, мальчиком по имени Шиви. Вы бы только видели, как она хватала его за пояс и одним точным и нежным движением хобота сажала к себе на шею! Когда Шиви дотрагивался босыми ногами до основания ее уха, Кония послушно шла вперед, когда пяткой потирал ей бок сверху вниз, отступала назад. Ловкий погонщик спускался на землю двадцать раз в день, соскальзывая по ее правому уху, и двадцать раз она поднимала его обратно изящным движением согнутого хобота. Они работали в такой совершенной гармонии, что работа их напоминала танец.

Итак, жизнь мирно шла своим чередом. Но однажды весной Кония влюбилась в слона, великолепного слона,

несущего королевский паланкин. Дрик, главный погонщик, не мог разрешить их брак без одобрения Его Величества. Спросили у оракулов: Кония была слонихой благородной крови и доброго характера; союз был одобрен.

Через три года весь двор был взволнован: Конии предстояло родить. Но слоненок находился в неправильном положении, и роды затягивались. Махараджа попросил, чтобы ему докладывали об их ходе каждый час. К полудню появились хобот, голова, тело, но хвостик застрял. С приходом вечера ничего не изменилось. Собрали экстренный совет. Министры, придворные, главный дворецкий — все давали свои советы. Время от времени подзывали погонщика Шиви:

— Как там? — спрашивал магараджа.

— Ничего нового, Ваше Величество, хвостик никак не освободится!

И спор начинался снова. Надвигалась ночь, совет устал и отчаялся, и тут главный дворецкий воскликнул:

— Ваше Величество, положение слишком тяжелое! Предлагаю пригласить колдунью Мару.

— Никак невозможно! Эта женщина оскорбила тещу нашего великого магараджи, не поклонившись ей на улице! Она навсегда отстранена от двора!

Царь сказал свое слово:

— Вызвать ее немедленно!

Ему повиновались. Колдунья, тщательно осмотрев несчастную роженицу, вынесла свой приговор:

— Слоненок родится, хвостик освободится, если найдется в царстве женщина, которая не любила никого, кроме своего мужа, и никогда не думала с нежностью ни о каком другом мужчине.

Совет рассуждал долго. Наконец выбор пал на Раджну, жену знатного придворного, красавицу с нежными и грустными глазами, славящуюся своим благонравием.

— Ты любила когда-нибудь другого мужчину, кроме твоего мужа?

— Нет, Ваше Величество, — отвечала Раджна нежным и робким голосом.

— А мечтала когда-нибудь о другом мужчине?

— Нет, Ваше Величество!

— Пошлите за погонщиком, — приказал магараджа.

— Ну как? — в один голос с нетерпением спросили члены совета.

— Ничего нового, — горестно воскликнул погонщик, — хвостик не высвободился.

В эту минуту из-под вуали слышался голос нежной Раджны.

— Теперь я припоминаю, — сказала она глухо, — что, проходя случайно через двор, я однажды увидела этого молодого человека с его слонихой; он был так

ловок, что... — заключила она, всхлипнув, — сердце мое в ту минуту забилося чаще.

В эту минуту до зала совета донеслись возгласы:

— Ура! Хвостик наконец освободился, королевский слоненок родился!

* * *

На ткани Атмы⁵, где мы день за днем вышиваем наши жизни, видно малейшее пятнышко — все проявляет Брама.

ЛОДКА И ДВА МОНАХА

Кто выразит вкус дзен, мудрость этих сказок, простых, как правда, свободных, как истина?

* * *

Одним осенним вечером густой туман почти полностью затянул реку Сайтама. Монах и молодой послушник готовились переплыть ее на маленькой лодочке. Река катила желтые бурные воды, поднялся порывистый ветер.

— Учитель, я знаю, что нас ждут в монастыре Рисико, но не будет ли разумнее перенести наше посещение на завтра? Мы можем съесть рисовый хлебец и переночевать вон в той хижине из веток.

Учитель хранил молчание, Касуку нехотя сел в лодку и начал грести. Другого берега почти не было видно — только темная полоска, теряющаяся в тумане.

— Учитель, река широка, а встречный ветер мешает нам плыть.

Но учитель молчал.

Прошло минут десять, но Касуку они показались часом. Он греб молча, с тревогой в сердце.

Вдруг, бросив весла, он вскочил, указывая вперед:

— Учитель, учитель! Посмотрите, из тумана показалась лодка, она плывет прямо к нам!

Учитель молчал.

— Учитель, она наткнется на нас, она нас потопит! Эй там, на руле! Ох, только попадись мне, уж я тебе покажу, как пугать людей святой жизни...

Учитель молчал.

— Учитель, лодка подплывает, сейчас она вонзится в наш борт острым носом. Теперь я вижу, кто в лодке — этот мерзавец, этот душегуб дрыхнет без задних ног!

Учитель молчал.

— Учитель, лодка совсем близко! О Брама! Будь проклят этот лиходея в лодке, пусть растянется его

цикл воплощений на миллион лет, пусть возродится он шакалом, гиеной, крысой, клопом...

Столкновения было не миновать, но тут то ли благодатная волна, то ли ловкое движение учителя избавило лодки от опасности, и они, обе невредимые, поплыли каждая своей дорогой.

— Ты заметил, что внутри лодки, Касуку? — спросил буддистский монах.

— О да, учитель. То, что я принял за человека, оказалось мешком с зерном.

— Ну и скажи теперь, Касуку, на кого ты так сердился?

ДОКУЧЛИВЫЙ ПРИЗРАК

Один молодой человек потерял жену во цвете лет. Она была прекрасна лицом и телом, но немного сварлива и ужасно ревнива. После положенного траура, продлившегося шесть месяцев, молодой человек почувствовал, что вместе с весной в его сердце зарождается новое томление.

Он стал искать себе жену, и вскоре обручился с прелестной Йойохи, имя которой пело, как стайка синиц, как шелк, скользящий по вееру. Молодой вдовец был так влюблен и счастлив, как никогда не был с бывшей

супругой. И тогда призрак его жены показался впервые. Однажды ночью, когда он мирно спал на своем татами, он почувствовал, как пятки ему щекочет холодный сквозняк, и пробудился. Перед ним стояла Кириока. Призрачная красавица казалась разгневанной, а ее ревнивый характер явно остался при ней:

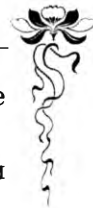
— Как ты смеешь, — сказала она, — изменять мне с какой-то совершенно непривлекательной душой, у которой, — добавила она не без коварства, — к тому же уродливое родимое пятно на левой груди.

— Откуда ты знаешь? — промямлил ошеломленный вдовец.

— Нам, жителям Царства мертвых, доступны всякие тайны, и мы знаем обо всем, что скрыто от смертных глаз.

И красавица исчезла. А вдовец всю оставшуюся ночь не спал, а трясся от страха.

С этой ночи жизнь Хейоси превратилась в ад. Днем он прогуливался с нежной Йойохи в садах ее отца. Они оставались перед прудом и любовались распускающимися цветами лотоса. Хейоси, обмениваясь с невестой нежными словами и робкими улыбками, не мог нагладиться на ее белую шейку, черные как смоль волосы, щеки, бархатистые, как цветы сливы. А ночью призрак Кириоки приходил его мучить. Сев в ногах циновки, покойная супруга насмехалась над всем, что он говорил

и делал за день, хихикая, передразнивала его нежные слова. Она напоминала ему их любовь, и повторяла:

— Я все знаю о тебе, ты связан этим знанием по рукам и ногам. Твоя жизнь принадлежит мне, только мне!

Выбившись из сил и чуть не потеряв рассудок, несчастный Хейоси доверился своему другу, а тот посоветовал ему обратиться к знаменитому учителю дзен — отшельнику, живущему в бывшем храме Кенниндзи. Путешествие было долгим и трудным. Наконец Хейоси упал к ногам учителя и рассказал ему о своем несчастье.

— Значит, твоя жена стала привидением и теперь все о тебе знает.

— Да, учитель. Понимаете, она живет в стране мертвых и ей доступны тайны, нам неизвестные, она знает прошлое, будущее и по своему усмотрению управляет моими мыслями.

— Понимаю, — сказал монах, почесывая палец ноги бамбуковой палочкой (только что прошел дождь, и его ноги в сандалиях были забрызганы грязью). — Понимаю...

— Что мне делать, учитель?

— Ты молод, Хейоси, у тебя неискушенное и нежное сердце. Над тобой легко обрести власть. Я тебе помогу.

Молодой вдовец рассыпался в благодарностях и сказал:

— Я последую твоим советам, учитель, буду слушаться тебя во всем, только скажи, что мне делать.

— Когда призрак твоей жены появится снова, смиренно признайся в своем невежестве, восхваляя ее чудесные знания, словом, польсти ей и предложи договор: «Если ты сможешь ответить на последний мой вопрос, я буду совершенно уверен в твоих сверхъестественных способностях, я откажусь от Йойохи, этой простой смертной, и навсегда останусь твоим верным супругом».

— Увы! — воскликнул Хейохи, она одержит победу, я уверен! Чего она не знает, о том догадывается, ничто из моих дел и мыслей от нее не скрыто...

— Следуй моему совету, — грубовато одернул его учитель, — а если не хочешь меня слушать, убирайся!

Испуганный Хейоси повторил:

— Я буду слушаться тебя, учитель.

— Возьми в правую руку горсть соевых зерен и спроси ее, сколько там зернышек.

— И всего-то? — удивился Хейоси.

Учитель дзен ничего не ответил. Он сел в дзадзен⁶ и погрузился в медитацию.

Хейоси вернулся к себе. Той же ночью призрак его жены появился снова:

— Ты ходил к мастеру дзен, — хохотала она, — ты думал, я этого не знаю, думал, что уйдешь от меня?

Тогда Хейоси погрузил правую руку в кучу соевых зерен, взял большую пригоршню и протянул ей сжатый кулак:

— Сколько здесь зерен? — спросил он.

Призрак Кириоки рассеялся в воздухе и больше никогда не появлялся.

***

Достаточно малости — простого здравого смысла, ясного вопроса, смеха, чтобы сбить спесь с лжеучителей, которые, окружая себя покровом таинственности, пользуются доверием простодушных, чувствительных и ранимых людей. Всего несколько соевых зерен — и призраки исчезают...

РОСТКИ БАМБУКА

Китайская сказка

Мозо, лишившийся отца, жил только с матерью, и велика была его сыновняя любовь. Он работал на государственной службе, превосходно освоил каллиграфию и стал образцовым писцом. Все ценили его за скромность и усердие. В свободное время он ходил по лесам

и долам, чтобы найти особый вид бамбука, из толстых и нежных ростков которого готовят изысканное блюдо. Мать его обожала это кушанье.

Настал день, когда мать Мозо не могла больше принимать пищу, не получив на закуску свежих ростков бамбука. Мозо бродил по полям и по лесам зимой и летом, чтобы найти для матери любимую закуску.

— Ах, сынок! — говорила она, — Если я бы не ростки бамбука, я бы, наверное, зачахла; ведь со смерти твоего отца я ко всему потеряла вкус!

И Мозо ходил по лесам и долам, обыскивал поля, луга и опушки, и каждый день приносил матери ее любимые ростки бамбука.

Но в тот год в царстве Ву зима выдалась необыкновенно суровая. Выпал обильный снег. Земля промерзла. Мозо подолгу бродил по лесам и полям, разыскивая ростки бамбука там, где никто другой не нашел бы их. Он выкапывал их из-под снега, находил в самой чаще леса. Но однажды вечером он вернулся домой с пустыми руками. Мать отказалась есть. В следующие дни Мозо тоже вернулся ни с чем, совершенно отчаявшийся:

— Матушка, я стараюсь как могу, хожу с севера на юг, с востока на запад, но пока не стает снег, я не смогу принести тебе столь любимые тобой ростки. Умоляю тебя, согласишься поесть.

Но мать Мозо не отвечала. Она не ела и не пила, и начала чахнуть. Небо было голубое, холодное, безжалостное, и вся природа застыла под снегом. И однажды утром Мозо в отчаянии обратил взор к небу:

— Вот уже много лет, — жалобно сказал он, — утром и вечером, на севере и юге, востоке и западе, везде я искал бамбуковые ростки. Ни дня я не пропустил, всегда приносил их матери, чтобы она не умерла, а сегодня я не могу их найти.

Он ломал руки в отчаянии, глядя на сад перед домом и холодный снег, безразличный к его горю.

В эту минуту он, еще стоя на коленях и обращая мольбы к небу, заметил посреди белого снежного ковра три фиолетовых ростка, пробившихся из-под снега. Три бамбуковых ростка! Он сорвал их и принес матери. Она съела их и была спасена. С тех пор этот вид бамбука называется в Японии и Китае «бамбук Мозо». Это символ сыновней любви.

* * *

Будда — и в ростке бамбука, и в беспредельности неба:

*Незабываема
Ваша свежесть,
Бамбука ростки⁷.*

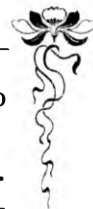
Рёкан

ГОБУКИ И ДРАКОН

Во всех странах и всех цивилизациях есть по-своему рассказанная сказка про героя и дракона. Это мистический поединок Добра и Зла, сказка о том, как молодость и смелость побеждают ужасное чудовище, как Справедливость одерживает победу над Хаосом. Дзен тоже обращается к этой тысячелетней теме. Но трактует ее по-своему.

Жил-был один бедный юноша, отличающийся силой и славящийся храбростью. В те времена обитало в горах некое чудовище, пожиравшее людей; оно пугало путешественников и не давало прохода через горный перевал. Крестьяне вечерами шепотом рассказывали о его ужасных деяниях. Никто не знал, как оно выглядит, потому что никто не вернулся с гор живым. Гобуки объявил, что пойдет сразиться с чудовищем. Все пытались его отговорить, его возлюбленная заплакала и бросилась ему на шею, но ничто не поколебало его решимость. Самые дальновидные крестьяне дали ему оружие — палку и вилы. Повелитель тех мест добавил к этому копье и саблю, а один воин — тяжелую пику. В такой амуниции Гобуки ушел один в горы. Он шел три дня, и наконец на утро четвертого один подошел к пещере, где жил дракон. Вскоре тот выполз, рыча

и изрыгая пламя. Вид его был ужасен. Но Гобуки гордо выпрямился и не отступил ни на пядь.

Так они смотрели друг на друга несколько секунд. Время словно остановилось в ожидании развязки. Наконец дракон вскричал:

— Почему ты не бежишь, как другие?

— Я тебя не боюсь, — сказал Гобуки.

— Я тебя съем! — прорычало чудовище.

— Давай, если хочешь! Смотри, я кладу оружие на землю — и палку, и вилы, и копье, и саблю, и тяжелую пику воина, я знаю, что ты меня не тронешь.

— Но почему же я тебя не пугаю? — спросил озадаченный дракон.

— Я — Атма, я — всеобъемлющая реальность, я есть То. Если ты съешь меня, значит, ты безумен, потому что ты съешь себя самого. Мы с тобой — одно. Но если ты все еще хочешь меня съесть, я в твоём распоряжении.

Озадаченное чудовище воскликнуло:

— Ничего не понял! С тобой не сговоришься! Другие вопят от страха, убегают, а я бегу за ними, убиваю их и пожираю. Все просто. А тут даже не знаю, что мне делать. Уж лучше воздержусь, боюсь, что желудок мой не вынесет такого странного существа, как ты. Прошу тебя, собери свое оружие и ступай, откуда пришел!

И дракон, потеряв аппетит и пригорюнившись, уполз обратно в пещеру.

ПРЕКРАСНЕЙШАЯ ОСЁКУН

Китайская сказка

Юань из династии Хань⁸, один из последних императоров высокого рода Хань, имел столько жен, что сбился со счета. По традиции знатнейшие придворные каждый год отдавали ему в жены самых красивых своих дочерей. И каждый год под журчание фонтанов, шуршание шелков, шепоты из-под веера, росло число супруг в женских покоях. А на этот раз ко двору было представлено посольство из страны гуннов. Долго тянулась война между этим диким краем и Империей. Юань, мудрый властитель, желал мира. Встретив варваров с учтивостью и оказав им множество знаков внимания, он решил наконец одарить их истинно царски.

Но каким должен быть этот дар? Ведь неотесанные сыны степей не могли оценить ни тонкого фарфора, ни лаковых ларцов, ни изделий из нефрита, ни переливчатых шелков.

— Ваше Величество! — сказал премьер-министр, — разрешите мне предложить?

Император кивнул.

— Давайте подарим царю варваров одну из ваших жен...

— О! — в негодовании ахнула толпа придворных.

— Ваше Величество, только этот дар может окончательно скрепить узы мира между нашими двумя странами!

— Да будет так! — сказал император.

— Ваше Величество, несомненно, пожелает выбрать для этого наименее привлекательную; даже такой подарок будет для варваров слишком большой честью!

— Пусть будет так, — сказал император. — Приказываю, чтобы придворные художники нарисовали портреты всех моих жен, а я выберу ту, которая уедет в далекие края.

Новость распространилась по женским покоям, как огонь по соломе. Придворные художники придут рисовать портреты всех женщин. Самая некрасивая и нежеланная отправится в изгнание в далекие края. Ни одна не хотела поехать в дикую страну и стать там игрушкой царя варваров. Все женщины старались задобрить придворных художников и показаться перед ними в самом лучшем свете. Они без конца наводили красоту. Не жалели ни притираний, ни красок, расчесывали волосы, украшали себя драгоценностями. Они рассыпались в лести, улыбках и кокетстве перед художниками. Все припудрили щеки и лоб золотой пудрой. Все, кроме одной. Осёкун была прекрасна такой несомненной и лучезарной красотой, что другие женщины

тускнели в ее присутствии, как свет фонаря при сиянии утра. Когда настала ее очередь, она вышла к художникам, не приготовившись, без драгоценностей, без грима и не пыталась им понравиться. Художники, оскорбленные ее безразличием, добавили к портрету несколько резких черт, злобно исказивших ее чудесное лицо.

Император получил портреты. Все они были похожи друг на друга, кроме одного — особенно простого и не приукрашенного. Он указал на Осёкун и сообщил о своем выборе чужеземным эмиссарам. Он велел известить подаренную чужеземцам жену, чтобы та готовилась к отъезду в варварскую страну. Но вечером, перед сном, он вспомнил это странное лицо, и его охватило сомнение. Он решил позабыть об этом. «Я ведь должен сделать подарок царю варваров, — подумал он, — а раз мне нужно пожертвовать одной из моих жен, уж лучше выберу ту, что попроще, она, должно быть, меньше всех привыкла к придворной роскоши». Но на следующее утро император внезапно отправил своего главного дворецкого за Осёкун, которую никогда не видел и с которой хотел познакомиться, прежде чем передать ее в посольство гуннов. Когда Осёкун вошла в тронный зал, она предстала его изумленному взору как дыхание весны, как вишневое деревце в цвету. Осёкун держалась прямо, гордая и прекрасная, и неслыханная ее

красота пронзила ему сердце. Она не подняла глаз, не сказала ни слова, и он полюбил ее. Когда Осёкун осмелилась поднять глаза на молодого императора, застывшего на троне, ее стыдливое девичье сердце также дрогнуло, и она познала любовь.

Но император дал слово, объявив о своем выборе перед придворными, и чужеземные эмиссары собрались в обратный путь. Свершилась воля судьбы. И прожили в печали остаток своих дней прекраснейшая Осёкун... и ее возлюбленный император. Так было рассказано о делах давно минувших времен.

УМЕРЕТЬ... В КАКОМ ВОЗРАСТЕ?

У человека — судьба искры.

Луи Арагон, «Эльза»

Рёкан, поэт XVIII века, который умел разговаривать с растениями, насекомыми, птицами, по всей Японии славился мудростью и силой своих заговоров-кито⁹. Со всей страны к нему приходили за советом и за заступничеством перед богами.

Однажды утром почтенный монах, худой, иссушенный старостью, подошел к хижине из веток.

— Я весьма польщен твоим посещением, святой отец,— сказал Рёкан. — Слава о твоей добродетели дошла до меня; что тебе надобно?

— Я хотел бы получить кито,— сказал старик, поглаживая седую бородку.

— Охотно,— ответил Рёкан,— а каково твое желание?

— Я хотел бы долгой жизни...

— Сколько тебе лет?

— Мне исполнилось восемьдесят, когда отцвели вишни.

— А до какого возраста я должен попросить богов продлить твою жизнь?

— До ста лет! Мне кажется, сто лет — красивая цифра... да, сто лет — как раз то, что надо.

— Я удивлен скромностью твоей просьбы,— ответил Рёкан. — Ты ведь пришел издалека, чтобы попросить у меня этот кито, почему же ты решил удовольствоваться ста годами?

— И правда,— вздохнул проситель,— я распространяю вокруг себя мудрость и благодеяния, так почему бы мне и не пожить подольше! Пусть будет сто двадцать, сто тридцать или пусть лучше будет круглая цифра: сто пятьдесят лет. Можно?

— Конечно,— сказал Рёкан,— так значит, пусть будет сто пятьдесят, ведь мои кито очень точные, я при-

готовлю тебе кито ровно на сто пятьдесят лет. Но ты хорошо подумал? Тебе восемьдесят лет, а останется жить всего семьдесят, меньше, чем ты уже прожил. Однако же, хорошо, что желания твои скромны, ты человек мудрый и нетребовательный.

— Подожди еще минутку! — воскликнул старик. — И правда, семьдесят лет — это так мало, первые мои восемьдесят лет прошли, как сон, и кажется, еще вчера я играл с братьями и сестрами в родительском саду.

— Вторая часть жизни,— заметил Рёкан,— словно дальний склон холма, спускаться быстрее, чем подниматься.

— Ладно, я согласен с твоими доводами, мудрый Рёкан, сделай мне кито скажем на... триста лет!

Рёкан почесал в затылке и не двинулся с места.

— Ну так чего ты ждешь? — в нетерпении спросил посетитель,— или я прошу слишком многого? — с беспокойством добавил он.

— Нет, нет, я просто задумался,— сказал Рёкан. — Зачем ограничиваться тремястами годами? Некоторые черепахи, говорят, живут по тысяче лет, а также и цапли... Почему только триста лет?

— Тысяча лет? Неплохая перспектива. Столько добрых дел остается совершить, и настолько больше добра я могу сотворить за тысячу лет!

Рёкан не шевельнулся и проговорил задумчиво:

— Слушаю я твои слова, святой отец, и вижу, как драгоценна твоя жизнь; лучше всего будет, если ты вообще не умрешь.

— Ты сможешь сделать такой кито, который спасет меня от смерти?

— Да, но это будет очень, очень дорого и очень трудно!

— Я готов заплатить любую цену, которую ты попросишь, терпеть любые лишения, ты убедил меня, благородный Рёкан, прошу тебя, я выполню все, что ты ни пожелаешь, но сделай мне кито, чтобы я стал бессмертным.

С этого дня старый монах, пришедший с севера, поселился в скромной хижине Рёкана. Они вместе рубили дрова, ходили за водой к речке, спали прямо на земле, молились и размышляли долгие часы. Они ели рис из плошек, смеялись над неловким порханьем птенца синицы. Весной Рёкан сочинял стихи:

*Вишни в цвету,
Весь мир —
Только их лепестки¹⁰.*

*Песня соловья
Приснилась и разбудила.
Вот и завтрак мой — рис.*

*Лодка, груженная рисом,
Плывет вперед,
Прямо к луне молодой¹¹.*

Так прошли зима, весна, лето.

Летним вечером они сидели рядышком перед хижинной и созерцали первый полет диких гусей, и тут Рёкан объявил:

— Завтра я выполню церемонию кито, которая сделает тебя бессмертным, как мы и договорились.

— А я уже и не помню, — задумчиво сказал старик, поглаживая сильно отросшую бороду, — зачем просил тебя об этом.

***

Бесконечное в конечном, конечное в бесконечном.
Настоящее — это вечность.

СТРАНСТВИЕ Тибетская сказка

Два монаха отправились в странствие. За последние три дня люди им почти не встречались. Только одна старуха вышла на порог лачуги и угостила их поджаренным

ячменем, смешанным с чаем и топленным маслом. Эта скудная вчерашняя цампа¹² уже давно превратилась в воспоминание. Монахам было холодно и голодно. Вдруг пошел дождь. Младший монах попытался укрыться полой своего одеяния. Старший молча шел вперед. Спустилась ночь, и не видно было никакого убежища — ни храма, ни монастыря, ни хотя бы скромной хижины. Тропа, по которой шли монахи, затерялась в горах. Молодой послушник вконец утомился. Ему была неизвестна цель этого бесконечного паломничества. «Буддистский храм, должно быть, недалеко, — думал он, — кажется, мы приближаемся к Камакуре, но туда ли мы направляемся?» Нарушив обет, строго предписывающий молчание, он осмелился спросить у старшего, идущего мерным шагом:

- Учитель, куда мы идем?
- Уже пришли, — ответил учитель.
- То есть наша цель близка? — снова спросил молодой монах.
- Здесь, теперь. Мы пришли.

Испуганный послушник вскинул взгляд на каменистую тропу, уходящую в туман. Грозные горные пики впереди уже терялись во тьме. Ему было страшно и холодно; он хотел есть. И вдруг в одно мгновение он все понял. Он вспомнил о словах, которые часто говорили в монастыре: «Дзен — это путь...» В каждом шаге на

этом пути заключается вечность. В настоящем скрыты жизнь, далекая цель, бесконечность. Я наслаждаюсь настоящим, прошлое ушло, будущее — мечта, и есть лишь настоящее. «Когда вы пробуждаетесь к истине, говорится в одном старом стихотворении, дух ваш делается светлым и лучезарным, как луч луны».

Повторяя про себя эти слова, послушник спокойно шагал вперед.

* * *

Представьте себе уединенную горную или лесную тропку, ведущую к обители мудреца. Вот чайный домик. Его архитектура проста, он построен из дерева и бамбука. Никто здесь не противится времени, не бросает ему вызов смехотворной вечностью камня — со временем надо слиться. Комната, в которую мы входим, скромных размеров: примерно девять квадратных метров (два с половиной татами); двое-трое друзей могут с удобством там расположиться. На стене в нише висит рисунок, полный скрытого смысла дзен; под рисунком — букет полевых цветов. Очаг с древесным углем, круглый медный чайник, покрытый патиной, коробки с чаем, простые чашки. Движения хозяина, проводящего чайную церемонию, точны и неспешны; они исполнены заботой и любовью. Течет мирная беседа; речь

идет о поэзии, истории и архитектуре. Постепенно громкие голоса замолкают, все молча созерцают знакомые чашки, полевой цветок, слушают пение птицы вдалеке. Время остановилось — гармония и покой.

За долгие века ритуал усложнился, были придуманы сотни правил насчет аранжировки цветов, искусства наливать чай и т. д., но Рикю, самый знаменитый мастер чайной церемонии, напоминает:

Вот что такое чай:

Вы кипятите воду,

Настаиваете чай

И пьете его...

Вот и все, что вам надо знать.

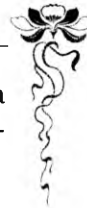
ФЛАГ И ВЕТЕР

Дзен идет, куда глаза глядят. Он не дает объяснений, он только намекает. Вспомним знаменитую историю про ученика, вопрошавшего мастера дзен:

— Какова истинная природа Будды?

— Кипарис во дворе.

Дзен объединяет видимое и невидимое, скромную повседневность и высшую реальность, относительное и абсолютное. Кипарис во дворе, цветок у дороги, ка-

мешек под ногами — все это пути, выводящие нас за пределы действительности, в беспредельность, в высшую реальность.

***

Как-то раз погожим весенним днем мастер дзен возвращался с прогулки. Погода стояла великолепная, не жаркая и не холодная; это было время равновесия и благодати, на которое душа настраивается сама собой. Дул легкий ветерок, и, дойдя до ворот монастыря, мастер заметил, что флаг перед статуей Будды слегка колыхнется на ветру. Два молодых послушника встали перед статуей:

— Флаг движется!

— Нет, это движется ветер!

— Верное учение гласит: важно то, что мы сейчас видим своими глазами. Это флаг, и он движется!

— Ничего подобного, твое зрение подводит тебя, потому что движение флага — всего лишь действие ветра, именно он является первопричиной, действительностью, стоящей за внешним обликом.

— Но существование ветра — гипотеза!

— Знамя не движется без причины, наличие движения предполагает ветер!

— Это необоснованно!

— Это очевидно!

— Нет, ничего подобного!

— А вот и да!

Монахи вошли в раж, и глубокомысленная беседа превратилась в спор и перебранку. Вот-вот дело дойдет до драки. И тут они заметили старшего монаха храма, который невозмутимо смотрел на них. Смутившись, они повернулись к нему:

— Учитель, это флаг движется или ветер?

— Не флаг и не ветер — движется ваш ум.

* * *

«Дзен — тайна. Стоит мысли коснуться его, он исчезнет»¹³.

ЛЮБОВЬ ПРОХОДИТ

Один бедный молодой человек по имени Ирука всей душой и всем сердцем любил одну богатую и к тому же красивую девушку. Будучи человеком образованным, Ирука писал своей возлюбленной любовные письма каждый день, в течение трех долгих лет, не пропустив ни одного дня. На третий год он осмелился попросить ее подать ему знак на празднике бон¹⁴. Но возлюбленная

не ответила, даже не взглянула на него, да и вообще никогда не выказывала к нему ни малейшего интереса. И тогда сердце Ируки устало ждать. Он решил стать монахом. А время шло...

Однажды весенним утром Ирука пошел за водой к колодцу, находящемуся рядом с его монашеской обителью, и тут встретил Сюё, в первый и последний раз в жизни. Она бросилась к его ногам:

— Ирука! — воскликнула она, — Долгие месяцы я скиталась, чтобы найти тебя, и наконец ты передо мной, о прекрасный Ирука! Твоя любовь, о которой говорит тысяча писем, тронула наконец мое сердце.

Сказав это, она открыла лицо, до того скрытое тонкой шелковой вуалью, и красота ее была такова, что заставила поблекнуть свет дня.

— Я твоя, Ирука, теперь я люблю тебя так же, как ты любил меня раньше.

Ирука ответил:

— Слишком поздно, Сюё, я уже отказался от такой любви. Я монах.

И ушел, даже не оглянувшись.

А Сюё в отчаянии бросилась в реку и утонула.

Узнав об этом, Ирука сочинил такое стихотворение:

Вишневый цвет

Недолго был на ветвях.

Облетел, не дождавшись лета.

* * *

Эта история случилась давным-давно. Все, что рождается, умирает. Все, что приходит, уходит; остается только вечный Атма.

НЕОБЫЧНАЯ МОНАХИНЯ

Один старый учитель дзен любил эту историю.

«Эта сказка станет важным шагом на вашем пути к мудрости...» — и, говоря это, он с хитрецей улыбался молодым послушникам.

Видели бы вы древний город Нара в то время! Нара — цветущая, благоухающая, краса острова Хонсю¹⁵, религиозная столица Японии, буддийский Рим. В этом городе жили сотни монахинь и монахов. Повсюду — великолепные святилища, часовни, многоэтажные пагоды, небесные храмы. Самым известным был чудесный храм Тодайдзи. В большие буддистские праздники сам император присутствовал на церемониях. В этот день весь город был охвачен радостью. Огромная толпа заполнила улочки вокруг храма — лодочники, актеры с марионетками, мимы, акробаты соревновались в ловкости, смешили своими трюками зевак.

Вдруг по толпе пробежал шепот: «Император, император!» Солдаты с тяжелыми пиками прокладывали путь в толпе, и кортеж двигался вперед: разодетый в золотую парчу император на паланкине, за которым следовала свита придворных, министров, дворецких и бонз. Курились благовония, и райски прекрасные песнопения сопровождали медленное продвижение императорского кортежа к величественным воротам храма, над которыми виднелся великолепный, ярко блестящий лакированный Будда.

— Что за чудесные были праздники! — задумчиво проговорил мастер дзен.

— А сказку, учитель, сказку! — просили молодые послушники.

Учитель улыбнулся: «Без места и времени и сказки не было бы, слушайте внимательно, нетерпеливым мудрость не дается».

* * *

В то время случилось так, что один монах всей душой влюбился в монахиню. Рёнен была красива лучезарной красотой, одновременно яркой и таинственной. Ее румянец, осанка, походка — все поражало прелестью, а еще к этому надо добавить пронизательный ум, решительный характер, а также великодушие и внимательность

к ближним — все эти качества освещали ее особым внутренним светом. Рёнен способна была свести с ума самых мудрых мужчин, и монахов тоже, возможно... Хасино любил ее безумной, безграничной любовью. Он не ел, не спал, был рассеян во время ритуальных церемоний, он был словно во власти наваждения — видел только ее, жил лишь ради нее и двигался к своей гибели. Однажды ночью он сделал последний шаг, совершив худший проступок: он проник в келью монахини и умолял ее полюбить его.

В те минуты судьба Хасино оказалась в руках Рёнен. Стоило ей закричать, позвать сестер — и случилось бы самое худшее. Но она не стала отбиваться и ничем не выказала своего удивления. Она только сказала послушнику, сгорающему от желания: «Я отдамся тебе завтра».

На следующий день был великий праздник. По случаю Дня Просветления Будды, на богослужении присутствовал сам император. И там, в святилище храма Тодайдзи, Рёнен предстала перед Хасино обнаженной:

— Теперь, — сказала она, — возьми меня!

И тогда Хасино пережил Сатори, Пробуждение¹⁶. Как на одном из тех рисунков, на которых форма и фон в мгновение ока меняются местами, доселе скрытая реальность предстала перед ним. Он понял, что любовь его была искусственной, созданием воображения, а его

безумные желания напоминали изменчивые отражения луны в воде. Покров иллюзии разорвался. Он достиг корня «Я», истины и мира.

ХОЧЕШЬ СТАТЬ ИМПЕРАТОРОМ?

В те далекие времена Хейан Киото, что значит «столица мира и покоя»¹⁷, был волшебным местом, где жил Его Величество император. Благородные мужи, одетые в красное, — вишневое кимоно и пурпурные штаны-хаками, благородные дамы в ослепительных одеждах бесконечно меняющихся окрасок, соперничали в любовных интригах и игре тонкого ума. Во дворцах и особняках, украшенных чудесными статуями, праздник сменялся праздником. На берегах озера Восьми добродетелей музыканты играли для горожан, любующихся луной. Храмы были построены из драгоценного дерева, украшены перламутром, инкрустированы драгоценными камнями, а религиозные церемонии обращались в торжества, равных которым не было во всей империи.

* * *

Император Сага был человек пожилой и уже несколько утомленный постоянными увеселениями. Его

снесало тайное горе. У него не было сына. Он часто уходил из дворца и с несколькими верными и умеющими хранить тайну слугами шел к отшельнику, буддистскому монаху. Тот жил недалеко от столицы, в простой хижине из веток, рядом с полуразрушенной пагодой. Сидя на бревне, Сага наблюдал за тем, как монах молится, медитирует, рубит дрова, смотрел, как его топор блестит на солнце с каждым взмахом.

— Уже несколько лет я наблюдаю за тем, как ты живешь, Рёбен, ты человек работающий, энергичный, великодушный и мудрый. Я старею, у меня нет сына. Не хочешь ли ты сменить меня на посту? Хочешь стать императором?

На эту странную просьбу монах не ответил ничего.

— Только представь себе, Рёбен, удовольствия, богатство, абсолютная власть, власть над жизнью и смертью всего живого в стране. Ты сможешь построить здесь дворец или храм со ста пагодами, прославить буддизм, распространить его влияние. Разве все это тебя не прельщает?

Тогда Рёбен положил топор, поправил куртку и сказал:

— Пойду на берег реки, помою уши, замаранные вашими словами.

Он пошел на реку и встретил там крестьянина, который часто приводил туда на водопой свою корову.

— Ты моешь уши? В такой-то час?

— Да, мои уши запачканы словами императора. Он предложил мне сменить его на троне.

— Понимаю, почему ты моешься! — сказал крестьянин. — Раз так, не дам своей корове пить эту грязную воду.

* * *

Провокация, вызов, освобождающий смех дзен. Монах одинаковым взглядом смотрит на властителя и бедняка, на льва и червяка. Ничему не завидуя, ничем не владея, дзен представляет собой совершенную свободу.

КТО НАСТОЯЩИЙ РОШИ?

Индийская сказка

Один индийский государственный чиновник по имени Роши был стяжателем и скупцом. Есть два вида скупцов — скряга, который копит ради того, чтобы копить, чтобы втихомолку пересчитывать денежки, и жмот, сажаящий на голодный паек всех домашних, чтобы в одиночку пользоваться богатством. Роши, отвратительный эгоист, принадлежал ко второй разновидности.

Одним прекрасным летним днем он ушел в лес, взяв с собой только осла, навьюченного провизией. Найдя

укромное местечко, он растянулся на траве и приступил к обильному обеду. Он наелся мясом, рисом с карри, десертами — особенно своим любимым сладким кремом. Он вволю пил самые редкие, самые дорогие, самые крепкие вина. И наконец, насытившийся и счастливый, он запел, обратясь к небу, так, что его слышали все лесные звери и птицы.

— Роши я, сегодня праздник у меня!

Допьяна я напился вина.

Я сильнее всех людей, я сильнее всех богов!

Даже Шаку, их царь, не сравнится со мной!

Случилось так, что Шаку¹⁸ услышал его. Он был оскорблен бесстыдством и тщеславием этого человека и решил его наказать.

Итак, царь богов, властвующий над тридцатью двумя городами, принял вид и обличье Роши и явился в его жилище. Не успел он войти, как велел открыть все амбары и, не считая, раздал зерно беднякам из десяти областей. Когда ничего не осталось, он опустошил сундуки и раздал золото так, что каждый получил свою долю, от слуги до последнего поваренка. И наконец он приказал открыть бочонки, и вино потекло рекой. Народ окружил его, славил и восхвалял. Когда веселье было в разгаре и весь дом

звенел смехом и песнями, кто-то громко заколотил в ворота:

— Эй, проклятые бездельники, что, мне никто не откроет?

Это вернулся из леса настоящий Роши.

Подошел старый привратник, покачиваясь от выпитого вина:

— Ты кто такой? — спросил он заплетающимся языком.

— Старый дурак! Это я, Роши, твой хозяин!

— Никак такого не может быть — мой хозяин дома, — ответил привратник и удалился.

Рассвирепевший Роши продолжал ломиться в ворота, вопя и поднимая такой шум, что в конце концов прибежали домашние. Его впустили, и два Роши оказались лицом к лицу. Который из них настоящий? У обоих хитрые черные глазки, двойной подбородок и толстый живот. Каждый сказал свое мнение. Слуги считали, что настоящий Роши — царь небес, и дети тоже указывали на него. Однако супруга колебалась. Она и хотела бы выбрать веселого и щедрого Роши, но другой шепнул ей на ухо о родинке у нее на левой груди, и это ее смутило. Эконом, человек благоразумный, объявил, что не может сказать своего мнения и посмотрит еще, куда ветер дует. Неразбериха грозила затянуться, но супруга приняла решение: «Пойдем

спросим у Будды, — сказала она. — Только он может распознать под внешним обликом тайну сердца, он нас просветит».

Будда принял обоих Роши в своей небесной обители. «Настоящий Роши, — сказал он, — тот, кто идет по Пути, он справедлив, он являет Атму своим сочувствием ко всем живущим созданиям». Роши, себялюбивый скупец, понял тогда, что стяжательство и презрение к другим, которые он до сих пор проявлял, были всего лишь случайностью, искажениями, маской, скрывающей его истинное лицо. Он, Роши, был причастен к природе Будды, и истина заключалась в этом. В ту же минуту Шаку принял свой настоящий вид, превратившись опять в царя богов, а Роши вернулся домой, неся с собой мир и просветление.

* * *

Об этом известно дзен. Дзен призывает каждого признать за калейдоскопом внешних обликов неприкрашенную, исполненную мира простоту своего настоящего лица. Так говорили древние мудрецы.

«Бог создал человека по своему образу и подобию».

Книга Бытия, I, 27.

СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ

Одним лучезарным утром Будда прогуливался на небесах по берегам Озера Лотосов и, греясь в ласковых солнечных лучах, предавался грезам. Склонившись над водой озера, он заметил в kloкочущих глубинах Наракки (ада) яростно барахтавшегося человека, который звал на помощь. Будда тотчас же узнал его. Это был некий Кантука, вор, развратник и убийца, некогда встретившийся ему на земном пути. Будда есть бесконечное сострадание. Он вспомнил, что один раз в своей жизни Кантука проявил немного доброты. На ногу ему упал большой паук, и, вместо того, чтобы раздавить его, Кантука пошел своей дорогой.

За это проявление сострадания, подумал Будда, я помогу ему. Кто знает, может быть, в душе этого несчастного остался еще свет великодушия. И он взял паутинку и спустил ее в озеро. Паутинка превратилась в серебряный шнурок, и бандит из всех сил за него уцепился. Он начал подниматься. Подъем был труден. Кантука карабкался изо всех сил. Он цеплялся руками, коленями, пальцами ног, он потел и задыхался. Вскоре он заметил у себя над головой кусочек голубого неба. Он удвоил усилия, но вдруг взглянул вниз. О ужас! Десяток его прежних соседей схватились за серебряный шнур и тоже пытались по нему взобраться.

Вряд ли эта веревка выдержит нас всех, подумал Кантука, и вдруг вспомнил, что в потайном кармане у него остался кинжал убийцы. «Перережу веревку, — подумал он, — и отделаюсь от них». Только он это подумал, как веревка порвалась у него над головой, и он навсегда исчез в преисподней.

СВЕРКАЮЩИЕ ОДЕЖДЫ

Жил-был бедный рыбак по имени Хакю Рю. Рыба ловилась плохо, и он с большим трудом сводил концы с концами. Он жил один, потому что был слишком беден, чтобы жениться, в жалкой хижине на опушке соснового леса у подножья Фудзиямы, чья вершина покрыта вечными снегами. Перед хижинкой простирался сверкающий белым песком берег, а дальше до самого горизонта сияла синева Тихого океана. Хакю любил этот волшебный вид и часто мечтал. Это скрашивало ему жизнь.

Как-то раз весенним утром он шел по сосновому лесу и вдруг заметил висящий на ветке великолепный наряд; он был сделан из легких серебряных и золотых перьев, и сиял, словно сотканный из света, — Хакю аж зажмурился. Ему захотелось взять чудесный наряд себе; он колебался, оглядываясь по сторонам. Вокруг

никого не было. Хакю взял наряд, принес его к себе в хижину и спрятал под кучей хвороста. Вечером, лежа на татами, прежде чем погрузиться в сон, он стал подсчитывать выгоды, которые принесет ему находка. «Завтра пойду на рынок, продам эти одежды за хорошую цену, куплю новые крепкие сети, а может, и лодку, тогда рыба станет ловиться хорошо, я разбогатею и женюсь...» Убаюканный такими радужными мечтами, он заснул.

Ночью ему приснился сон. Ему предстала прекраснейшая девушка и сказала: «Я светлый небесный дух, я прилетела с неба, чтобы посмотреть на мир. Но ты взял мою одежду, а без нее я не могу вернуться домой! Умоляю, отдай мне мое платье!»

Хакю перебил ее:

«Не понимаю, о чем ты говоришь, не крал я твоего платья, я его даже не видел! Но раз уж ты пришла ко мне домой в такой поздний час, раздели мое ложе». И, охваченный внезапным желанием, он обнял ее и попытался поцеловать. В эту минуту Хакю проснулся. Сон оставил ему чувство горечи и стыда. «Как же так! — подумал он, — я украл чудесный наряд, солгал девушке, которой он принадлежит, да еще захотел принудить ее разделить мое ложе». Он вспомнил о старом буддийском учителе, чьим наставлениям он следовал в молодости. «Не будет тебе ни мира, ни счастья, если не будешь придерживаться справедливости, если отойдешь от правды, если не

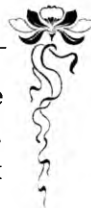

проникнешься сочувствием». Тогда Хакю решил пуститься на поиски девушки, искать ее повсюду и не знать отдыха, пока не вернет ей сияющий наряд.

Назавтра, ранним утром, он вышел на берег моря и обозрел горизонт, но никого не увидел. Он подошел к опушке соснового леса и там под деревом увидел плачущую девушку из сна. Он вернул ей наряд. Она поблагодарила его с великой радостью. Надев сверкающие одежды, она превратилась в светлого духа и взлетела в небо; движения ее складывались в танец, исполненный невыразимой грации. В театре Но часто представляют этот танец светлого духа. Это необыкновенное зрелище, одно из самых прекрасных, которые только можно себе представить. Хакю был первым, кто увидел этот танец, он пришел в восторг. Он вернулся в хижину. С тех пор удача повернулась к рыбаку лицом — улов едва умещался в сети. Рыбак женился, завел много детей, и все семейство жило долго и счастливо.

* * *

Буддийская это сказка или просто волшебная? Мораль представляется классической, ее можно выразить так: «Искренность, справедливость, сострадание — достоинства, которые всегда будут вознаграждены. Не укради». Но сказка говорит нам и о другом, о том,

что символизируют сияющие одежды, без которых не попадешь на небеса, которые придают величие всему, что существует в мире. Пусть каждый прислушается здесь к умолчанию и к собственной интуиции.

* * *

— Учитель, светлая, исполненная покоя луна сияет так высоко в небе!

— Да, она очень далеко!

— Учитель, помоги мне возвыситься до нее!

— Зачем? Разве она не спустится к тебе?

ЛУНА В СТАРОМ ВЕДРЕ

Сатори, пробуждение к сознанию Будды, Озарение, по учениям дзен, снисходит на души, готовые принять его, при неожиданном событии, случайности, удаче. Как вор в пустой дом, проникает оно в душу, избавившуюся от своего эго.

* * *

Одна монахиня изучала дзен день за днем в течение тридцати трех лет. Она поступила в монастырь

послушницей в семнадцать лет. Теперь ей было пятьдесят. Годы женской плодовитости остались позади. Монахиня не испытывала горечи из-за этого. Она продолжала заниматься повседневными делами терпеливо и спокойно. Она готовила рис, обжаривала ячменную муку, по утрам и вечерам ходила за водой к колодцу в двухстах шагах от монастыря. Иногда женщину посещала печаль, но она отгоняла ее. Монахиня регулярно занималась дзадзен, медитировала, изучала работы великих учителей прошлого. Но она не знала Сатори, невообразимого мира, который вдруг озаряет удивленную душу, смеха, великой радости Пробуждения.

Однажды вечером монахиня возвращалась от колодца. Уже стемнело. Женщина бездумно смотрела на отражение луны в полном ведре. Это было старое ведро, она починила его дно плетеным бамбуком. Вдруг дно выпало, вода пролилась, и луна вместе с водой исчезла из старого ведра. Именно в этот момент монахиня познала Сатори. Она освободилась.

БЛАГОРОДНЫЙ САМУРАЙ

Погожим летним днем благородный самурай, которого можно было узнать по прическе воина, металлическим поручам, четырехполым латам и двум самурайским

мечам, ровным и спокойным шагом вошел в скромную деревенскую харчевню. Это было в XIV веке, в одной деревне на большом острове Хонсю. В жарком воздухе жужжала туча мошкеры.

* * *

Благородный самурай сел и приказал принести миску риса. Он отстегнул верх кирасы, с осторожностью и уважением положил мечи. В харчевне больше никого не было. Самурай начал есть, поднося палочки ко рту красивыми и точными движениями. В эту минуту слышались шумные возгласы. Трое рёнинов, бродячих воинов, не имеющих господина (дамьё¹⁹), на самом деле больше похожих на бандитов с большой дороги, чем на настоящих самураев, ворвались в зал. Они грубо окликнули хозяина харчевни, потребовали сакэ и уселись толкаясь. Их мечи сверкали. Вдруг один из них заметил самурая, молча склонившегося над миской с рисом, и два чудесных меча, лежащих рядом с ним. Он указал на него своим спутникам. Рёнины переглянулись и стали перешептываться. Самурай один, он не ожидает нападения. Хозяин харчевни не воин, он не в счет. Рёнинов трое. Они положили руки на рукояти мечей, готовые напасть. В этот момент благородный самурай небрежно поднял палочку, которую держал в правой

руке, и резким точным движением, быстрым как молния — щелк-щелк-щелк, — убил трех мух, жужжащих у него под ухом, и вновь спокойно принялся за еду, не поднимая головы от тарелки.

Трое рёнинов оставили на столе три медных монеты и молча вышли из харчевни.

* * *

Когда мудрый человек, следующий по пути дзен, освободится от желания, тщеславия, страха, когда его «Я» растворится, когда он будет открыт бесконечности Атмы внутри него самого — тогда он может победить без сабли, без меча, без боя.

ГРАБИТЕЛЬ И МОНАХ

Китайская сказка

Жил-был один необыкновенно зловредный и жестокий грабитель. Древние книги не поведали нам, как его звали. Известно, что жил он в царство мудрого императора Го-Сандзё Тенно, около тысячного года нашей эры. Его история напоминает историю Жана Вальжана, героя романа Виктора Гюго «Отверженные».

Вспомним об эпизоде, в котором Жана Вальжана, убежавшего с каторги, гостеприимно принял у себя монсеньор Мирьель, епископ Диньи. Наутро Жан Вальжан сбежал, унося с собой серебряное блюдо и два подсвечника. Полицейские арестовали его, притащили к епископу, и Вальжан с изумлением услышал его слова:

«Этот человек не крал, я подарил ему серебряное блюдо и два подсвечника, отпустите его, пусть идет с миром». И тогда... огонек зажегся в ожесточенной душе каторжника, огонек, преобразивший всю его жизнь.

В буддийской притче вор — грабитель с большой дороги, беспардонный и безжалостный, в отличие от Жана Вальжана, на каторгу он попал вовсе не за кражу каравая. Но эти две истории похожи, как близнецы.

* * *

В то время жил в окрестностях Хейан-Киё, в храме, затерянном в лесу, монах, известный своей великой мудростью, по имени Шичири Коджун. В тот вечер благочестивый монах был один. Он читал сутры, сидя у ног статуи Будды. Вдруг дверь храма распахнулась. Страшный на вид человек, одетый в лохмотья, ворвался в молитвенный покой. Он приставил к горлу Шичири длинный острый меч:

— Монах! — рявкнул он. — Отдай мне пожертвования, или я отрублю тебе голову, так что она покатится прямо к алтарям!

Шичири сидел в сиддхасане (позе совершенства), с прямой спиной и согнутыми коленями, он не изменил позы, и ни один мускул его лица не дрогнул:

— Возьми деньги из вазы для пожертвований, — сказал он, — и не мешай мне в моей молитве.

И снова принялся читать сутры.

Грабитель пошел в указанное место и стал набивать карманы. Второпях он гремел монетками, а иногда и ругался, если они падали на пол. Надо сказать, что его движения стеснял длинный меч.

Через некоторое время, не поворачивая головы, монах сказал:

— Оставь немного денег — завтра утром мне надо заплатить храмовый налог.

Грабитель, которого поразила твердость голоса и непоколебимое хладнокровие монаха, ворча, оставил немного денег на дне вазы для пожертвований.

Он уже собрался уходить с добычей, но монах сказал:

— Когда получаешь подарок, надо поблагодарить!

Ошеломленный грабитель пробормотал слова благодарности и бросился прочь.

Через год вора арестовали. Он признался во многих преступлениях и среди прочих в ограблении храма, которое каралось смертной казнью. Когда его привели к монаху, он в изумлении услышал, как тот сказал:

— Я, Шичири, утверждаю, что этот человек не осквернил храм. Я отдал ему большую часть денег из пожертвований, и он поблагодарил меня, все в порядке.

Грабителя приговорили всего к пяти годам тюрьмы. Когда он вышел на свободу, он нашел Шичири в храме в чаще леса и стал его учеником. Многие годы он восхищал прихожан и паломников своим глубоким благочестием. Так говорит древнее предание.

БРИЛЛИАНТ ИМПЕРАТОРОВ

Это случилось давным-давно. Жил-был император, такой богатый и могущественный, что царствовал над восьмьюдесятью четырьмя царями-вассалами. У него было три тысячи жен, которые родили ему четыреста сыновей и множество дочерей, а его коней, слонов и дворцы и сосчитать было нельзя. В молодости товарищем этого великого императора был дворцовый художник, которому поручено было расписать

стены и ширмы «Пагоды чистоты и свежести». Воспоминание о друге навсегда осталось в сердце императора.

Надо сказать, что великий император любил гулять, переодевшись в платье простого горожанина, по улицам своей столицы, Хейан Киё, которую сейчас называют Киото. Однажды утром он прогуливался по рыночной площади среди рыбных прилавков и вдруг наткнулся на человека, валяющегося в куче отбросов. Он наклонился и узнал своего друга молодости, художника Тошибу. Тот был в разорванной одежде, вшивый, грязный и пьяный в дым. Исполнившись сострадания, император вынул из правого уха серьгу с крупным бриллиантом и опустил ее в карман Тошибу. Он подумал: «Когда мой несчастный друг придет в себя, он найдет бриллиант, продаст его и станет вести почтенную жизнь». Он ушел, счастливый тем, что порадовал богов добрым делом и спас от нищеты друга юности.

Прошли годы. У великого императора родилось еще пятьдесят сыновей. Последнего сына родила первая супруга императора; кожа мальчика была золотистой. Его черные волосы блестели, как драгоценный обсиди-

ан, на ладонях был знак колеса с тысячей спиц, на правой стопе — родинка в форме лошадиной подковы, а на левой — в форме следа слона. По этим знакам император понял, что его конец близок и что родился сын, призванный унаследовать престол. И тогда, прежде чем «уйти за пределы печали», как говорится в древних книгах, и покориться закону бренности всего сущего, он решил в последний раз погулять инкогнито по улицам столицы. Он проходил по рыночной площади и наткнулся на нищего. Это был Тошибу, такой же несчастный, как раньше:

— Ты до сих пор беден? — удивился великий император.

— Ты же знаешь, — ответил Тошибу, — я никогда не умел зарабатывать деньги. А с тех пор как твой почтенный отец отстранил меня от двора за то, что изображенная мной сцена охоты не понравилась его третьей супруге, я веду жалкую жизнь.

— Но как случилось, — удивился император, — что ты не нашел крупный бриллиант, который я положил тебе в карман?

Тошибу вытаращился на него в недоумении:

— Вижу, ты надо мной насмехаешься! Я нищий, какой у меня в кармане может быть бриллиант?!

С этими словами он повернулся к нему спиной и пошел дальше просить милостыню.

***

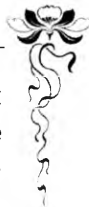
«Прежде чем уйти за пределы печали», как говорится в древних книгах, и, подобно всякому человеку, покориться закону бренности всего сущего, узри сокровища, лежащие у тебя перед глазами, сокровища, которые ты не умеешь видеть. Так говорит мудрость дзен.

ОСЕЛ В КИТАЕ

Китайская сказка

Жил да был простой Ослик из Пуату, и отправился он волею обстоятельств в морское плавание. Корабль, на который его погрузили в обществе тридцати его собратьев, восьмидесяти коров и быков и множества овец, петухов и кур, потерпел крушение в Тихом океане. Морские течения вынесли его полумертвым на берег Китая. Там он кормился травой и шел вверх по течению реки. И вот год спустя он мирно щипал травку в чаще леса Тянь.

Исконные жители леса — Обезьяна, Лиса и Его Величество Тигр — никогда раньше не видели такого зверя. Первой его заметила с вершины дерева Обезьяна:

— Это родственник коня, — сообщила она своим товарищам, — но он меньше и мохнатее. У него большие уши, а хвост тонкий, как плетть, и заканчивается кисточкой.

— А что он делает?

— Жует траву без устали!

— А настроен он враждебно? — спросила Лиса со своей неизменной осторожностью.

— Я лично не боюсь травоядных, — заявил Его Величество Тигр и, презрительно пожав плечами, снова улегся на траву.

— Дело вот в чем... — нерешительно начала Обезьяна. — Я подошла к этому странному зверю и наблюдала за ним, спрятавшись в густой листве камфорного дерева. Вдруг он поднял голову к небу и испустил оглушительный, страшный, ужасный рев! Я удрала так быстро, как могла, и вот я здесь... — закончила она понурившись.

— Хм! — забеспокоилась Лиса. — Пойду-ка я, спрячусь в высокой траве и посмотрю на все это поближе. Не желаете ли пойти со мной, Ваше Величество? — вежливо спросила она у царя зверей.

Но Тигр только зевнул, выпуская свои грозные когти.

Лиса подошла к полянке, на которой господин Осел все еще щипал травку. Услышав шорох, Осел поднял голову и на всякий случай испустил громоподобный

рев. Испуганная Лиса, которая никогда не слышала таких душераздирающих звуков, убежала со всех ног.

Она доложила обо всем Его Величеству Тигру.

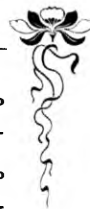
— Ладно, — сказал Тигр, придется мне посмотреть самому!

И он лениво поднялся (накануне он сытно поужинал жирной антилопой). Он направился к лужайке, где Осел, ни о чем не подозревая, спокойно продолжал щипать траву, выбирая здесь и там стебельки по-вкуснее, а вместо пряностей иногда добавляя к трапезе колючий чертополох.

Тигр приближался почти бесшумно. Когда был совсем рядом, Осел заметил, что в кустах кто-то есть, и заревел, как бы предупреждая. Услышав необычный звук, Тигр отступил на шаг. Но он одумался. «Я ведь Тигр, повелитель этих мест», — подбодрил он себя и снова осторожно двинулся вперед. И тогда Осел, набрав в грудь побольше воздуха, закинув голову к небу, раздув ноздри, вздыбив хвост, подняв уши, трижды выпустил оглушительный, неслыханный, разносящийся на много миль вокруг рев: «И — А! И — А! И — А!»

На этот раз Тигр и впрямь испугался. «Это чудовище меня проглотит!», — подумал он и, как бы ни было стыдно, побежал назад в свое логово.

Он почти добежал до места, но остатки гордости его остановили: «Я не отступлю перед этим чудовищем, —

прорычал он в усы. — Я обязан напасть на него; пусть я погибну, но не посрамлю чести своих славных предков!» Исполнившись благородной храбрости, царь зверей вернулся на луг, где Ослик из Пуату мирно продолжал жевать траву. Тигр остановился на опушке, спрятавшись и стал ждать. Станный зверь ел траву. Время от времени, то ли чуя, что рядом кто-то есть, то ли для развлечения, то ли чтобы прочистить глотку, он поднимал голову к небу и звучно ревел. Тигр мало-помалу привык к этому оглушительному реву, за которым не следовало никаких действий. Проходили часы. Осел ел траву, Тигр сторожил. Уже наступала ночь, когда повелитель джунглей осмелился приблизиться. Рассерженный Осел попытался его лягнуть, но Тигр легко увернулся. Этот маневр повторялся несколько раз. Тигр приближался, Осел лягал пустоту. «Ну ладно, — подумал Тигр, постепенно успокаиваясь, — этот странный зверь не опасен. В глотке у него гром, но больше он ничего не умеет!» И страх покинул его

* * *

Дзен учит нас видеть действительность без предвзятости, не искажая ее, не проецируя на нее свои фантазии, принимать ее такой, какая она есть. Это путь Пробуждения.

ЧЕРЕПАХА И ДВЕ ЦАПЛИ

Китайская сказка

В те времена в провинции Ху-Нянь, на юго-востоке Китая, на берегах тихого озера мирно жило трое друзей. Две больших птицы в серо-белом оперенье, с крепким клювом, крыльями, огромными, как паруса, длинной гибкой шеей, пепельные аисты (*Ardea cinerea*), которых звали Чинь и Чань, и престарелая черепаха Пи-Хуань. У черепахи был тяжелый характер: она была злопамятна, обидчива и ворчлива, но сторожила жилище благородных птиц, когда они отправлялись в дальние края на рыбалку. По возвращении они всегда находили ее на месте. Они любили большеголовую черепаху с пестрой спиной, имеющую обыкновение то и дело, сердито ворча, втягивать голову под панцирь... так же, как любили знакомый пейзаж, островок неизменности в текучих водах, куда можно вернуться с переменчивых небес.

Однажды вечером госпожа Пи-Хуань, вытянув шею из-под панциря, по своему обыкновению готовила еду, а Чинь, который сидел на ветке дерева и чистил перышки, заметил:

— Кажется, воды нашего Озера Спокойствия мелеют, и это тревожит меня.

— Озеро каждое лето мелеет, — проворчала Пи-Хуань.
— Чем меньше воды, тем легче ловить рыбу, — сказал Чань и беззаботно рассмеялся: «Криии... ик! Криии... ик!»

— Хм, — покачал головой Чинь, — я и впрямь беспокоюсь.

Госпожа Черепаха пожала плечами, а Чань продолжил почесывать крылышки своим розовым клювом.

Оранжевое китайское небо быстро потемнело, и настала ночь. Трое друзей уснули в последних отблесках заката.

Шли летние дни, но дождя не выпадало ни капли. Наступила ужасная засуха. Реки мелели, хлопковые и рисовые поля сохли. Маленькое тихое озерцо обмелело так, что стало видно илистое дно. Было ясно — грядут голодные времена. Однажды вечером трое друзей стали держать совет:

— Надо нам податься на север, — сказал Чинь, — вся местность до самого Кантона страдает от засухи, мы должны завтра же улететь отсюда!

— Улетим, посмотрим на новые небеса, — радостно воскликнул Чань и засмеялся: — Криии... ик!

Но его прервал резкий голос:

— А я! — воскликнула возмущенная Пи-Хуань. — Я-то как отсюда уйду? Я стара, мой панцирь тяжел,

и крыльев у меня нет, не то что у вас, вы что, собираетесь меня бросить?

Аисты пристыженно переглянулись. И правда, подумали они, нельзя оставить нашу старую подругу, а то она умрет с голода. Но как же взять ее с собой?

— Надо что-то придумать, — сказал Чинь.

И трое друзей улеглись спать под оранжевым китайским небом, и долго не могли уснуть, думая свои думы.

Назавтра, на заре, они продолжили совет. Чинь стоял на правой ноге, Чань на левой, госпожа Пи-Хуань обиженно и беспокойно выглядывала из панциря.

— Вы же не оставите меня здесь умирать от жажды! — воскликнула она.

— Дорогая подруга, я согласен с тобой, но как нам тебя нести? Ведь путь неблизок! — вздохнул Чинь.

— А ты такая тяжелая, матушка Пи-Хуань, — засмеялся Чань. — Помню, как прошлым летом ты отдавила мне ногу! Ой-ой!

— Сам был виноват!

— А вот и нет!

— Кажется, я придумал, — сказал Чинь. — Мы найдем крепкую палку и возьмем ее за два конца, а Пи-Хуань возьмется зубами за середину...

— Браво, — сказал Чань. — Прекрасная мысль! Так матушка Пи-Хуань не будет надоедать нам своей болтовней!

И он добродушно засмеялся: «Криии... ик!» Черепаха немного успокоилась, улыбнулась и благоразумно промолчала.

— Матушка Пи-Хуань, — серьезно сказал Чинь, — главное, не открывай рот, мы полетим высоко, и если ты упадешь, то сломаешь спину, даже в панцире!

Черепаха кивнула в знак согласия.

* * *

Через час трое друзей отправились в путь. Оторваться от земли было трудно. Аисты не привыкли носить груз, но вскоре они набрали высоту, слаженно работая сильными крыльями. Внизу расстилалась земля, измученная засухой. Иссохшие хлопковые поля, покинутые поля риса, здесь и там валяются скелеты зверей. Они летели на север, и к полудню пейзаж стал зеленее и веселее. День стал клониться к вечеру; крестьяне, работавшие в поле, заметили странную тройцу: «Только посмотрите, какая умная черепаха! — воскликнули они. — Запрягла двоих аистов!»

Пи-Хуань остереглась отвечать, но, покрепче закусив палку, наслаждалась комплиментами. Теперь они

летели над городом с храмами, садами, пагодами с золотыми кровлями, и лстивые речи, доносящиеся до ма-тушки Пи-Хуань, кружили ей голову, как благовония: «Уж не королева ли черепах летит над нами? Что за блестящая упряжка! Какая изобретательность».

Аисты продолжали полет, но крылья их уже онемели от усталости. Они заспешили найти речку или тихое озеро, чтобы приземлиться там.

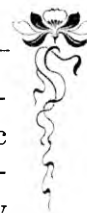
Они пролетали над лужком, и мальчишки, пасущие скот, стали показывать на них пальцем. Госпожа Пи-Хуань, уже привыкшая к похвалам, прислушалась:

— Смотрите, какие аисты,— воскликнул мальчик,— они наверно поймали эту глупую черепаху и несут ее себе на ужин! Что за умные птицы!

— Глупые пастухи, ничего вы не понимаете! — закричала Пи-Хуань. Но только она открыла рот, как отпустила палку, упала на землю и разбилась насмерть — панцирь ее треснул. Двое аистов медленно снизились и сбросили с крыльев серое и белое перышки в знак траура; они покружились над бедной черепахой и вскоре исчезли из виду.

* * *

Мудрец, говорит учитель дзен, с одинаковым равнодушием принимает лесть и презрение. Он подобен

пламени свечи, прямому и светлому, не колеблющемуся при дуновении ветерка. Никто не может обидеть нас без нашего согласия — мы сами открываем шлюзы печали. Оскорбления не должны были заставить черепаху выпустить палку. Ругательства, презрение, проклятья отражают мнение того, кто произносит их, это его проблема, а не наша. Возможно, порицание справедливо, и тогда мы принимаем его как таковое. Кто из нас совершенен? А возможно, порицание ошибочно, предвзято, несправедливо, и мы оставляем его на устах того, кто его произнес. Наш душевный покой, наша судьба — в наших руках. «В наших зубах», — бормочет призрак черепахи.

ЛЕВ И КРОЛИК

Китайская сказка

Эта история произошла давным-давно. В те времена жил в провинции Хейян-Лунь Чань, на северо-востоке Китая, белый кролик, и жил он неподалеку от логова льва. Пинь-Пань был веселым кроликом, он любил резвиться в росистой траве; вечно он смеялся и забавлялся. У него была жена и семеро детей. А его соседом был лев Чонь-Чань, и характер у него был, напротив, ворчливый, заносчивый и необщительный...

— Семеро детей! — воскликнул как-то раз утром старый лев, — и это твой третий выводок за год! Да ты, бедняга Пинь-Пань, совершенно безответственный кролик!

— Но, господин, — стал оправдываться белый кролик, — мы всегда тише воды, ниже травы, я и детей своих воспитываю в строгих правилах!

— Может быть и так, но само ваше существование мешает мне своей никчемностью!

— Но ведь...

— Посмотри на меня — я красив и благороден, моя голова увенчана пышной гривой, шкура моя лоснится на солнце; мой властный взгляд и повелительное рычание внушают уважение... А ты всего-навсего жалкий никчемный зверек!

Пинь-Пань благоразумно промолчал и продолжал резвиться на солнце. Но когда он сделал три красивых прыжка перед львиным логовом, тот вдруг пришел в ужасную ярость:

— Ну хватит! — проревел он. — Не буду больше терпеть твою наглость! Даю тебе сорок восемь часов, чтобы найти себе другое жилище. Если твоя вшивая семейка через два дня не уберется отсюда, я вас всех до последнего своими когтями разорву.

— Но, повелитель, — испуганно возразил Пинь-Пань, — как же мы можем так быстро найти песчанистый

холмик на солнечном месте, такой, где можно вырыть новую норку? Сжальтесь, господин, мои малыши еще не перелиняли во взрослую шкурку, у них даже глазки пока не открылись. Умоляю, повелитель, дайте нам отсрочку...

— Два дня и ни секундой больше! — прорычал Чонь-Чань.

Белый кролик вернулся домой грустный и задумчивый. Он размышлял до вечера. Но наконец его бодрый нрав взял верх.

— Я придумал, как нам выйти из положения, — сказал он жене, — не беспокойся.

И все семейство мирно заснуло в норке. На завтра, когда забрезжила розовая заря, Пинь-Пань подошел к логову своего грозного соседа:

— О великий и ужасный Чонь-Чань, — сказал он с низким поклоном, — вчера я искал место для новой норы, по вашему приказу, благородный повелитель...

Лев одобритительно рыкнул...

— ...И встретил по ту сторону горы зверя, который сказал мне: «Я самый сильный и самый могущественный, я царь этой долины и всех окрестных земель!» И испустил ужасающий рык. И рык его был так страшен, что кровь застыла у меня в жилах, я до сих пор дрожу!

— Ах ты глупый белохвостый кролик! Почему ты не объяснил этому наглому зверю, что это я самый сильный и самый могущественный и это я король всех окрестных земель?

— Я так и сказал ему, повелитель! Он засмеялся и ответил, что убьет тебя одним ударом лапы, раздавит, как комара.

— ГРРРРРР! — разразился рычанием старый лев. — Значит, этот хвостун, этот шут гороховый сказал, что раздавит меня одной лапой? А ну ведите меня к нему, я его мигом проглочу!

— Дело в том, что... — заколебался Пинь-Пань.

— Ты боишься! — расхохотался Чонь-Чань. — А ну скорей пойдем! — рыкнул он.

— Хорошо, повелитель, — смиренно отвечал кролик.

Вид у него был такой смиренный, напуганный и подобоострастный, что любой заподозрил бы неладное — только не лев.

Шли они долго — Пинь-Пань вел льва окольными дорогами, а тот задыхался от злости: «Да что он о себе возомнил! — бурчал он себе под нос. — Посметь бросить вызов МНЕ, Чонь-Чаню, что за самонадеянность! Уж я его заставлю просить прощения, пусть потом его кости гложут гиены и стервятники!»

Чем дальше они шли, тем больше распалялся старый лев. Уже вечерело, и тут Пинь-Пань наконец остановился:

— Господин лев, — сказал он с поклоном. — Тот, кто утверждает, что убьет вас одним ударом лапы, сидит здесь, в этом колодце.

Чонь-Чань бросился к колодцу и, разгневанный, склонился над водой. Тут же он увидел страшного зверя, скалящего здоровенные клыки. Чонь-Чань задрожал, но заставил себя не отступать. Он еще шире оскалился от злобы, ему ответила ужасная гримаса, и чем больше он задыхался от ярости, тем враждебнее отвечал ему зверь. Он бесился, у его противника пена показалась на морде, и их рык смешался в один ужасный звук:

— А-ГРРРРРРР!

— А-ГРРРРРРР!

Как только затихло эхо, Чонь-Чань услышал издевательский смешок. В нескольких шагах от него белый кролик, поднявшись на задние лапки, открыто над ним насмехался. И тогда старый лев вдруг почувствовал усталость от долгого пути, тяжесть прожитых лет и застарелую печаль одиночества. Он понял, что злился на себя самого, на собственное отражение в воде колодца. Ему стало стыдно. Он решил больше не возвращаться в свое логово и прожить остаток дней по эту сторону горы.

А Пинь-Пань преспокойно вернулся домой, поглаживая усики.

* * *

— Что такое Путь? — спросил ученик.

— Острое восприятие очевидности вещей, — сказал учитель дзен.

ИСТОРИЯ РЁНЕН

Девушка Рёнен, чье имя означает «ясное понимание», была украшена всеми добродетелями. Перламутрово-белый цвет лица, густые волосы, собранные в тяжелый пучок над нежной шейкой, глаза, глубокие, как озеро, — она была изящна и элегантна, а поведение ее безупречно. Рёнен родилась в благородной семье воинов-самураев и обладала великим талантом к музыке, а также превосходно рисовала и сочиняла стихи. Императрица заметила ее среди фрейлин и приблизила к себе. Тогда Рёнен было семнадцать лет, и произошла эта история около 1700 года, в период Эдо, при сёгуне Тогугаве Ёсимуне, чье мудрое правление было для Японии долгой эпохой мира и процветания.

Рёнен отличалась не только волшебной красотой; в ней сочетались ум и сердечная доброта, и все, от самой благородной дамы до самой мелкой служанки, любили ее. Поэтому, когда она объявила, что хочет поступить в монастырь, чтобы изучать дзен, все удивились и расстроились.

О решении девушки сообщили ее родным; те строго-настрого запретили ей уходить в монастырь. Рёнен стояла на своем. Семья пошла на уступки. Сначала Рёнен предстояло выйти замуж и родить троих детей, в том числе одного сына, призванного продолжить род. А после этого, если у нее сохранится такое желание, ей будет позволено побрить голову и скитаться по дорогам, питаясь подаянием, с плоской для риса в руках, или же скрыть свою красоту в буддийском храме. Рёнен почитала семью и предков; она согласилась. И жизнь потекла дальше тихо и мирно. Родные успокоились; они думали, что Рёнен совсем забыла о своей причуде. Когда ей исполнилось девятнадцать лет, она вышла замуж за знатного вельможу, и свадьба их была веселой и пышной. Она родила ему двух дочерей, которые обещали стать такими же красавицами, как мать, и здорового и спокойного мальчика, Осibu.

И вот однажды утром Рёнен сказала удивленным родным, что покидает их, чтобы следовать своей судьбе.

Она хотела уйти в буддийский монастырь и начать служение монахини. Ни родители, ни супруг, ни дети не могли ее отговорить. Она ушла. В двадцать шесть лет Рёнен все еще была в расцвете своей красоты; от материнства она только похорошела. Когда она пришла в храм Эдо и попросила учителя дзен Тецудзю принять ее в ученицы, он долго смотрел на нее, а потом сказал:

— Рёнен, ты слишком прекрасна, твои волосы слишком густы и блестящи, твои глаза — темные озера, полные чар. Ты принесешь в нашу общину лишь вражду и беды. Я не могу принять тебя.

Тогда Рёнен побрила голову, сняла все свои украшения и даже браслет, который с детства носила на щиколотке, оделась в лохмотья и явилась к учителю дзен Хакуо в известном храме вдали от столицы. Учитель долго смотрел на нее и сказал:

— Рёнен, я вижу твою бритую голову и жалкие лохмотья, по словам твоим я догадываюсь о мудрости твоего сердца и предчувствую твои добродетели, но ты слишком прекрасна, перламутр твоих щек сведет с ума молодых моих учеников и даже самых старых потревожит в размышлениях. Я не могу принять тебя.

Тогда Рёнен ушла скитаться по дорогам, предаваясь медитации. Однажды утром, проходя мимо прилавка торговца пончиками, она вдруг схватила раскаленную

сковороду, прижала к правой щеке и держала, чтобы нанести себе ужасный ожог. В несколько мгновений ее чудесная красота исчезла навсегда.

* * *

*Скосите ячмень за окном!
И пусть мне станут видны
Далекie горы.*

Бусон (1715—1783)²⁰

* * *

Дзен учит нас тому, что мы принадлежим к этому миру, но не следует становиться его узниками, и любое препятствие должно быть уничтожено. Ведь мы живем в открытом доме, и от едва заметного ветерка хлопают двери от самых ближних покоев до самых отдаленных, вплоть до далеких гор.

ПЕПЕЛЬНО-СЕРАЯ ЦАПЛЯ

Эта история случилась давным-давно. Жили-были крестьяне, муж и жена, и был у них единственный сын по имени Корато. Это был честный и добрый юноша, он работал в поле и рубил в лесу дрова, чтобы продать их

в городе. Он был бережливый и работающий и служил престарелым родителям поддержкой и опорой. Корато был справедливым человеком, и боги не оставляли его своим вниманием...

Однажды утром он работал в лесу и вдруг услышал негромкий звук, который, казалось, шел с вершины сосны: «Кру-у-у...»

Прислушался — тишина. Но, когда на минуту стихли удары его топора, ему вновь послышался этот призыв: «Кру-у-у...»

— Кто здесь? — спросил он, вскинув взгляд к ветвям в вышине.

— Господин, помогите мне, я ранена, — услышал он нежный голос.

Корато сразу же полез на дерево; он добрался до самых высоких ветвей. На вершине он увидел серую цаплю, чье сломанное крыло жалко повисло. Птица была прекрасна как во сне. Она, несмотря на рану, держала голову гордо, ноги у нее были длинные и тонкие; головку украшал прелестный хохолок. Шея у цапли была высокая и гибкая, на затылке виднелось карминово-красное пятно — признак ее вида. Пепельно-серое оперенье переливалось в лучах рассветного солнца всеми оттенками перламутра и серебра. Корато был очарован. Он решил спасти птицу. Снять с дерева он ее не мог, так

что принес ей воды и покормил ее. И так он ухаживал за ней несколько месяцев.

Они разговорились, и цапля рассказала ему свою историю.

— Многие тысячелетия назад, — сказала она ему, — я была княжной и жила при дворе великого императора Махаяны, которому подчинялось триста царей. У него было три сына: старший Маханада, средний Махаведа и младший Махасаттва. Я должна была выйти замуж за старшего, но любила младшего за тихий и ласковый нрав. Я бежала с ним. Нас догнали, и я была казнена. С тех пор я привязана к колесу жизни и влачу череду перерождений.

— Корато, — сказала она однажды вечером, ты напоминаешь мне Махасаттву, младшего сына императора Махаяны — ты так же добр и ласков, как он.

Назавтра, когда Корато вскарабкался на вершину сосны, он не увидел там цапли. Значит, она поправилась и улетела. И молодой человек погрузился в печаль. Он все время молчал и ничего не ел. Родители его стали беспокоиться. Мать, женщина недобрая и корыстная, причитала:

— Что же с нами будет, если наш сын умрет? Я всего-то двенадцать медных монеток в горшке накопила. Скоро у нас ничего не останется...

И она в отчаянии заламывала руки.

Через несколько дней, ранним утром, в дверь их домика постучали. Корато уже ушел работать в лес. Мать открыла дверь. На пороге стояла прелестная юная девушка с узелком в руке.

— Я ищу человека по имени Корато, — сказала она.

— А что ты от него хочешь? — подозрительно спросила мать и добавила, вздыхая: — Его нет дома, вернется он только поздним вечером.

— Ничего, я подожду, — тихо сказала девушка и села перед домом, положив узелок рядом с собой.

Весь день она там просидела. Родители, проходя мимо, с любопытством ее разглядывали, она отвечала им скромной улыбкой. Наконец Корато вернулся. Он был усталым и грустным, как каждый вечер после исчезновения серой цапли, зачаровавшей его.

— Здравствуй, — сказала прекрасная девушка.

— Кто ты? — спросил Корато.

— Мне надо сказать тебе что-то важное, — и она улыбнулась.

— Заходи, — устало сказал Корато.

Но, встретившись с ней взглядом на пороге, он заметил в глазах таинственной девушки бесконечность серых ненастных небес. Сердце его дрогнуло.

— Господин Корато, — сказала прекрасная гостья, — меня зовут Смиренная Осаку, я умею шить,

ткать, готовить, разжигать огонь и не боюсь никакой работы; я хочу выйти за тебя замуж.

Корато в недоумении смотрел на прекрасную девушку.

— Так ты и в доме будешь прибираться, и двор мести, и за больным отцом ухаживать? — принялась расспрашивать мать.

— Я буду послушной невесткой и стану прилежно служить вам, матушка, — сказала Смиренная Осаку, опустив взгляд и почтительно поклонившись.

— Женись на ней, Корато, — велела мать.

Так он и сделал.

Женившись на Смиренной Осаку, Корато узнал, что она не только красива, но и добра, скромна, терпелива и трудолюбива. Она выполняла любую работу и никогда не жаловалась. Мать была довольна. И радость мало-помалу вернулась в сердце юноши.

***

Шло время. У матери теперь было полно свободного времени на то, чтобы подумать. Однажды она сказала невестке:

— Смиренная Осаку, я случайно заглянула в твой мешок, который ты спрятала на дно сундука, и увидела там отрез чудесной ткани. Ты сама ее соткала?

— Да, матушка.

— Ну так почему бы тебе не взяться за работу, дочка? Мы достанем тебе ткацкий станок, ты соткешь нам материю, и мы продадим ее в городе!

— Матушка,— робко произнесла Смиренная Осаку,— мы хоть и бедны, но ни в чем не нуждаемся, а эта работа опасна...

Мать не стала слушать. Сердце ее было полно ненасытных желаний. Она принялась упрашивать сына и так настаивала, что однажды вечером Корато сказал супруге: «Милая моя женушка, почему ты не хочешь соткать такую же чудесную материю, как та, что мать заметила в твоём мешке? Мы могли бы выручить за нее несколько золотых монет, и мать положила бы их в сундук вместо медных монеток. Тогда бы мы разбогатели!»

Смиренная Осаку уступила, но предупредила мужа:

— Чтобы соткать эту ткань, я должна на месяц запереться на чердаке и пусть никто меня не беспокоит.

Прошло четыре долгие недели. Когда Смиренная Осаку вышла с чердака, она побледнела, похудела, выглядела настолько изможденной, что казалось, была на пороге смерти, но держала в руках чудесную ткань с радужным узором — легкую, мягкую, как шелк, и теплую, как пух, такую ткань, какой никогда не видел ни один человек. Корато пошел и продал ее в соседнем городе. Знатный вельможа заплатил ему десять тысяч

золотых. Он вернулся домой вне себя от радости. Он купил родителям красивый дом и стал почтенным лесоторговцем. Смиренная Осаку не участвовала во всеобщем веселье, она едва смогла оправиться после выполненной тяжелой работы, и взгляд ее, раньше столь доверчивый, затуманился грустью. Но мало-помалу ее хрупкое здоровье восстановилось. Никто в семье не обратил на это особого внимания; даже у Корато было слишком много новых важных занятий.

* * *

Мать привыкла к богатой жизни, как будто так и надо было. Она жила в роскоши, покупала себе дорогие платья и даже приобрела паланкин. Она хотела сравняться с самыми красивыми дамами города. Но вот однажды она заметила, что груда золотых монет в сундуке, откуда она черпала без счета, уменьшается. Вскоре положение стало тревожным. И тогда она вспомнила о своей невестке:

— Ну, дочка,— неласково обратилась она к ней,— придется тебе снова взяться за работу и соткать нам ткань, которую сын бы мог продать в столице, а может быть, и при дворе...

Она сразу же размечталась о том, сколько золота ей удастся положить в свой сундук.

— Матушка, — нерешительно возразил Корато, — ты же знаешь, что этот вид ткачества очень утомителен, и в прошлый раз жене от него долго нездоровилось...

— Ерунда! — перебила его мать. — Нынешней молодежи только дай похныкать без причины.

Каждый день она донимала его просьбами. Ни на минуту не оставляла сына в покое — то настаивала, то приказывала, то упрашивала, то горько жаловалась:

— Ты даже в этом последнем удовольствии отказываешь своей старой матери, которая ради тебя стольким пожертвовала!

Наконец Корато уступил.

— Сделай то, о чем просит мать, — велел он Смиреной Осаку.

Его нежная супруга бросила на него долгий взгляд, в котором слились отчаяние и покорность судьбе:

— На этот раз, — сказала она только, — мне придется не выходить с чердака три месяца.

— Только не ленись, невестка! — крикнула вслед мать, когда Смиренная Осаку поднималась по лестнице.

Прошел месяц; мать сдерживала свое нетерпение. Но подозрения мучили ее. А вдруг невестка бьет баклуши, вместо того чтобы работать? Ведь приняться за дело ей не очень-то хотелось! Мать представляла, как золотые заблестят в ее сундуке, и сердце у нее так

и пылало от жадности. Шел второй месяц, и вот однажды утром она не утерпела и, нарушив свое обещание, поднялась на чердак. Дойдя до комнаты невестки, она прижала ухо к дверному косяку. Ни звука — только слышен мерный стук ткацкого станка. И тогда, вне себя от любопытства, мать чуть-чуть приоткрыла дверь, чтобы заглянуть внутрь. И тут она испуганно вскрикнула. Перед большим станком сидела серая цапля, вырывала из крыльев перья и вплетала их в чудесную ткань; птица была вся в крови. Мать так и застыла на пороге, а цапля собрала последние силы и вылетела в окно.

Корато нашел ее вечером на лесной опушке. Израненные крылья не дали ей улететь дальше. Прекрасная пепельно-серая цапля умерла под той сосной, где когда-то нашел ее Корато, и заходящее солнце в последний раз заиграло на серебряно-сером, облачно-переливчатом разорванном оперенье.

МОРСКОЙ БОГ

Давным-давно в Японии один странствующий монах переносил из края в край, из деревни в деревню поучительные притчи, пришедшие из чудесной Индии и далекого Китая. В доме было темно, только в очаге краснели

угольки; вокруг него рассаживались крестьяне, и он начинал рассказывать с привычных слов.

Вот что я слышал:

Один крестьянин, у которого были жена и дети, шел работать в поле. На плече он нес мотыгу, а одет был в простую крестьянскую одежду. По дороге его остановила прекрасная девушка:

— Женись на мне, — сказала она ему. — Я хочу этого, и ничто не заставит меня отступить.

Человек колебался, но, покоренный ее красотой, наконец согласился. Красавица сказала:

— Я хочу показать тебе свой дом и представить тебя отцу.

Человек пошел за ней. Она привела его на берег моря:

— Заходи в воду! — велела она.

Испуганный крестьянин отступил назад. Но она сказала:

— Я возьму тебя под руку, и тебе будет нечего бояться.

Они вошли в пучину, шли долго и наконец увидели великолепный дворец. Красавица представила мужа отцу, который был морским богом.

— Посмотри, я нашла себе мужа.

— Будь отныне моим зятем, — дал согласие морской бог. Так и свершилось.

***

На первый взгляд в жизни крестьянина ничего не изменилось. Он жил с женой и детьми. Но, когда он уходил по утрам с мотыгой на плече, вместо того чтобы работать в полях, он направлялся к берегу океана и спускался в чудесный морской дворец. Так он и жил некоторое время. Однажды его земная жена что-то заподозрила. Она пошла за мужем и увидела, как тот спустился в океан, вошла туда за ним и пробралась во дворец на морском дне. Ее схватили стражники и уже хотели бросить ее голодным акулам, когда муж заступился:

— Это моя земная жена, — сказал он, — мать моих детей. Я отведу ее обратно домой.

Вернувшись домой, человек объяснил жене:

— Я женился на дочери морского бога. Наш старший сын уже вырос и может заменить меня в поле. А я должен вас покинуть, я больше не принадлежу этому миру.

***

— Каждый из нас, — закончил странствующий монах, — на самом деле бог в морском дворце. Таков смысл сказки, и сегодня вы больше ничего не услышите.

ТРИ ВСАДНИКА

Жили-были три всадника. Первый, в доспехах из чистого золота, блистал как солнце. Второй сверкал доспехами из светлого серебра. Третий, бронзовый, был серым с головы до ног. Все трое скакали на конях по вековому лесу рядом с Осакой. Холодными зимними ночами дровосеки слышали стук копыт. Иногда они видели, как блестят под луной мечи, и возвращались домой, дрожа от страха.

* * *

Однажды ночью, под Новый год, бедный Гохэй дрожал от холода в своей лачуге. Он решил отодрать от пола несколько досок, чтобы развести огонь. Только он оторвал три доски, как из-под них выпрыгнул маленький старичок:

— Ты кто? Что ты делал у меня в подполе? — спросил Гохэй.

— Я бог бедных, укрылся у тебя, чтобы спокойно провести зиму, — сказал непрощенный гость.

У Гохэя было доброе сердце, он пригласил его погреться и разделить скромную трапезу. Бог выскреб остатки риса с доньшка миски, с довольным видом погладил себя по животу и сказал:

— А теперь я не отказался бы от стаканчика сакэ!

— У меня нет сакэ, — признался Гохэй.

— Как же так? Нечего выпить на Новый год!

— Я отдал тебе все, что у меня было, — сказал Гохэй, — и не жалею об этом, потому что мы побеседовали по-дружески, и я давно не встречал Новый год так весело!

— Хороший ты парень, — сказал бог бедных, — но слишком уж ты бедный, даже для меня, так что я уйду из твоей хижины. Но сначала открою секрет, который принесет тебе богатство.

Глаза у Гохэя заблестели.

— Что я должен сделать?

— В следующий раз, когда три всадника поскачут мимо, схвати коня за поводья и останови его во что бы то ни стало!

С этими словами бог бедных растворился в воздухе без следа, так что Гохэй подумал, а не привиделось ли ему это все во сне.

* * *

На следующую ночь Гохэй, весь дрожа, но исполнившись решимости, стоял посреди тропы, по которой обычно проезжали трое всадников. Наступила полночь. И тут они налетели как ураган. Первый был в длинном золотом плаще, лицо его было скрыто такой ужасающей маской,

что Гохэй отступил на шаг; и сразу же подлетел второй, серебряный, угрожающе взмахнул мечом и скрылся вдалеке. Последний всадник был серым, почти незаметным в ночном мраке. Гохэй кинулся на него, схватил поводья, но конь встал на дыбы и высвободился. Так и ускакали галопом все три всадника. Повесив голову, Гохэй вернулся домой. Там его поджидал бог бедных:

— Эх, Гохэй, Гохэй! — воскликнул он, качая головой. — Не хочешь, значит, выбиться в люди! Так и быть, дам тебе еще раз попытать счастье. Этой же ночью снова встань на пути трех всадников. Попытайся остановить одного. Если не сумеешь — весь век будешь бедняком-горемыкой. Все, что тебе нужно — мужество! Твоя судьба в твоих руках, — настаивал бог.

И исчез, только дымок на его месте закурился.

* * *

Назавтра потеплело. Дорога стала грязной. Гохэй сто раз повторял нужные движения — тревожился, как бы не поскользнуться. В полночь он, расставив ноги, крепко стоял посреди тропы, настороженно прислушиваясь. Вдруг вдалеке послышался стук копыт. Первый всадник уже летел к нему — огромный, золотой, страшный, сверкающий под лучами луны. Гохэй расставил руки, но невероятным прыжком всадник перемахнул

через него и поскакал прочь. Но вот скачет второй: Гохэй бросился к поводьям, но они скользнули сквозь пальцы серебристой молнией. И тогда Гохэй решил: умру, а третьего всадника не упущу. Он схватил поводья серого коня, уцепился за них и ногтями и зубами изо всех сил. Всадник взмахнул мечом, крестьянин зажмурился, но поводьев не бросил. Конь тащил его за собой, как мешок с рисом — он все не отставал. Мало-помалу конь замедлил бег. Гохэй открыл глаза — всадник исчез; в руках у него был только мешок, доверху набитый медными монетками.

У Гохэя так и не появилось ни золотых, ни серебряных монет; разбогатеть он не разбогател. Но медных монет ему хватало на то, чтобы жить, не нуждаясь. Он женился на скромной и умной девушке. У них родилось много детей, и все они жили долго и счастливо.

* * *

Само слово «герой» символизирует мужество. Но мужественными бывают и преступники. Что за странное качество, сочетающееся и с добром, и со злом! Однако без мужества даже самые высокие достоинства — одно недоразумение.

— Без мужества, — сказал мастер из Сешина²¹ — дзен — всего лишь мечта о дзен.

ЯМАМБА

Дзен отучает нас от обычного образа мыслей. Он дает нам, вне понятий, вне слов, истину, направленную прямо в сердце человека.

* * *

Жили были два монаха. Они возвращались в свой монастырь, расположенный рядом с Эдо²². Монахи припозднились, потому что одна крестьянская семья попросила их благословить новорожденного сына, дом и стадо. Из вежливости и душевного великодушия они выпили по чарке-другой сакэ. Теперь они были на опушке леса, и уже смеркалось.

Надо сказать, что один монах был слеп, и его вел товарищ.

— Не бойся, Дзиро! — сказал зрячий монах. — Сейчас мы пойдем через лес, в котором, по преданиям, живут чудовища и ведьмы, но я буду бдителен и защищу тебя от всех опасностей.

Он прибавил, стараясь, чтобы голос его звучал как можно увереннее:

— Возьми меня за руку, и смело пойдем вперед!

Двое монахов были уже в самой чаще леса, когда из кустов вылезло ужасное страшилище. Это была Ямамба,

старая беззубая ведьма, страшная хозяйка леса — высокая, с широкими ноздрями, длинным носом, налитыми кровью глазами, в которых словно вертелись огненные колеса. Ее алый язык свисал до пояса. Седые космы развивались по ветру. На длинных костлявых руках — кошмарные когти. Волосатые ноги яростно топали по земле. Монах-поводырь весь затрясся.

— Что с тобой, брат? Я не слышу больше твоего голоса и чувствую, что ты дрожишь; скажи, что с тобой!

Поводырь весь застыл от ужаса и ни слова не мог вымолвить. А страшная Ямамба все шла вперед, нацелив на них стальные когти; глаза ее горели, как угли, а рот скривился в отвратительной ухмылке.

— Я чувствую, тебе нехорошо, — сказал слепой, — хоть и не понимаю, почему. Позволь мне в свою очередь поддерживать тебя и вести, обопрись на мою руку!

И слепой решительно повел своего спутника прямо к Ямамбе, которую не видел.

Ведьма удивленно смотрела на двух монахов, устремившихся к ней. Они шли вперед бесстрашно; казалось, их совсем не испугал ее ужасающий вид. Тогда Ямамба высунула красный мокрый язык изо рта, зияющего, как пещера, до самых волосатых ног. Она снова устремила на них огненный взгляд, угрожающе замахала когтитыми руками. Но все было напрасно. Слепой вел товарища твердой рукой, и монахи продолжали идти вперед.

Побежденная Ямамба растворилась в воздухе и исчезла.

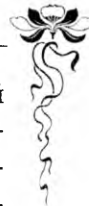
* * *

Услышав эту притчу, поневоле задумаешься: кто же из двоих на самом деле был калекой?

ДОЖДЕВОЙ ДРАКОН

Китайская сказка

В Китае считается, что драконы обладают многими чудесными свойствами. Например, когда Красный дракон, которого также называют Огненный дракон открывает глаза, занимается рассвет, а когда он закрывает глаза, наступает ночь. Ответственная работа! Дракон грома и молний ведаёт грозами. Трудное ремесло! Облачный дракон пасёт тучи, как овец, это пастух всех облаков и тучек. Ведь нет созданий более игривых и хитрых, чем облака! Они прячутся, превращаются во льва, акулу или жирафа, разрываются на части, рассеиваются... Сколько работы! Некоторые драконы следят за солнцем и за луной; они должны ловить светила за шиворот, если те вздумают отклониться от курса;

может быть, эти драконы и не пользуются всеобщей любовью, но их труд необходим! Что и говорить о Дождевом драконе? Он должен лить из волшебного кувшина воду на горы, леса, рисовые поля — не слишком много и не слишком мало, — работа тяжелая, требующая неусыпного внимания. Только представьте, что будет, если он по рассеянности польет пустыню Гоби!

* * *

Стало быть, понятно, почему драконам время от времени нужно отдохнуть и расслабиться. Один из любимых их праздников — день рождения императора драконов. В небесном дворце все едят и пьют вволю, веселятся и поют песни. В том году празднество длилось три дня. В покоях дворца вповалку спали гости. Храпел пьяный Дождевой дракон. Но, как всякий знает, день для дракона — все равно что год для человека! На Земле, на великой китайской равнине, положение было очень тяжелым. Уже три года не было ни капли воды! Жители этого края отправились к маленькому Золотому дракону — посреднику между людьми и небесными драконами.

— Господин дракон, спаси нас! У нас нет ни капли воды, по всей долине валяются тела мертвых зверей, мы все умрем от голода и жажды!

— Попробую замолвить за вас словечко,— молвил, сжалившись над ними, Золотой дракон и полетел к небесному дворцу.

* * *

В императорском дворце ему открылось прискорбное зрелище. На коврах валялись спящие гости. Он нашел Повелителя дождя, потряс его, но тот только проворчал:

— Не мешай мне спать!

— Но господин, на земле умирают люди. Грядет ужасный голод, им срочно нужна вода!

— Не мешай спать!

В соседних покоях маленький Золотой дракон встретил Повелителя грома, который был почти трезв. Он объяснил ему, в чем дело. Пошатываясь, Дракон грома и молний присоединился к Золотому дракону. Они снова затормозили Повелителя дождя:

— Просыпайся, надо полить рисовые поля и все растения, бедным жителям великой китайской долины нужна вода.

— С-сегодня п-праздник! — заплетающимся языком проговорил Дождевой дракон. — Ничего не буду делать, разве что сам император мне прикажет! — заявил он с пьяным упрямством.

И никакие мольбы не помогли.

Ситуация была безвыходной. И тогда маленький Золотой дракон рискнул обратиться к самому императору. Но перед дверями личных покоев Его Величества его остановили два больших грозных дракона с алебардами: «Сюда вход запрещен под угрозой смертной казни!»

Маленький дракон ушел, заламывая когти от отчаяния. Он думал о несчастных людях, умирающих на земле, особенно о тех, кого сам знал и любил. Что делать, чтобы спасти их? Он решился пойти на самое страшное преступление, какое только может совершить дракон: обманно воспользоваться священным словом императора. Он подошел к Повелителю дождя и крикнул ему в самое ухо:

— Его Величество приказывает тебе устроить дождь над Великой китайской долиной!

И тут же заспанный Дождевой дракон схватил волшебный кувшин, полил водой Великую китайскую долину и снова уснул.

Маленький Золотой дракон вернулся на землю и радостно заметил, что поля снова зазеленели. Его друзья-люди были спасены.

Через восемь дней Золотого дракона вызвали в небесный дворец, к самому императору:

— Как ты смел воспользоваться моим священным именем и отдать приказание вместо меня?! Это преступ-

ление карается смертью! Я могу приговорить тебя к сожжению заживо сию же минуту!

— Понимаю, повелитель, — ответил дракон, опустив глаза.

— Но благая цель иногда требует нарушить правила и ослушаться, — сказал император. Он задумчиво добавил: — Сострадание — это путь к освобождению.

И по-отцовски ласково простился с Золотым драконом.

* * *

— Учитель, мне ясно, какой урок можно извлечь из этой сказки!

— Какой же урок, Тосибу? — спросил учитель дзен.

— Сострадание, с которым маленький Золотой дракон отнесся к людям, — прекраснейшая из добродетелей.

— Ты в этом так уверен, Тосибу? А мне вот кажется, что урок совсем другой...

И, помолчав немного, учитель добавил:

— Если встретишь Будду, убей Будду!

Ученики сидели вокруг учителя, сгущалась ночная тьма. Не один из них в тот вечер долго размышлял над его загадочными словами.

ЧЕРНЫЙ НАРЯД ВОРОНЫ

Много тысячелетий назад, когда птицы еще умели говорить, у вороны было серое оперение. Она хотела одеться понаряднее и как-то раз обратилась к сове, которая, как всем известно, занимается красильным делом:

— Дорогая сова, мое серое оперение такое тусклое; хотелось бы заменить его на что-нибудь повеселее и ярче!

— Мне некогда слушать твои разглагольствования, — проворчала сова, — скажи ясно, чего ты хочешь, а то у меня до вечера много работы!

— Ну хорошо, — задумчиво проговорила ворона, — мне хотелось бы иметь такой наряд, как у зеленого дятла, — ярко-зеленая спина, а живот светло-серый и фисташковый; на голове, конечно, красная шапочка, а на щеках черные пятнышки... Ах да, чуть не забыла, на черном должно быть по красному перышку...

— Работа трудная, угу, угу, — проухала сова.

Она принялась за дело и стала смешивать в котлах разные краски. Но задача была нелегкой, а уже начинало темнеть.

— Я же просила, чтобы снизу цвет был понежнее, бледно-зеленый! — возмущалась ворона. — А шапочку я хочу пурпурную, а не малиновую! Совсем не то!

Сова молча продолжала трудиться, хохлилась и потела от усердия.

— Ничего-то у тебя не получается! — продолжала ругаться ворона. — Лучше другое попробуем. Мне, пожалуй, больше нравится оперение зимородка: блестящий сине-зеленый цвет с металлическим отливом на спинке, на животе немного коричневого и рыжего и белое горлышко — вот что будет выглядеть просто замечательно!

— Ты меня совсем запутала! — рассердилась сова. — Какой же цвет тебе нужен? Зеленый или синий, коричневый, красный или белый? В дятла ты хочешь превратиться или в зимородка?

И в гневе сова опрокинула свои красильные котлы и выкрасила ворону... в черный цвет.

«ЖЕМЧУЖИНА ВЕТРА»

Китайская сказка

Это случилось давным-давно. Много столетий назад жил-был царь крошечного государства, и был у него единственный сын. Ха-Синь был красивым и статным, храбрым, великодушным, добрым, но были у него и серьезные недостатки — медлительность, лень и нерешительность. Всегда-то он был последним — и на играх,

и на состязаниях в беге, и на турнирах, и на дворцовых празднествах. Когда первый камергер, отец девушки, которую любил царевич, устраивал ежегодный праздник по случаю сбора урожая, юношу всегда оттесняли соперники. И прелестная Лин-Фанг с волосами черными, как оникс, с молочно-белой шеей, с глазами, в которых сияли звезды, всю ночь танцевала, да только не с ним.

* * *

И Ха-Синь почувствовал наконец такую печаль, что решил пойти просить бога горы о помощи. Он уехал на лошади и скакал долго-долго. Он преодолел тысячу смертельных опасностей и девяносто восемь горных перевалов. Наконец он пришел к девяносто девятой горе. Ее склоны были так круты, что ему пришлось спешить и карабкаться вверх, ведя коня в поводу. Он дошел до вершины и увидел старушку, которая сидела под вековой сосной и пряла пряжу.

— Чего ты ищешь, зачем пришел сюда? — спросила она.

— Я пришел издалека, почтенная матушка, — сказал Ха-Синь со своей обычной любезностью, — чтобы посоветоваться с богом горы и просить его о помощи!

— Пойди к водопаду, крикни три раза «Юта!» — и бог тебе явится!

Ха-Синь послушался, встал перед водопадом и позвал трижды: «Юта, Юта, Юта!!!»

— Чего тебе надо? — пророкотал мощный бас, и перед ним возник огромный старик: макушкой он касался облаков, а белая борода доходила до дна горного ущелья. При виде его Ха-Синь задрожал от страха, но храбро проговорил:

— О благородный Юта, у меня есть ужасные недостатки: я медлителен, нерешителен и ленив. И каждый год на празднике сбора урожая меня опережают мои соперники. Моя возлюбленная, несравненная Лин-Фанг с ониксово-черными волосами, молочно-белой шеей, с глазами, полными звезд... танцует с другими, а не со мной.

— Царевич Ха-Синь, — проговорил бог горы, — я вижу, что твое сердце искренне и дам тебе то, о чем ты просишь, только смотри, пользуйся этим правильно.

С этими словами он вытащил из-под полы малюсенькое зернышко, не больше рисового:

— Вот «жемчужина ветра» — положи ее в рот, и побежишь быстрее любого урагана!

И бог горы растаял в воздухе, как дым.

* * *

Царевич Ха-Синь вернулся к себе в королевство с надеждой в сердце. Он носил «жемчужину ветра»

в мешочке на груди. Наконец наступили осень и великий праздник урожая. Царевич был наготове. Как только заиграла музыка, он положил в рот «жемчужину ветра» и бросился к помосту, где стояла рядом с отцом прелестная Лин-Фань. Но бежал он так быстро, так быстро... что обогнал всех, а остановиться смог только посреди поля, далеко от праздничной толпы. Тогда он вернулся, но прелестная Лин-Фань уже танцевала с другим юношей. За него она и вышла замуж следующей весной. Ха-Синь погрузился в глубокую печаль, и всякое желание жить покинуло его. Однажды в отчаянии он ушел к буддийскому монаху, который жил в пещере в нескольких ли от дворца.

— О монах, — сказал он. — Мне не удалось подойти к моей возлюбленной, потому что я был слишком ленив, слишком медлителен и приходил всегда последним. Я совершил опасное путешествие, преодолел девять гор, я говорил с богом Ютой. Он подарил мне «жемчужину ветра», благодаря которой я стал быстрее урагана, и все равно мне не удалось приблизиться к моей возлюбленной Лин-Фань с ониксово-черными волосами, молочно-белой шеей, с глазами, полными звезд...

И наследник царства зарыдал.

— Благородный царевич, — сказал отшельник, — дзен учит нас, что не надо есть, пить и спать ни слишком

мало, ни слишком много. В каждую секунду нашей жизни нам подобает давать ВЕРНЫЙ ответ, все остальное — всего лишь иллюзия.

Царевич Ха-Синь вступил на трон и царствовал долго-долго. Он был самым мудрым царем за многие тысячелетия. О нем до сих пор рассказывают легенды в самом сердце Китая.

ЛЕДЯНАЯ КРАСАВИЦА

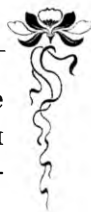
Жил да был одинокий молодой человек. Он жил в бедной лачуге, и не было у него ни друзей, ни родных. Как-то раз зимним утром он смотрел на сосульки, свисающие с края крыши: они сверкали на солнце, как хрусталь. Он воскликнул:

— Вот бы небо послало мне супругу с кожей, белой как снег, с лицом, прекрасным, как лед, сверкающий на солнце!

Настал вечер. Он уже ложился спать, и тут в дверь постучали.

— Кто там?

— Я девушка, о которой ты сегодня утром просил небо. Пришла, чтобы стать твоей женой.

Удивленный юноша тотчас же открыл. На пороге стояла прекраснейшая девушка — руки у нее были словно опаловые, щеки в лунном свете сияли, как перламутр.

— Заходи, — пробормотал он смущенно.

Когда женщина вошла на кухню, он спросил ее:

— Ты и впрямь решила стать моей женой? Я беден, батрачу на тех, кто мне платит. Я не пара такой красавице как ты.

Она ответила, что знает обо всем, и попросила разрешения остаться.

Они поженились и прожили целый год в мире и согласии. Однажды один их сосед, человек услужливый и учтивый, пригласил их на день рождения и предложил им по этому случаю принять горячую ванну — он недавно устроил ее у себя и очень ею гордился. Жена стала отказываться, говоря, что пуще всего боится горячей воды. Но молодой муж настоял:

— Мы не можем обидеть хозяина, наш сосед так добр к нам!

И она уступила.

После ванны она не вернулась. Муж забеспокоился и пошел за ней. Но вместо нее в воде плавали только две голубых ленты и черепаховый гребень.

Ледяная красавица растаяла.

Так рассказывали встарь.

***

Дзен-буддистские притчи всегда загадочны. Но мораль сказки о ледяной красавице представляется ясной. Молодой муж, по невежеству или глупости, послал жену на верную смерть. Вкратце можно выразить главную мысль так: «Сначала думай, потом делай». Нельзя сказать, что такое понимание неверно. Однако с точки зрения дзен смысл сказки гораздо глубже.

ТО, ЧТО ЕСТЬ — есть. Муж, отказываясь от действительности, отрицая факты (его жена — ледяная женщина), символически преградил себе путь к освобождению — «благородный восьмеричный путь»: праведное понимание, праведное намерение, праведная речь, праведные дела, праведная жизнь, праведное усилие, праведные мысли и праведное созерцание. Каждый момент нашей жизни, если он прожит праведно, есть капля вечности.

ВРАЧ, ЛИСА И ЗМЕЯ

Индийская сказка

Много тысячелетий назад, так давно, что никто не помнит когда... жил в царстве Ямбдивиде молодой врач, одаренный всеми талантами и покинувший родные края из-за несчастной любви. Долго он скитался по дорогам

Индии и наконец дошел до незнакомого края, где решил поселиться. Этот врач был праведным человеком, он придерживался «четырех основ»²³ и в сострадании ко всем живым существам соблюдал правило десяти добродетелей.

***

Как-то раз летним утром он шел по дороге среди полей, и вдруг разразилась ужасная гроза с проливным дождем. Вскоре дороги, поля, леса были затоплены бурными водами реки, вышедшей из берегов. Молодой врач подумал, что настал его последний час. И вдруг несколько сбитых досок, наверное, ворота храма, сорванные с петель, проплыли мимо него. Он ухватился за них, вскарабкался на доски и избежал гибели. Волны швыряли сорванную с петель створку ворот, а он вглядывался в мутные потоки и вдруг заметил, что рядом с ним тонет рыжая лисица. Он как можно дальше высунулся со своего плота и протянул руку. Попытка спасения была опасной, он чуть не свалился с плота, но все же ему удалось втащить лису на доски.

***

Немного оправившись, лис встряхнулся, пригладил шкурку и окончательно пришел в себя.

— О добрый господин, — сказал он, — я не простой лис, у меня есть просторная и уютная нора в лесах, которые виднеются вон там. Когда половодье спадет, я приглашу вас в гости.

И лис, очень довольный собой, растянулся на солнышке, помахивая пышным, как султан, хвостом и заняв две трети места. Врач молчал. Он смотрел на то, что несли грязные воды: разные обломки, трупы животных... это было жалкое зрелище. У молодого человека сжалось сердце. Вдруг он заметил питона, отчаянно борющегося с волнами. Он протянул руку, чтобы спасти его, но лис вскинул мордочку и воскликнул:

— Ты что, с ума сошел? Не спасай змею, пускай тонет! Троим на плоту не хватит места!

Но молодой врач не послушал его и вытащил змею из воды. Питон скользнул на колени спасителю, а тот погладил его узорчатую шкуру, гладкую как шелк. А питон, высунув дрожащий черный язычок, ласково потерся головой о его ладонь.

— Осторожнее! — простонал лис, — Эта змея так извивается, что нас всех потопит.

— Не беспокойся, питон поспит у меня на коленях.

Лис фыркнул и снова растянулся на солнышке. Медленно шли часы. К полудню воды начали спадать. Вечером остались только лужи на земле. Лис вновь обрел свою обычную вежливость и долго благодарил врача.

Питону, пригревшемуся на руках у нового друга, не хотелось его покидать. Но наконец странная компания распалась, и каждый вернулся к своим делам и своей жизни.

* * *

Прошло три года. Успех молодого врача превзошел его ожидания. Он вылечил одного богача от ужасной опухоли на ноге, и это привлекло других богатых пациентов. Врач по-прежнему отличался добротой и состраданием, он был внимателен к беднякам, которых часто лечил бесплатно. Все любили его и уважали. Все, кроме одного его коллеги... Врач Моросуке давно хотел заручиться благосклонностью какого-нибудь знатного и богатого человека, но ему никак это не удавалось. Его снедала зависть. Однажды утром он пришел к градоначальнику:

— Ваша светлость, — сказал он, — низжайше докладываю вам, что один врач, прибывший в этот город три года назад в день ужасного наводнения плыл на плоту с лисицей и змеей! И, что еще более подозрительно, плот их на самом деле был воротами храма! А потом он неизвестно как втерся в доверие к одному из знатных вельмож. Все это пахнет колдовством. Если наш милостивый губернатор, с которым я иногда вижусь, —

промолвил он со скромной улыбкой, — узнает, что здесь прячут известного колдуна...

Градоначальник был человеком осмотрительным. Он велел схватить молодого врача; его бросили в темницу, да там и оставили. Об аресте узнали немногие, а у знатного вельможи, который в то время чувствовал себя превосходно, было полно других дел. Но через несколько недель слух о том, какое несчастье приключилось с молодым врачом, дошел до леса. Первым об этом узнал лис и сразу же рассказал обо всем питону. К тому времени питон сильно подрос — ростом он был почти четыре метра, а весил пятьдесят три килограмма. Он воскликнул:

— Мы его спасем, господин лис! Даже если для этого мне придется задушить половину жителей города!

— Придумаем какую-нибудь хитрость, — сказал лис. — Госпожа лисица ожидает потомства, хороший врач всегда пригодится, — пробормотал он себе под нос. — Ну так вот, продолжал он вслух, — если не возражаешь, отправимся в город сейчас же.

Питон молниеносно развернулся и пополз вперед так быстро, что лис, запыхавшись, крикнул:

— Не спеши, дружище, все равно нам придется дожидаться ночи!

***

Притаившись в кустах, питон с лисом ждали, когда улицы и дома потонут в темноте. Для засады они выбрали место рядом с домом градоправителя. Когда спустилась ночь, питон заполз в дом, проник в комнату, где спал градоправитель, укусил его за левую ногу и незаметно скрылся. К утру нога градоправителя распухла втрое и ужасно болела. Он вызвал лучших врачей в городе, но им не удалось облегчить его страдания.

— Ваша светлость, — сказал самый старый и опытный врач, — вас поразили странный недуг, нам надо посоветоваться с астрологами...

— Мы бессильны перед этой неизвестной болезнью, — вздохнул другой.

Все собравшиеся замолчали. Тогда невысокий медик, чье лицо было скрыто капюшоном, тихонько сказал:

— Я слышал, что наш молодой коллега, который прибыл в город в день наводнения, знает лекарство от этой болезни, которая свирепствует в его родных краях.

Молодого врача доставили из тюрьмы.

Лис и питон сказали ему, в чем причина болезни, и он вылечил градоправителя. А тот восстановил его доброе имя и вернул ему имущество. Городничий хотел отблагодарить и врача в капюшоне, но не нашел его. Ведь лис вместе с питоном давно вернулся в лес.

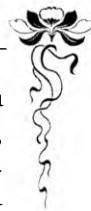

КУРТИЗАНКА ШОЙ-ЮНЬ Китайская сказка

Шой-Юнь было пятнадцать лет; черные как смоль волосы убраны в высокую прическу, украшенную драгоценными шпильками — крыльями феникса, щеки — словно фарфор, крохотные ножки, и фигурка такая тоненькая и воздушная — вот-вот растает в воздухе, как облачко. Она была самой дорогой куртизанкой в Голубой беседке. Час в ее несравненном обществе стоил тринадцать золотых монет. Ее мать неусыпно следила за ней. Пела она, как соловей-люсциния в золотой клетке²⁴, прикосновение ее пальчиков было нежно, как роса, а взгляд черных глаз лучше любой ласки. Издалека приезжали гости в городок Юхань, только чтобы полюбоваться на нее. Она подавала чай, играла на цитре и даже развлекалась игрой в шахматы с посетителями, не обладавшими толстым кошельком. Только богатые торговцы да проезжие мандарины уходили с ней в тайные покои.

Среди ее поклонников был один молодой художник, который любовался ею издалека. Наконец он смог накопить достаточно денег, чтобы подарить Шой-Юнь скромный подарок. Он подошел к ней. На краткий миг их взгляды встретились, и тут же в их сердцах пробудилось неизведанное чувство. Гуо держал в руке листок со

стихами. Он передал его девушке, она молча приняла дар. На завтра он пришел снова, но ему не хватило денег, чтобы купить новый подарок, и он не смог к ней подойти. Слишком строго следила за девушкой ее суровая мать. Наконец Гуо продал картину и смог купить достойный подарок. Ему было позволено выпить чаю в обществе его возлюбленной. Они разговаривали мало и следовали ритуалу, ведь все следили за ними. Но, поклонившись с улыбкой в знак прощания, Шой-Юнь передала молодому человеку записку. Как только Гуо вышел из покоев, он прочел ее с бешено бьющимся сердцем.

Вот что там было написано:

Осень, ветер и дождь.

Тихая грусть.

Вдруг показался мой друг,

И исцелилось сердце.

Еще несколько строчек было приписано ниже — это второе стихотворение растрогало его до слез:

Лодочник всякого перевезет.

Многие реку пересекают...

Только не я.

Все было сказано в этих строчках — любовь, надежда, обещание. Через два дня он передал Шой-Юнь ответ:

Холодна зима, дороги покрыты снегом.

Если станешь моей подругой,

Рука об руку вместе пойдем.

***

Когда Гуо снова пришел в Голубую беседку, служанка сказала ему:

— Иди за мной.

Шой-Юнь ждала его на своем обычном месте: «Я позволила этому молодому человеку поговорить со мной наедине, потому что он тайно сделал мне дорогой подарок», — объяснила она.

Обступившие их посетители поклонились и отошли. Она пригласила Гуо сесть рядом с ней:

— Хочешь провести со мной ночь? — спросила она. — Мы бы поговорили и познакомились поближе.

— Увы! — вздохнул Гуо. — Я истратил все свои скудные сбережения, а зарабатываю я только пером и кистью. Познать твоё тело — для меня чудесная и недоступная мечта.

И они замолчали, печально сидя рядом. Вскоре мать позвала Шой-Юнь: её требовал к себе богатый купец. Молодые люди расстались. Убитый горем Гуо решил больше не ходить в Голубую беседку. Он послал возлюбленной последние стихи:

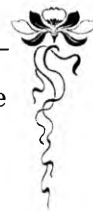
Пока будем есть рис

Этого мира,

Будем мы врозь.

Лишь в могиле мы вместе

Сможем уснуть²⁵.

Неделю спустя Гуо уехал из города. Прошли многие месяцы.

***

Однажды зимним вечером выпал снег, приглушив все звуки. В Голубом павильоне было немногочисленно. Вдруг вошел странный гость в чужеземной одежде. На правой руке у него было кольцо в виде обвившегося паце дракона с желтыми глазами. Человек был богат и без труда получил разрешение остаться наедине с лучшей из куртизанок, Шой-Юнь. Она стала петь для него грустную песенку, аккомпанируя себе на цитре.

Гость смотрел на нее с доброй улыбкой. Вдруг он поднял палец, коснулся им лба девушки и произнес дважды:

— Как жаль, как жаль.

Исчез он так же таинственно, как и появился. Вечером, когда Шой-Юнь ложилась спать, она увидела в зеркале, что на лбу, там, где ее коснулся незнакомец, появилось черное пятно. Она умылась, но пятно не исчезло. Через несколько дней чернота покрыла все лицо. Прошли недели, и лицо Шой-Юнь потемнело и растрескалось, как у демона; она потеряла всю красоту. Посетители не хотели больше платить за свидание с ней, не хотели слушать ее песен. На нее смотрели

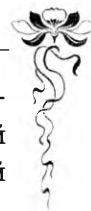
с отвращением. Мать мыла ее в лохани, ругала, била. Ничего не помогало. Тогда бедную девушку заставили заниматься самой черной работой: она мыла на кухне посуду и полы, ей помыкали все служанки, а ночевала она во дворе рядом с мусорной кучей.

* * *

Один путешественник рассказал Гуо о странном происшествии с куртизанкой из городка Юхань. Гуо спросил, как ее зовут. Когда он узнал, что несчастье постигло его нежную подругу, он продал все свое имущество и даже земельный надел, который получил в наследство. Он явился в Голубой павильон и предложил матери выкупить ее дочь. Та была только рада отделаться от уродины. Они молча покинули павильон. Шой-Юнь заслоняла черное лицо рукавом.

Жили они счастливо. Но Шой-Юнь постоянно печалилась о том, что ее возлюбленный видит лицо, уродливое, как у демона: «О мой муж, мой господин, мое счастье! — говорила она. — Как бы мне хотелось, чтобы ты видел перед собой лицо покрасивее!»

Гуо успокаивал ее, но и он иногда страдал от того, что должен прятать свою жену и что все перешептываются за спиной о том, что такое уродство — должно быть, наказание богов за какой-то ужасный проступок.

Каждый месяц он ездил в большой город, чтобы продавать свои картины. Однажды ему встретился странный человек, который носил на указательном пальце правой руки кольцо в виде дракона с желтыми глазами.

— Почему ты рисуешь всех женщин так, что не видно их лица? — спросил незнакомец.

Гуо, у которого в тот день было тяжело на сердце, обо всем ему рассказал.

— Я врач, — сказал человек, — не позволишь ли мне попробовать на твоей жене особый рецепт?

Гуо согласился, но при условии, что Шой не покажет врачу свое почерневшее лицо. Человек зашел к нему в дом. Он велел принести блюдо с водой и начертил пальцем на ее поверхности таинственные знаки.

— Пусть твоя супруга умоется этой водой, — сказал он, — и лицо у нее станет таким, как прежде.

Шой-Юнь так и сделала. Она стала так прекрасна, что свет солнца бледнел перед перламутром ее щек. Муж и жена бросились благодарить незнакомца. Но он растворился в воздухе, и тогда они поняли, что это бесмертное божество²⁶.

* * *

Каков бы ни был покров внешнего облика, дзен всегда идет прямо к сути.

*Земля под ногами — родина чистейшего лотоса.
А тело твоё, будь оно прекрасно или уродливо, —
тело Будды.*

(Буддийское изречение)

ВОСТОЧНАЯ ПОДУШКА,
ЗАПАДНАЯ ПОДУШКА
Китайская сказка

Эта история случилась давным-давно. В провинции Шеньси, рядом с городом Шуань, жил в то время человек, питавший непримиримую ненависть к одному знатному господину — Ян-Ю-Вэю. Причины тому были непонятны и уходили в далекое прошлое, но Ян должен был быть убит. А он как раз женился на прелестной женщине с чистым и добрым сердцем.

Как-то раз утром человек проник в дом Ян-Ю-Вэя, а его в это время как раз не было. Тогда он схватил отца его жены, связал его, поднес нож к горлу и сказал:

— Первая жена, скажи, где твой муж, а то перережу горло старику!

— Я скажу, — ответила благородная супруга, сохранившая хладнокровие. — Отпусти отца и приходи в дом сегодня ночью, проберись в супружескую спальню.

Я сплю на западной подушке, а муж мой на восточной. Ты легко сможешь его убить.

Враг отпустил старика и ушел.

* * *

Весь день Пао-Тай занималась делами, как обычно. Она была, может быть, чуть более серьезной и задумчивой, но такой же спокойной, как всегда. Она встретила молодую Чу, наложницу, с которой дружила. Долго они шептались, держа друг друга за рукава. Когда супруг вошел, Пао-Тай не рассказала ему о том, что приходил его враг. Ян вернулся из поездки, день у него был трудный, он лег спать рано и положил голову на восточную подушку. В первую четверть ночи Пао-Тай встала:

— Ты куда? — спросил Ян.

— По малой нужде, — тихо ответила Пао-Тай.

Когда она вернулась, то сказала:

— Дорогой мой господин, я что-то приболела, не согласишься ли ты поменяться со мной местами? Я посплю на восточной подушке, чтобы не беспокоить тебя, если снова придется вставать.

Ян сонно пробурчал что-то в знак согласия.

Ночь близилась к концу, но еще не рассвело. Враг пробрался в дом. В руке у него был обнаженный боевой меч. Он прокрался прямо в супружескую спальню и одним ударом лезвия отсек голову, лежащую на восточной подушке. Он наклонился, чтобы посмотреть поближе на убитого врага. Но увидел бледное лицо Пао-Тай и ее длинные распущенные волосы. Он понял, что жена поменялась местами с мужем, и душа его испытала угрызения совести и жалость.

И тогда ненависть, столько лет терзавшая ему сердце, покинула его. Он поклялся положить конец долгой вражде, разделявшей их две семьи. Ян стал ему, как брат, одной плоти, одной крови. Этим и кончается рассказ о жене, которая без колебаний, без хвастовства и без громких слов отдала жизнь за своего мужа и заставила ненависть смениться любовью, вражду — миром. Но такие женщины очень редки. Поэтому ее славят и почитают по всему Китаю, а возможно, также за его пределами...

Так гласит древнее предание.

СЕРЕБРЯНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК

В давние времена жил в деревне, в окрестностях города Эдо (который теперь называется Токио) один мудрый старый монах; даже в самых отдаленных провинциях Страны восходящего солнца он славился своей набожностью и неизменным душевным равновесием. Тошибу улыбался всегда и всем. Он принимал превратности судьбы с совершенным хладнокровием. Однажды один из самых его преданных учеников осмелился спросить:

— Учитель, откуда в твоём сердце столько радости, что, кажется, ничто не трогает его — ни холод, ни жара, ни жажда, ни голод, ни даже человеческая жестокость?

— Открою тебе мой секрет, — ответил Тошибу. — Каждый раз, когда я слышу звон серебряного колокольчика, что висит у моей двери, я чуть не пускаюсь в пляс, столь велико мое веселье и сильна моя радость...

А ученик этот, хоть и пытался показать себя праведным, в сердце был не таким. Он был завистлив, и чужое счастье его печалило. Он решил украсть серебряный колокольчик, чтобы самому познать вечную радость. Однажды ночью он завладел колокольчиком учителя Тошибу, спрятал его под пол и убежал к себе. Завтра же он повесил его у входной двери и приготовился вкушать вечного счастья. Но напрасно он ждал. Колокольчик звенел раз десять за день — и когда дул ветерок, и когда гость

входил в дверь. Но ничего не происходило, и ученик не чувствовал никакой радости. Ему надоело постоянно подстерегать звон колокольчика. Даже ночью этот звон слышался ему. Он не ел, не пил, потерял покой. И наконец решился броситься к ногам своего учителя, отдать ему серебряный колокольчик и молить его о прощении.

Однажды утром он вернул колокольчик Тошибу, каясь и проливая слезы. Учитель спокойно повесил колокольчик над дверью и даровал ученику прощение. Когда тот убедился, что снова вошел в милость, он стал расспрашивать Тошибу:

— Учитель, мне так хотелось бы понять, почему колокольчик, который так радует вас, что вы едва не пускаетесь в пляс, и ничто не может омрачить эту радость, стал для меня только источником огорчения?

— Кипарис во дворе, — сказал Тошиба.

Это был намек на известную историю, которую знают все, кто изучает дзен:

— Что такое дзен? — спросил ученик.

— Кипарис во дворе, — ответил наставник.

Дзен — это действительно кипарис во дворе, или посох нищего, или миска риса, или серебряный колокольчик. Дзен — все это и одновременно другое. Он и здесь и там, но нет его ни здесь, ни там. Дзен — простое непосредственное переживание и одновременно непроницаемая тайна.

ЖАВОРОНОК И СОЛНЦЕ

Высокая, чистая трель: «Три-ри-ри!» — это стрелой взлетает над полем, взмывая к солнцу, опьяненный его лучами рыжеватый жаворонок с острыми крылышками, пестренькой спинкой и белой грудкой.

«Пылающий уголь небес, первое сияние дня», — пишет Рене Шар.

— Три-ри, три-ри-ри! — эта пронзительная упрямая трель, что повторяется каждое утро с восходом зари, завораживает. Когда-то, по японской легенде, жаворонок неосмотрительно одолжил денег солнцу, а солнце не вернуло долг! И с тех пор каждый день на заре он щебечет:

— Солнце, солнце, отдай мои гроши!

А иногда жаворонок негодует: «Три-ри-ри! Отдашь ты наконец долг или нет, скупое солнце, старый сквалыга?»

А иногда поет жалобно: «Три-ри... пик-пик, чирик-чирик, солнце, отдай золотые, отдай медяки, отдай блестящие монетки!»

***

Что за упрямство! Одна из моих теток после Второй мировой войны отказалась верить в смерть сына, погибшего на фронте. Тридцать пять лет она каждый день

ходила на Восточный вокзал, встречала поезда из Германии, требовала своего сына Пьера у начальника вокзала, у земли, у неба, у Бога! А аргентинские матери, «безумные с площади Мая», которые уже двадцать пять лет каждый четверг неустанно кружат по площади Буэнос-Айреса против часовой стрелки, неся криво написанные плакаты, требуя своего ребенка у правительства, властей, у солнца, у Бога!

— Три-и-и... Три-ри! — поет, раскрыв клювик, жаворонок с маленьким хохолком, коричневыми крылышками с белой каймой. Маленький полевой жаворонок воспевают непобедимую, бессмертную надежду.

* * *

— Какие занятия помогают достичь просветления? — спросил ученик.

— Таких занятия три, — ответил учитель. — Практика, практика и еще раз практика.

КНЯЗЬ ТУ-ТИ И ДРАКОНЫ

Китайская сказка

Князь Ту-ти с детских лет питал безмерную страсть к драконам. Ему нравились только такие игрушки и картинки, которые их изображали. Его любящие

родители оклеили его комнату изображениями всех драконов, которых только можно себе представить, — желтых, красных, белых... Они никогда ему не надоедали, а его любимой игрушкой был тряпичный дракон с угрожающим оскалом, которого он повсюду носил за собой. Когда он вырос и после смерти родителей унаследовал их имущество, он стал тратить свое богатство на то, чтобы окружить себя драконами. Он вызвал к себе самых знаменитых художников и приказал им расписать полы, стены, ширмы и потолки.

— Везде, куда бы ни упал мой взор, — сказал он, — я хочу видеть только драконов.

Приказ был исполнен, но и после этого Ту-ти остался недоволен. Он позвал скульпторов, которые изваяли двух золотых драконов, украшающих императорский дворец.

— Мне нужна точная копия этих двух драконов, — сказал он. — А потом прошу придать форму драконов всем колоннам и столбам в моем доме. Сколько времени вы потратите, сколько денег запросите — неважно; только бы ваше творение блистало правдоподобием!

Художники и скульпторы, ремесленники и подручные принялись за работу. Никто еще не видел столько драконов в человеческом жилище. Они были во всех уголках, на всех самых малых выступах и выглядели совсем как живые — вот-вот заговорят! Но царевич

Ту-ти все же был недоволен. Он призвал к себе величайшего ткача королевства и заказал у него семь шелковых полотнищ и девять шерстяных ковров с драконами всех цветов — желтыми, красными, черными, белыми и даже редчайшими синими драконами... Работа была исполнена. Чего еще не хватало Ту-ти? Он вздыхал втихомолку:

— Ах! Все бы отдал, чтобы увидеть живого дракона!

* * *

Как раз в то время Великий дракон, живущий в темных лесах на севере Китая, пролетал над той провинцией. Он слышал сетования Ту-ти и подумал: этот знатный вельможа любит драконов от всей души, он окружил себя всяческими изображениями, он преклоняется перед драконьим народом. Вознагражу-ка я его — позволю увидеть мое благородное обличье. Он подлетел к дому Ту-ти и заглянул в окно. Любитель драконов мечтал, раскинувшись на подушках, вышитых желтыми, красными и белыми дракончиками. Он любовался прекрасным голубым драконом, украшающим потолок и вдруг случайно взглянул в окно и узрел кошмарное видение. В окно заглядывала страшная морда, оскалившая острые клыки. Что самое ужасное, чудовище ему улыбалось.

Завидев настоящего дракона, царевич Ту-ти в страхе бросился бежать.

МОЛОДАЯ КРОТИХА

То, что мы рассказываем о кротах, не вполне справедливо. Крот и вправду подслеповат, но его зрение вполне приспособлено к жизни под землей. Его серая лоснящаяся шубка — верх элегантности. А передние лапы, похожие на лопаты! Ведь они объединяют приятное с полезным! Итак, в этой сказке речь пойдет об одной молодой кротихе — настоящем украшении кротовьего рода. Ее родители оправданно гордились своей дочерью; они были богаты, владея многими просторными норами и разветвленными ходами, и подумывали о том, чтобы выдать единственную дочь замуж за какую-нибудь знатную персону.

* * *

Кого же выбрать? По совету мудрого старого крота, много путешествовавшего в молодости, они подумали сначала о солнце. Хотя кроты с ним не были знакомы, его весьма уважали другие звери, живущие на поверхности земли, и рассказывали о нем много хорошего. Но не следовало решать, не подумав — ведь речь шла о будущем дочери. И родители обратились к частному сыщику, чтобы тот разузнал побольше об интересующем их женихе. После нескольких недель расследований детектив доложил:

— Живет он действительно с блеском!
— Вот как! — обрадовались родители.
— Но одна его особенность меня беспокоит, — добавил детектив. — Стоит появиться облачку — как солнце тускнеет, теряет блеск и даже исчезает.

— Если облака сильнее солнца, — воскликнули родители, — тогда пусть нашим зятем будет облако. Поди найди самое знатное облако для нашей дорогой дочери!

Сыщик удалился и принялся разглядывать облака. Он искал долго, внимательно рассматривал все тучи, все кучевые, перистые и грозовые облака и наконец отыскал молодое облако приятной формы и цвета, одетое в белый наряд с элегантной серой каймой. Он уже приготовился сообщить ему о лестном предложении родителей невесты, но вдруг налетел ветер — и щеголь-облако развеялся, рассеялся и вовсе исчез. Сыщик вернулся в кротовью нору несолоно хлебавши.

— Приходится признать, — сказали родители, — что мы были введены в заблуждение внушительной внешностью кандидатов; но теперь-то мы знаем: ветер — вот тот зять, который нам нужен!

Стало быть, ветер. Но какой из ветров? Мистраль, сирокко, ураган, зефир, шерги с высоких алжирских плато, бора, овевающий счастливые острова, западный ветер, несущий дождь, зюйд-вест, фён, северный ветер с гор Средиземноморья или аквилон? У сыщика уже

голова закружилась — и тут он заметил, что восточный ветер, молодой и сильный, налетает на глиняную стену. Сыщик подошел и стал наблюдать: ветер дул, выбивался из сил, задышался, потел...

— Давай, старайся! — усмехалась стена. — Ты меня не повалишь, я сильнее тебя!

Надо же, — подумал сыщик, — глинобитная стена стоит, а ветер налетает на нее впустую. Надо признать, что ветер не самый сильный в мире. Не стоит даже спускаться в кротовую нору — знаю, что скажут родители: переговоры с нерушимой стеной, которой нипочем солнце, облака и ветер.

Начались переговоры. И сыщик уже почти добился своего, как вдруг увидел, как собеседник рушится у него на глазах. Стена трескалась, обваливалась кусками, крошилась, и наконец обвалилась — ведь под ней было прорыто множество кротовых ходов.

Как вы думаете, чем кончилась сказка?

Невеста-кротиха вышла за молодого крота.

* * *

— Зачем бродить по свету? — сказал учитель дзен. — То, чего вы ищете с таким усердием и жаром, уже у вас есть. Ведь природа Будды заключается внутри вас самих.

ВОЛШЕБНАЯ ЛОПАТКА

Китайская сказка

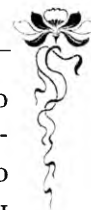
Притча дзен интересна не только содержанием — она вызывает в нас тонкий резонанс, открывает путь к вечному Атме.

* * *

Гуо-Гуань потерял отца. В тринадцать лет он славился выдающимися способностями. Мать его обожала. Все предсказывали ему великое будущее. По семейной традиции ему предстояло стать великим мандарином, почтенным ученым. Губернатор уже приготовил ему при себе почетный пост. Однажды утром, когда Гуо-Гуань, как обычно, шел в школу, он встретил на улице прекрасную девушку по имени Цинь-Нго. Он сразу же влюбился в нее, и вся его жизнь изменилась. Слово буря налетела на корабль, заставила его сменить курс и вынесла на незнакомый берег.

* * *

По настоятельной просьбе Гуо-Гуаня его мать нанесла, как это требуется по обычаю, визит родителям девушки. Цинь-Нго принадлежала к почтенной семье. Ее отец, бывший смотритель храма, ушел от мира и вел монашескую жизнь в горах. По его завету дочери пред-

стояло принять монашеский сан; ей не позволено было выходить замуж. Когда Гуо узнал об этом, он погрузился в отчаяние. Столь сильно и ужасно было его горе, что мать стала опасаться за его жизнь. Как-то раз утром он вышел из дома и был столь погружен в раздумья, что шел, не разбирая дороги, и толкнул прохожего, монаха-даоса. Гуо извинился, и монах ответил ему улыбкой. В руке он держал лопатку, которой помахивал перед собой. Гуо машинально задал вопрос:

— Что это за лопатка у тебя в руке?

— Эта лопатка волшебная, — сказал монах. — С ее помощью я пробиваю стены и нахожу лечебные растения.

— Вот эта маленькая лопатка пробивает стены?

— Истинная правда, — подтвердил монах и тут же ударил по стене ближайшего дома.

Лопатка вошла в стену, как в масло. Монах проткнул стену еще в нескольких местах. Гуо на минуту отвлекся от своего горя и смотрел на него с изумлением.

— Если лопатка тебе нравится, дарю, — сказал тогда монах. Гуо хотел заплатить хорошую цену, но монах отказался и ушел, улыбнувшись ему на прощание.

* * *

В следующие дни Гуо пробовал лопатку на всех предметах, которые подворачивались ему под руку. Он пробивал стены, делал дырки в изгородях и, как в лихорадке,

набрасывался на камни мостовой. В один прекрасный день он подошел к дому своей возлюбленной. Зачем? У него не было определенных намерений, его словно влекла непреодолимая сила. Он сделал подкоп под внешней стеной, проломил стены дома и дошел до спальни Цинь, где девушка готовилась отойти ко сну. Наконец она легла спать. Гуо, смущенный, с колотящимся сердцем, ждал. Наконец, когда Цинь заснула, он забрался в кровать, накрылся вышитым одеялом и тоже уснул, чувствуя волшебный аромат ее дыхания.

Наутро служанка пришла будить свою госпожу и увидела, что рядом с ней спит незнакомый юноша. Она закричала, и вскоре чужака обступили служанки и слуги, вооруженные палками. Домашние узнали Гуо, ученого студента. Его обещали простить, если только он никогда не вернется и не увидит больше девушку. В это время Цинь задумчиво молчала, молодой человек тронул ее сердце. И, несмотря на возражения отца, человека святой жизни, непонимание ее матери, стыд матери Гуо, горько сожалевшей о проступке своего сына, свадьба вскоре состоялась благодаря тому, что губернатор замолвил за юношу словечко.

* * *

Никому не известно, были ли молодые супруги счастливы в этом мире, потому что вскоре после свадьбы

Цинь умерла. Гуо исчез несколько месяцев спустя. Говорят, он унес с собой волшебную лопатку и освободил возлюбленную из могильного склепа. Теперь они навсегда соединились в подводном дворце бессмертных.

ОБЕЗЬЯНКА

Жила-была обезьянка — у нее был длинный хвост, хитрая мордочка и кисточки на ушах, а породой она была мартышка уистити. Как попала она в додзё Ягью Тадзимы, великого мастера меча? Никто этого не знал. Но обезьяна наблюдала за всеми упражнениями, бегала среди учеников и пыталась подражать им.

Как-то раз утром в дверь додзё учителя Ягью Тадзимы постучал рёнин и попросил о том, чтобы учитель даровал ему честь обучения искусству меча. Чтобы показать свою доблесть, он вызвался сразиться с любым противником, которого выберет учитель. Тот улыбнулся и сказал:

— Приму тебя в ученики, если победишь мою обезьяну.

Рёнин удивился, но, будучи уверен в себе, принял условие. И ему, и обезьяне дали по деревянному трени-

ровочному мечу, и учитель подал знак начать поединок. Обезьянка с бешеной быстротой завертела мечом, сделала огромный прыжок, приземлилась на спину противника и, не успев тот прийти в себя от удивления, выбила меч у него из рук. Раздосадованный и смущенный рёнин удалился.

Он стал изо всех сил изучать искусство меча — кендзюцу. Уйдя от мира, он в одиночестве занимался днем и ночью. Также он практиковал дзадзен — сидячую медитацию. Так многие месяцы он шел по Пути. Мало-помалу он освободился от иллюзий, сомнений, малодушия. Он освободился от гордыни, желания и страха; он вышел за пределы своего «Я» и вошел в мирную гармонию со Вселенной. Прошло несколько лет. Однажды утром бывший рёнин решил, что готов. Он снова подошел к воротам додзё мастера Ягью Тадзимы:

— Я пришел сразиться с обезьяной, — скромно сказал он.

Пошли за мартышкой, дали ей в лапы деревянный меч. Ловкая хитрая обезьяна сделала шаг вперед. Но только увидела бывшего рёнина, который стал отшельником, пронзительно завизжала, выронила оружие и удрала.

— Добро пожаловать в додзё, — сказал учитель, — будешь моим учеником.

«Когда ученик готов, приходит учитель», — гласит старая буддийская мудрость. Когда ученик готов, это и обезьяне видно.

ЖЕНИТЬБА ЦАРЯ ДРАКОНОВ

Китайская сказка

Влюбиться можно в любом возрасте; даже в то грустное время, когда тускнеет блеск глаз, притупляются когти, слабеют крылья, а длинный змеиный хвост белеет от старости. Эта сказка о том, как царь драконов влюбился, будучи уже в зрелых и даже преклонных годах, в молодую шестнадцатилетнюю дракониху.

***

Они поженились. У новобрачной в глазах горел огонь, когти были остры, как у молодой львицы, а чешуйчатое тело блестело, как весенняя роса. По окончании свадебного торжества все гости ушли домой, даже рыбы, самые верные подданные царя драконов. Новобрачная стала скучать, и так она скучала, тосковала и печалилась, что даже заболела. Обеспокоенный престарелый супруг

вызвал к ней самых известных докторов. Диагноз был неутешителен. Царице предстояло умереть, если только не будет удовлетворено тайное желание, подтачивающее ее здоровье.

Царь драконов стал умолять жену:

— О дорогая супруга, зеница моих очей, радость моего сердца, скажи, чего ты желаешь, и что бы это ни было, я торжественно клянусь твое желание исполнить.

Царица долго плакала и много раз отказывалась, но наконец все же открыла свою тайну:

— Мне хочется... — рыдая, проговорила она, — съесть печень живой обезьяны, я чувствую, что после этого здоровье вернется ко мне.

— Печень живой обезьяны! — воскликнул царь. — О дражайшая супруга, и не думай об этом! У меня нет власти над лесным народом, а затевать сейчас войну...

— Ах, мой повелитель, — заплакала новобрачная. — Ты меня не любишь. Отказываешь мне в первой же просьбе...

И несчастная царица потеряла сознание от печали. Ее стройное чешуйчатое тело так трогательно раскинулось по прибрежному песку, что старый царь ослабел и решил удовлетворить ее желание. Любой ценой.

Но затевать войну было нельзя, и царь выбрал путь дипломатии. Он призвал к себе благородную придворную фрейлину медузу — она отличалась преданностью,

но также и хитроумием. В те времена медузы были обычными рыбами — у них были глаза, плавники, хвост, а еще короткие ножки, позволяющие ходить по твердой земле.

— Я решил отправить тебя с важнейшей посольской миссией к лесному народу, — объявил царь драконов.

Медуза поклонилась, глаза ее заблестели от гордости:

— Слушаюсь, мой повелитель.

— Ты должна уговорить какую-нибудь обезьяну прийти в нашу страну. Воспользуйся любыми средствами, пообещай ей вкусные фрукты — бананы и кокосовые орехи. Скажи ей, что ей будут оказаны великие почести, что в нашей стране царит вечное лето... наобещай с три короба, ври что хочешь. Когда обезьяна попадет к нам, мы вырежем у нее печень, чтобы спасти царицу!

— Слушаю и повинуюсь! — сказала медуза и вышла, пятясь, с тремя поклонами, как это принято при драконьем дворе.

* * *

Медуза шла три дня и наконец добралась до страны обезьян. Она окликнула первую обезьяну, которая качалась на высокой кокосовой пальме:

— О почтенная обезьяна, — сказала она. — Я пришла из страны царя драконов, который царит над

морем и всеми его побережьями. Мой хозяин пригласил тебя к своему двору. Тебе окажут там царские почести, угостят вкуснейшими фруктами — кокосовыми орехами, орешками кешью, мускатным виноградом, финиками, фундуком, — в наших погребах много запасов. В драконьем царстве всегда хорошая погода, его обитатели милы и дружелюбны, и ты не встретишь там ни одного представителя отвратительного человеческого рода!

Тут она замолчала, запыхавшись от долгой речи.

Обезьяна посмеивалась, глядя на медузу с ветки. Она думала: у этой рыбки такой честный и бесхитростный вид, почему бы не попытаться счастья?

Она спрыгнула на землю:

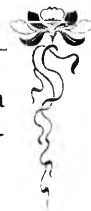
— Пошли, — сказала она. — Мне любопытно побывать в твоей стране и поклониться твоему повелителю, царю драконов.

— Тогда залезай ко мне на спину, — любезно предложила медуза, — мы поплывем по морю, так путь короче.

* * *

Через несколько часов обезьяна уже жалела о своем опрометчивом желании. Вокруг простиралось безбрежное море. Медуза плыла молча. Обезьяне стало тревожно. Она попыталась завести разговор:

— Скажи, подруга, — спросила она, — почему ты выбрала именно меня?

— Наша царица заболела, — простодушно ответила медуза, — ей нужно съесть печень живой обезьяны, чтобы вылечиться.

— Понятно, — сказала обезьяна.

Сердце у нее ушло в пятки от страха. Вокруг море; на горизонте — ни островка. Чтобы спасти свою шкуру, придется схитрить!

— Понимаю, — повторила она и добавила. — Для меня большая честь поспособствовать выздоровлению вашей царицы!

Простодушная медуза одобрительно закивала.

«Царь будет доволен», — подумала она.

* * *

Час прошел в молчании. Медуза плыла, обезьяна размышляла. Вдруг она воскликнула:

— Вот так незадача! Сегодня утром, незадолго до нашей встречи, я повесила печень на ветку высокого каштана. Я собиралась попрыгать по кокосовым пальмам, а печень — вещь драгоценная и хрупкая, вот я и спрятала ее, чтобы не разбить ненароком! Только что об этом вспомнила! Ах, как жаль!

— Что же нам делать? — спросила медуза. — Если я вернусь ко двору с обезьяной без печени, мой повелитель меня не простит.

— Разумнее будет вернуться, — посоветовала обезьяна. Медуза согласилась, и вот они снова оказались в лесу. Обезьяна сразу же вспрыгнула на самую высокую ветку каштана:

— Что-то я не вижу своей печени, — воскликнула она, — не иначе какой-нибудь лиходея ее похитил! Возвращайся домой, подруга, и заходи как-нибудь в другой раз! Уж тогда-то я ее найду!

И она скрылась в ветвях, махнув лапой на прощанье.

* * *

Когда бедная медуза вновь предстала пред светлые очи царя драконов и рассказала ему обо всем, тот ужасно разозлился:

— Ах ты дура безмозглая! — вскричал он и позвал подчиненных, чтобы они избили медузу. Те справились с этим так хорошо, что теперь у медузы во всем теле нет ни одной целой кости. Теперь она бесформенная, как желе, и научилась жалить как крапива — стоит до нее дотронуться, сразу появятся ожоги. Так она выражает свою неприязнь к обезьяньему народу.

Говорят даже, что она невзлюбила весь род млекопитающих.

А царица драконов не получила печень, о которой так просила.

Вскоре она забыла о ней, и прекрасно поправилась и так.

МОНАХ И РАСКИДИСТАЯ СОСНА

В христианских странах Востока в первые века нашей эры стилитами называли отшельников, устраивавших кельи на вершинах полуразрушенных портиков или колонн. Среди них больше всего славился Святой Симеон (около 390—459 гг.) По легенде, один буддийский монах поступил по его примеру. Но то ли не найдя подходящей колонны, то ли из скромности он поселился на вершине раскидистой сосны. Это дерево, обычно растущее на скалистых горных склонах большого острова Хонсю отличается причудливо изогнутыми ветвями, его темно-зеленая крона закругляетсяверху, как зонтик. В развилке ветвей можно устроить шаткое и небезопасное обиталище.

Монаха по имени Дори местные жители прозвали «Хозяин птичьего гнезда». Как-то раз его решил посетить один известный поэт. Когда он подошел к дереву, монах сидел в дзадзен, позе пробуждения. Ноги его были сложены в лотос, спина прямая, глаза полужакрыты, взгляд направлен на точку, находящуюся впереди него, примерно в двух метрах, руки сложены поверх

скрещенных ног ладонями вниз, так что левая рука покоится на правой²⁷, а большие пальцы слегка соприкасаются. Дыхание ровное, тихое, мирное, рот закрыт, но не сжат. Язык прижат к небу, внимание сосредоточено на точке хара, расположенной примерно в четырех сантиметрах под пупком. А в сознании царит тишина. Тишина дзен — не просто отсутствие шума; она позволяет почувствовать сущность, делает жизнь и смерть близкими и знакомыми, объединяет наше мелкое существование со вселенской Жизнью, открывает в нас тайную дверь и путь к Абсолюту.

***

Поэт, вовлеченный в мирскую жизнь, полный надежд, желаний, страхов, шума, желаний, тщеславия, окликнул учителя дзен:

— Осторожнее! Не упадите с дерева, вы сидите в опасной позе!

Ответом ему было молчание.

Раздосадованный, поэт уже собирался уйти, и тут монах произнес такие слова:

— Мой друг, ты поэт, ты живешь волнениями, страстью, твой дух непрерывно находится в движении, я чувствую, что он тревожен и беспокоен. Это ты находишься в опасности.

***

И тогда, поскольку дзен передается от души к душе, от существа к существу, поэт познал свое рабство и тюрьму своего «Я». Он горячо захотел освободиться:

— Учитель, что мне делать? — смиренно спросил он.

— Делай добро, ищи свое истинное лицо, — сказал учитель.

И снова погрузился в молчание.

Так рассказывают.

«СОЛОВЬИНЫЙ ГРОШ»

Эта история случилась давным-давно. Жил-были в бедной лачуге юноша и его мать. Как-то раз парень отправился в большой город, чтобы поискать там работу. В дороге, когда он взбирался на гору, его застигла гроза. Спускалась ночь. Вдали он заметил огонек и направился к нему. Он промок до костей и постучался в окошко домика. Его встретила улыбающаяся молодая красавица. Голос ее был мелодичен, и каждая фраза в ее кристально-чистом крещендо казалась танцевальной музыкой. Молодая женщина предложила ему подкрепиться. Во время трапезы она стала его расспрашивать.

— Вижу, — сказала она, выслушав его, — что ты надеешься найти работу в большом городе Эдо. А я живу здесь одна — хочешь поработать на меня?

Молодой человек согласился.

* * *

Юноша рубил дрова, делал черную работу, вскапывал поле. Он был мужественным и честным, и женщина его уважала. Однажды она сказала ему:

— Мне надо уехать ненадолго. Ты знаешь, что за домом стоят три амбара. Очень прошу тебя не заходить в третий и даже не заглядывать туда.

Молодой человек повиновался ей во всем. Он никогда не входил в третий амбар и даже не заглядывал туда. Прошел год. Осенним утром он сказал:

— Я хочу повидать мать, не можешь ли ты отпустить меня?

Женщина с гор передала ему монетку, завернутую в красивую шелковую бумагу. «Вот твоё жалованье, — сказала она. — Думаю, ты останешься доволен».

Парень вернулся домой. Он развернул бумагу и увидел монету тонкой работы. Не зная, что с ней делать, он показал ее старосте деревни, тот воскликнул:

— Эта монета называется «соловьиный грош». Она очень редкая, ведь, чтобы сделать такую монету, благо-

родной птице требуется тысяча лет. Я готов купить ее у тебя за тысячу золотых.

Молодой человек согласился. Он разбогател, женился и жил счастливо.

* * *

Но один сосед ему позавидовал. Он горел желанием тоже заполучить «соловьиный грош». Он спросил молодого человека, как досталась ему монета; тот охотно обо всем ему рассказал. Алчный сосед ушел в горы. Он встретил женщину, живущую одну, и предложил служить ей. Она наняла его. Он работал изо всех сил, зная, что через год получит чудесную награду. Как-то раз утром женщина сказала:

— Я уйду на несколько дней. За домом три амбара — третий заперт наглухо. Ты ни в коем случае не должен туда входить и даже заглядывать.

Жадный сосед подумал: «Здесь-то она и прячет своё сокровище. Завтра я пойду туда с мешком, наполню его чудесными монетами и стану самым богатым человеком на свете».

Назавтра, убедившись, что женщина ушла, он вошел в третий амбар. Там было пусто. Он увидел только ветку цветущей сливы, на которой пел соловей. Как только птица заметила, что на нее смотрят, она улетела.

Тут же исчез и дом, и жадный сосед увидел, что сидит на куче хвороста, а вокруг ни души, только безлюдные горы.

Вот так-то.

ЗОЛОТОЙ ПАЛЕЦ

Китайская сказка

Как-то раз в далекие времена в древнем Китае один маг и отшельник принимал у себя друга молодости по имени Сянь-Жу. Монах много лет жил в самом сердце гор, в глуши, и встретил своего друга с великой радостью. Он накормил его и предложил ночлег. На следующий день он сказал ему:

— Сянь-Жу, в память о годах нашей юности я хочу сделать тебе подарок.

И, ткнув пальцем в большой камень, он превратил его в слиток чистого золота. Но друг не обрадовался, а помрачнел. Он даже не поблагодарил:

— Монах Вей,— сказал он. — Путь к тебе в горы был долгим и трудным. Думаешь, я удовольствуюсь каким-то маленьким золотым слитком?

Монах, желая угодить другу юности, показал пальцем на громадную скалу, и она тоже превратилась в чистое золото.

— Надеюсь, что теперь ты доволен,— засмеялся он,— и твой осел сумеет ее перевезти.

Но Сянь-Жу не улыбался, а был все так же мрачен.

— Ну что еще тебе надо? — спросил монах.

И тогда Сянь-Жу, друг его юности, выхватил большой нож, который носил на поясе.

— Мне нужен твой палец.

ГОСПОДИН ХАН

Китайская сказка

Почтенный господин Хан, мандарин высокого ранга, обитал в своем поместье в приятном уединении. Он любил также дружескую беседу и часто принимал у себя господина Сю, своего обходительного соседа. В тот день они беседовали в тени, пили чай и ели рисовые хлебцы, когда вдруг из кухни до них донеслась перебранка. Господин Хан спросил, в чем дело. Пришел нищий монах и настаивал на том, чтобы хозяин дома принял его лично!

— Он не отступает и уходить не хочет,— объяснил сторож.

— Пусть войдет! — разрешил господин Хан.

Буддийский монах в изношенных дырявых одеждах выглядел вовсе не благообразно. Господин Хан доброжелательно обратился к нему.

— Я пришел в ваш городок недавно,— сказал нищий монах. — Поселился в разрушенном храме на востоке города. Мне рассказали о вашей щедрости, вот я и пришел!

Говоря это, оборванный монах, не стесняясь, угощался с господского стола. Он попробовал и соленые, и сладкие рисовые печения, погрыз тыквенных и подсолнечных семечек из фарфоровых плошек. Не отказался он и от мясных котлеток с семенами сезама и лотоса — проглотил целых три. Между глотками он закусывал миндалем и сушеными фруктами, и все это запил множеством чашек чая. Не меньше двадцати чашек выпил! — подсчитал господин Сью, шокированный нахальством гостя.

Монах пристрастился заходить в дом к господину Хану. Приходил он обычно к обеду, напрашивался к столу, накладывал себе на тарелку закусок и вволю пил чай. Господину Сью все труднее было выносить все это. Однажды в послеполуденный час, когда монах проглотил двенадцатую чашку чая и без стеснения откусил от пышного рисового пирожка, господин Сью насмешливо окликнул его:

— Ваше святейшество, мы с моим другом господином Ханом польщены постоянством, с которым вы делите нашу скромную трапезу; не можете ли вы и нас к себе пригласить?

Монах преспокойно ответил:

— Приходите, когда хотите, но, знаете ли, я живу в развалинах и смогу предложить вам разве что чистую воду!

И засмеялся.

***

Подойдя к древним руинам храма, в которых поселился монах, господин Хан и господин Сью были поражены. Храм отремонтировали. Центральное здание было отреставрировано полностью. Они вошли в великолепный зал, где их ждал огромный стол, покрытый вышитой скатертью. Глаза их заблестели при виде изобилия блюд. Они заняли места на ложах. Шестнадцать красивых юношей в парадных нарядах, в красных сандалиях прилежно служили им, исполняя их малейшие желания. На блюдах из хрусталя и яшмы им поднесли незнакомые вкуснейшие фрукты. Сам хозяин, одетый в парчу и золото, наливал им в высокие кубки ароматное вино, достойное небожителей.

Вдруг монах хлопнул в ладоши:

— Пригласите сестер Шех! — крикнул он.

Слуга вышел из зала и вскоре вернулся с двумя прелестными юными девушками, чей стан был гибок,

как ива. Та, что постарше, заиграла на флейте, та, что помоложе, запела хрустально-чистым голосом. Потом они стали танцевать. Подолы длинных платьев, казалось, не касались пола, вокруг разливался дивный аромат. Господин Хан и господин Сью почувствовали, что «сердцу их стало тесно, и душа готова улететь». В этот момент монах пригласил молодую танцовщицу к себе на ложе, а та, что постарше, наклонилась над гостями и стала обмахивать их веером. Господин Хан и господин Сью, у которых голова закружилась от выпитого чудесного вина, смотрели на это с удивлением. Господин Сью первым воскликнул:

— Этот монах поистине бесстыдный человек!

Шатаясь, он поднялся, но монах вдруг исчез:

— Господин Хан,— позвал он,— идите сюда! Девушки готовы...

И господин Сью упал с молодой девушкой на ложе, только что покинутое монахом. Господин Хан в свою очередь обнял гибкий, как ива, стан той, что постарше, и лег с ней рядом. И тогда небо посветлело. Иллюзия опьянения рассеялась. Господин Хан и господин Сью обнимали две холодные каменные плиты. Они лежали посреди руин, заброшенных зданий и разрушенных покоев.

Так рассказывают.

***

Все в этом мире — иллюзия. Все эфемерно. Ребенок исчезает, отрок становится взрослым, а от того что остается к старости?

Все течет, все меняется. Но ты, кем бы ты ни был, ты не только это жалкое скопление секретов, страхов, желаний и жалоб, которое ты называешь «Я», ты — бессмертная Действительность, «ТАТ ТВАМ АСИ», «ТЫ ЕСТЬ ТОТ», кто никогда не умирает, ты — Абсолют, ты — Бесконечность.

Все меняется, все течет, все умирает, вечен лишь бессмертный Атма.

АНШИ

Жила-была злая и жестокая свекровь, из тех, о которых в сказках рассказывают — придирчивая, сварливая мучительница. Без всякой радости она встретила главную супругу, которую выбрал себе ее сын. А ведь Анши была красива, даже слишком, с точки зрения старой карги. Она была дочерью придворного, который имел несчастье впасть в немилость у императора, и его благородной дочери пришлось выйти замуж за работающего чиновника.

Молодая женщина сохраняла многие черты прошлого великолепия — длинные волосы, деликатные манеры, грациозную фигурку, перламутрово-бледные щеки, безупречную осанку. Но злой свекрови до этого не было дела — она заваливала ее домашней работой — заставляла готовить, мыть, подметать. Бедняжка работала без перерыва весь день, а за это получала только брань:

— Ты здесь не при дворе, — голосила гарпия. — Тебе повезло, что ты вышла за моего сына, ах ты, лентяйка, задавала, бесстыдница!

Анши молчала. В эпоху Хейян²⁸ японский кодекс в главе «О семействах» уточнял разные причины для изгнания жены, то есть ее бесчестья и смерти для общества. Два первых — бесплодие и измена; и третий, который стоит вспомнить в этой истории: «Недостаток дочерней почтительности к родителям мужа».

По этому закону родители мужа, и в особенности свекровь, могли распоряжаться женщиной, как захотят. Отметим для памяти три других повода для изгнания, которые наводят на размышления.

Ревность. Вспомним, что муж, кроме главной супруги, имел, в зависимости от состояния и положения в обществе, несколько других жен и сколько угодно сожительниц, что не исключало регулярных посещений куртизанок. И впрямь, какая тут может быть ревность?

Болтовня (необдуманные речи). Известно, что мужчина говорит, объясняет, ораторствует, а женщина болтает, щебечет, несет ерунду...

И наконец, болезнь. Зачем нужна больная жена? Лучше сразу от нее избавиться.

* * *

Однажды прекрасная и несчастная Анши готовила рис на обед всей семье, и вдруг ее свекровь рассердилась на нее без всякой причины. Казалось, невестка не замечает ее ругательств — но вдруг она выхватила из огня горящее полено и швырнула его в окно; полено случайно упало на овцу и подожгло ее шерсть. Испуганная овца ринулась вперед и бросилась в стог сена, который также загорелся. В тот день дул сильный ветер, и огонь мигом перекинулся на хлев и конюшни. Скот и лошади ринулись в разные стороны и проломили стену соседского дома. Тот был человеком мстительным; он решил расквитаться с владельцем лошадей. И так от соседа к соседу, от деревни к деревне, от провинции к провинции война распространилась, как лесной пожар, и разорила всю страну. Вот что может породить злоба одной свекрови.

Так рассказывали о давно прошедших днях.

* * *

Карма — по буддийскому учению это закон причины и следствия. Карма — это совокупность наших физических или духовных действий и их последствия.

* * *

*Сомнешь крылышко мотылька —
и изменится ход светил.*

(Буддийское изречение)

ЛЕГЕНДА О КУКУШКЕ

Французский петух кукарекает по-французски: «Кокорико!», немецкий — по-немецки: «Кире-кики!», а английский, разумеется, по-английски: «Кук-и-дудл-ду!» Петухи ли говорят на языке родной страны, или это люди по-своему переводят невинный петушиный крик? Можно улыбнуться этому вопросу, но есть песня, которую уж точно нельзя изменить по своему вкусу — это песня кукушки! И вправду, как перетолковать эти два повторяющихся звука, такие ясные и четкие: «Ку-ку... ку-ку»? Тот, кто однажды услышал приятный тембр ве-

сенней летуньи, знает, что кукушка именно кукует. Однако в Стране восходящего солнца говорят, что кукушка говорит не «ку-ку... ку-ку...» а «Какко... какко!» И даже уточняют, что у нее есть на то важная причина.

* * *

Много веков назад отец кукушачьего семейства попросил дочь почесать ему спину. Он не мог сделать это сам, сколько ни вертелся и ни крутил клювом! Дочь-кукушка была молодой и взбалмошной. Она отказалась из-за того, что отцу не нравился ее ухажер, носивший совершенно безвкусный красно-коричневый костюм, приличный не для кукушки, а разве что для сойки какой-нибудь.

— Это же курам на смех! — восклицал отец семейства. — Серая кукушка всегда должна носить серое!

— Ничего ты не понимаешь, это последняя мода, — отвечала дочь.

Как бы там ни было, молодая кукушка отказалась помочь отцу. А тот, страдая от зуда, попытался чесаться об острую скалу. Он поранился. Рана загноилась. Он умер. Печальная история... Юная кукушка так горюет, что с тех пор всегда повторяет: «Какко... какко!» Что значит, по-японски: «Почешу! Почешу!» — обещает почесать спину отцу.

Но увы, слишком поздно!

* * *

Угрызения совести — как открытая рана. Они вредят и самому человеку, и его близким. Как говорит мудрец, следует брать на себя ответственность за ошибки, делать все возможное, чтобы их исправить, а потом забывать о них.

*Цветы весной, луна осенью,
свежий ветерок летом, снег зимой.
Освободи душу от пустых мыслей,
и каждое время года станет для тебя волшебным.*

Мумон (1183—1260)

Китайский поэт и учитель дзен

ШАО-ШУ

Китайская сказка

Как-то раз Шао-Шу упал в снег и закричал: «Помогите! Помогите!» Один монах лег рядом с ним. Тогда Шао-Шу встал и ушел.

* * *

- И это вся сказка? — спросил ученик.
- Да, — сказал учитель.
- Нелепая какая-то сказка. Главный герой падает

в снег и не может встать. Почему? Это ребенок, старик, больной, а может, у него голова закружилась, или он попал ногой в канаву? Тут появляется монах, и вместо того, чтобы помочь, протянуть упавшему руку, он ложится с ним рядом. Это непонятный, неразумный, странный поступок. Разве вы не согласны, учитель?

— Думай, — сказал учитель дзен, — эта история — коан, которая может помочь тебе на пути к просветлению.

Ученик крепко задумался. Но проходил день за днем, а он все никак не мог понять. Если Шао-Шу был ранен, как одно присутствие монаха рядом с ним могло его вылечить? Монах что, был волшебником? Предположим, думал ученик, что Шао-Шу увидел привидение, дракона, был парализован страхом, а благодаря священной близости монаха вновь обрел мужество, которое позволило ему подняться. Но тогда почему он не поблагодарил спасителя? Он ушел, не сказав ни слова, как будто монаха не было рядом. Несколько лет ученик ломал голову, без конца обдумывая задачу. Почему, задавался он вопросом, монах не спросил, что случилось с человеком, упавшим в снег? По логике он должен был спросить его, не ранен ли он. Вместо этого он лег рядом, не пытаясь оказать помощь, что просто неразумно. А Шао-Шу встал, исцеленный как по волшебству! Как будто они были соединены блоком. Когда один ложится, другой поднимается. Две марионетки, разыгрывающие непонятную немую сцену.

***

Однажды утром ученик размышлял над коаном, и вдруг ему предстало видение Будды Шакьямуни, который сидел на небесном троне. Бог держал в руке цветок лотоса. Вокруг него кишели вопросы, а он смотрел на него, ученика, улыбаясь и медленно поворачивая в пальцах цветок лотоса. Тогда ученик вошел в «ворота без ворот», он понял сказку, смысл которой ускользал от него долгие годы. Он познал Пробуждение²⁹. Он узнал истину, скрытую в сердце вещей. Коан — стена, о которую разбиваются все усилия ума. Как объяснить, например, соленый или сладкий вкус?

Так и с природой Будды, вечного Атмы.

ВОЛШЕБНЫЙ БАРАБАН

*Мои сверхъестественные способности
и чудесные силы?*

Черпать воду и носить дрова.

Панг Юн (740—811)

Жил-был юноша по имени Генгоро. Это был босоножий оборванец и бродяга. Он ходил по дорогам в лохмотьях и не было у него ни отца, ни матери, ни дома.

Однажды летним утром он проснулся на берегу реки и нашел в кустах маленький волшебный барабан, который там оставил какой-то водяной бог. Обрадовавшись находке, он взял барабан, привязал его к поясу и тут же решил проверить его силу:

— Расти, мой нос, расти! — крикнул он и забил в барабан. И его нос стал расти и расти, и чем громче он бил в барабан, тем быстрее рос нос. Скоро он вытянулся так, что достал до вершин деревьев на другой стороне реки.

— А теперь, мой нос, укорачивайся! — крикнул он тогда и снова забил в барабан, так что нос вернулся к обычному размеру.

Игра была занятная, и Генгоро, обладавший веселым характером, не отказался бы ее продолжить. Но, шагая по дороге, он задумался. Если волшебным барабаном пользоваться с умом, он может принести славу и богатство. В тот момент он проходил перед домом знатного вельможи, у которого, как говорили, была дочь на выданье, прекрасная как день. Генгоро стал слоняться вокруг дома, а волшебный барабан был привязан к его поясу. Он нашел дыру в изгороди, пролез туда и, пройдя через несколько двориков, оказался в женских покоях. Там девушка, прекрасная как сон, сидела на краю бассейна и рассматривала цветы лотоса. Генгоро подошел и прошептал, тихонько стуча в барабан:

— Нос девушки, уменьшайся, уменьшайся...

Нос девушки начал уменьшаться и стал таким маленьким, что наконец исчез. Когда вельможа увидел свою дочь, он ахнул от ужаса. У нее больше не было носа, лицо ее было плоско как блин. «Увы,— возопил несчастный отец,— как же мы выдадим замуж нашу дочь, кому нужно такое чудовище? Надо найти врача, который вернет ей и нос, и утраченную красоту».

* * *

В богатых покоях сменяли друг друга самые знаменитые врачи всех стран, а также всяческие целители, маги и шарлатаны. Родители девушки принимали всех с распростертыми объятиями — ведь они надеялись только на чудо.

И наконец появился Генгоро. Слуги чуть не прогнали его, так он был грязен и оборван, но они вспомнили, что велели им господу, и провели его в комнату девушки. Та пряталась за ширмой. Генгоро встал перед ширмой и громко сказал, тихонько стуча в волшебный барабан:

— Нос девушки, расти! расти!

О чудо, нос сразу же показался на лице, подрос и стал таким же, как прежде. Вельможа был вне себя от радости и осыпал Генгоро подарками. В его честь задали роскошный пир. Он получил новый наряд, упряжку лошадей, паланкин и слуг. Ему подарили даже дом

и надел земли. Некоторое время Генгоро вел жизнь, полную удовольствий; на всю жизнь богатство и досуг были ему обеспечены. Но вскоре он заскучал. Однажды утром, поблагодарив вельможу за благодеяния, он вновь ушел бродить по дорогам, предпочтя богатству и почестям бедность и свободу.

* * *

— Учитель, покажи мне путь к освобождению!

— Кто связал тебя? — спросил учитель. — Скажи мне, кто?

— Никто, — ответил ученик.

— Тогда почему ты требуешь освобождения?

ЗЕЛЕНАЯ ЖАБА

Жаба, о которой пойдет речь, была совсем молода, ей едва исполнилось два года. Молодая неопытная амфибия отличалась приятным зеленым цветом и вся была усыпана красивыми пупырышками...

— Бородавками! — поправил папа-жаба. — Будем точны...

— Дочка, — тут же перебила его мама-жаба, — поверь мне, ты самая красивая, самая ловкая, самая

грациозная — просто принцесса жабьего племени. Может быть, ты и не так далеко прыгаешь, как твоя кузина-лягушка, но в саду ты приносишь больше пользы, и я тобой горжусь!

Приободренная этими словами, молодая жаба вышла как-то вечером из своего дома под большим камнем и отправилась на прогулку. Она гордо задирала бородавчатую голову и выпученными глазами рассматривала окрестности. Ночь стояла теплая и ясная. На дорожке жаба повстречала хорошенькую девочку. Девочка воскликнула:

— Ой! Какая противная жаба!

— Господи, как же она уродлива! — согласилась ее мать.

И оттолкнула жабу ногой. Жаба выпустил лужицу защитной слизи.

— И впрямь омерзительное создание! — воскликнула мать.

Они ушли, брезгливо фыркая.

ДОСТАТОЧНО ВЗГЛЯНУТЬ ДРУГИМ ВЗГЛЯДОМ

У одного художника, пользовавшегося при японском дворе всеобщим уважением, было две кошки. Толстый рыжий кот, злой, как зверь, настоящий

гигант, эдакий монстр с порванными ушами, шрамом поперек глаза и длинными острыми когтями, которые, даже если он не выпускал их, похожи были на мечи. Страшный зверь! А еще у художника была кошечка кремового цвета с острой мордочкой, отороченной белой шерстью, невинными голубыми глазами и хвостом, пушистым, как у белки.

Однажды утром к художнику пришел приятель. Полюбовавшись всеми его новыми картинами и одной старой, изображающей гору Фудзияму под снегом, которую он всегда созерцал с наслаждением, он случайно заметил внизу двери мастерской две дыры, одну большую, другую маленькую.

— Зачем тебе в двери эти странные отверстия? — спросил друг.

— Понимаешь, у меня две кошки, — объяснил художник и подробно рассказал о характере и привычках своих домашних животных.

В заключение он добавил:

— Большая дырка для рыжего кота, маленькая — для сиамской кошечки.

— Но, — засмеялся друг, — ты разве не думаешь, что маленькая кошечка легко пролезет в большую дырку?

— И правда! — воскликнул художник. — Я как-то не подумал об этом.

ИМПЕРАТОР ВЫБИРАЕТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

Жил-был император, который желал выбрать премьер-министром самого мудрого и ученого из своих подданных. После нескольких трудных экзаменов он отобрал трех кандидатов:

— А вот и последнее препятствие, самая трудная задача, — сказал он им. — Вас запрут в комнате. На двери будет сложный и прочный замок. Первый, кому удастся выйти, станет премьер-министром.

Двое кандидатов, люди ученые, сразу же погрузились в трудные расчеты. Они выписывали столбцы цифр, чертили запутанные схемы и непонятные диаграммы. Время от времени они задумчиво рассматривали замок и со вздохом возвращались к своей работе.

Третий сидел на стуле и ничего не делал. Он размышлял. Вдруг он встал, подошел к двери, повернул ручку — дверь открылась, и он вышел.

МОЛОДОЙ МОНАХ

Жил-был молодой монах, который ходил по дорогам в сандалиях на босу ногу, с чашкой для риса в руке и кормился подаянием. Монах был человеком серьезным

и очень старался соблюдать благочестие. Как-то вечером, вернувшись в общину, он прибежал к настоятелю в страшном смятении:

— О учитель, меня снедает недозволенное желание, дайте мне совет, помогите!

— Говори, — сказал учитель, смотря на молодого послушника с состраданием.

— Так вот, каждый день, отправляясь на сбор подаяния, я прохожу мимо прилавка торговца расгулой (бенгальские сласти, засахаренные в сиропе), и мне так хочется ее попробовать, что я больше ни о чем не могу думать! — и монах покаянно опустил голову.

— Хорошо, — спокойно ответил настоятель и протянул послушнику монету в четыре анны. — Поди купи расгулу и скушай за мое здоровье!

Озадаченный послушник спрятал монетку и ушел. Прошло несколько дней. Как-то вечером настоятель вызвал послушника к себе:

— Ну как, Джаханд, ты вволю полакомился расгулой?

— Да как вам сказать, учитель... наверное, да.

— Как это — наверное? Разве тебе не радостно было поесть кушанья, о котором ты так давно мечтал?

— Понимаете, учитель, мне было немного стыдно, ведь монаху есть расгулу вообще-то не подобает...

Тогда учитель понял, что желание, терзающее сердце его ученика, еще не удовлетворено, что оно все

еще сидит в глубине души и препятствует духовному развитию.

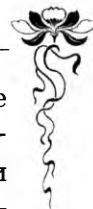
Он протянул молодому монаху еще одну монетку в четыре анны:

— Приказываю тебе отведать расгулу перед лицом неба, долго ею наслаждаться, хорошенько распробовать ее чудесный вкус! Приказываю совершить это в честь ашрама, как подношение Будде, как священнодействие!

Так и поступил ученик. И полностью удовлетворенное желание покинуло его, как шкура спадает со змеи после линьки. Так молодой монах освободился, и перед ним открылся путь Просветления.

ЛЕГЕНДА О ШАРИПУТРЕ

Много тысячелетий назад на юге Гималаев в стране, которая ныне называется Непал, жил молодой и верный последователь Будды по имени Шарипутра. Одним прекрасным весенним утром ученик, одетый в простое монашеское одеяние и обутый в сандалии, пришел на берег реки. «Здесь, на лоне природы, мне легче будет медитировать и заниматься дзадзен, — думал он. — В такой прекрасный день я не хочу оставаться запертым в унылых залах монастыря».

Молодой человек устроился на цветущей лужайке в тени ивы. Сложив ноги в лотос, выпрямив спину, полузакрыв глаза, положив ладони на скрещенные ноги (правая ладонь на левой, по индийской традиции), успокоив дыхание, он начал медитацию. Но вскоре щебет птиц и замеченные краем глаза блеск рыбок в прозрачной воде отвлекли его. Нет, это невыносимо, подумал он. Я не могу медитировать в таких условиях. Тогда он решил просто-напросто устранить все то, что его отвлекало. «Я принял совершенную позу дзадзен, а какие-то глупые твари меня беспокоят!» Охваченный праведным гневом, он вскочил, убил всех птиц и рыб и, чтобы полностью от них отделаться, приготовил из них обед. Поев, он вновь сел в позу для медитации. Но не успел он закрыть глаза и сосредоточиться, как почувствовал, что в животе у него бурчит, а кишки так и переворачиваются. Он объелся и опять не мог медитировать.

Наш покой нарушают не птицы и не рыбки, говорит буддийская мудрость, а наше восприятие.

БУДДА И ЦВЕТОК

Индийская сказка

В то время, в VI веке до нашей эры, Сиддхартэ, также называемому Гаутама, или же Шакьямуни, или

Пробужденный, Будда, исполнился восемьдесят один год. С его первой речи в парке Газалей в Самате, близ Бенареса, до того дня, когда он сел под смоковницей вечно-го возвращения, прошло шестьдесят лет. Будда стал стар.

«Вот и старость, вот и шаги человека к исходу. Хватит копить, настало время раздавать, настало время почтить тех, кто рядом с вами. Вот и старость. Измерьте сердце человека»³⁰, — пишет блистательный Сен-Джон Перс.

Но Будда...

Столько дней он шагал по пыльным и грязным дорогам. Зимой и летом. Столько бесконечных дней он учил, читал проповеди, терпеливо отвечал на вопросы учеников... без конца, без конца. Этой ночью Будда, сев в обычную позу лотоса под смоковницу, дерево вечно-го возвращения, не говорил ничего. Каждый в громадной толпе предчувствовал, что готовится некое торжественное событие. Благословенный покинет свою телесную оболочку, он покинет своих учеников.

Тогда встал Ананда, любимый ученик:

— Учитель, вот уже шестьдесят лет, как ты говоришь с нами, ведешь нас, так объясни нам наконец, каков смысл твоего учения, открой нам свою тайну!

Будда, сидя в позе лотоса под луной, молчал. Молчание длилось, воздух звенел от напряжения. Пять тысяч человек задержали дыхание. Будда медленным движением сорвал цветок, простой полевой цветок. Он взял

его двумя пальцами, медленно повернул и улыбнулся. И все мужчины, и все женщины в огромной толпе вздохнули. Так Пробужденный, Будда, закончил свой цикл перерождения. Он слился с вечным Атмой.

Аникка: непостоянство. Все увядает, рассеивается, исчезает. Все формы рассеиваются, бледнеют, как наши лампочки при свете утреннего солнца. Играть в игру жизни, но не путать экран и фильм, вечное и эфемерное — это и значит «жить в благодати».

КАК ОБЕЗЬЯНЫ ЛУНУ ЛОВИЛИ

Давным-давно в огромном и прекрасном лесу мирно жил обезьяний народ. Этим вечером полная луна, круглая и светлая, отражалась в большом озере посреди леса. Было лето, легкий ветерок веял чудесным ароматом лесных цветов.

Тут с ветки прыгнула большая обезьяна и стала звать своих собратьев:

— Эй, братья, младшие братья, произошла катастрофа!

Прибежало семь или восемь обезьян поменьше, испуганно лопоча:

— Что случилось, старший брат?

— Идите со мной! — велела большая обезьяна.

Маленькие обезьяны побежали следом, охваченные тревогой. Наконец они оказались у большого озера в середине леса. Они собрались на ветках дерева, и большая обезьяна воскликнула:

— Горе нам, братья, смотрите, луна упала в воду и сейчас утонет!

— Увы, — подхватила маленькая обезьянка-подхалим, — увы, отныне над миром воцарится тьма!

— А если ночью будет совсем темно, я потеряюсь и не найду маму! — заплакала самая маленькая обезьянка.

Тогда заговорила большая обезьяна:

— Подумайте, братья, о зайцах, кроликах, нутриях, ласках и мускусных крысах, всех жителях леса, которые без лунного света будут бродить как слепые! Из доброты и милосердия мы обязаны им помочь!

— А что надо делать? — спросила обезьянка, которая боялась потеряться в темноте.

— Надо выловить луну!

Обезьяны почтительно затихли.

— Вот что надо сделать, — сказала большая обезьяна. — Я уцеплюсь за эту ветку и свешу вниз хвост, а вы уцепитесь друг другу за хвосты, пока последняя обезьяна не достанет до воды и не поймает луну!

Так и сделали. Готовясь занять свое место, обезьяний детеныш, который боялся потеряться без мамы в темноте, крикнул:

— Эй, сестрица, ветка, за которую ты зацепилась, страшно трещит, боюсь, что она сломается!

— Ах ты жалкий трусишка! — рассердилась большая обезьяна. — Полезай на место и не отлынивай!

Обезьяны, которые уже свесились гроздью с ветки и устали держать друг друга за хвост, подхватили хором:

— Трус, мокрая курица! А ну сейчас же на место!

Маленькая обезьянка, слыша, что все ее понукают, неохотно полезла вниз. Когда она оказалась над водой, она протянула лапу и уже готова была схватить луну — но ветка сломалась. С громким плеском обезьяны упали в воду и утонули все до единой.

* * *

Самоотверженность, великодушие, терпение, доброта, желание служить людям, проявляя при этом разум и мудрость, — все эти качества очень ценны для того, чтобы «жить в благодати». Но иногда достаточно встречать сегодняшний день в полном душевном спокойствии, осознавать хрустальную каплю настоящего момента.

БУЙВОЛ И СТО ВОЗОВ КАМНЕЙ

Индийская сказка

По легенде, Будда Шакьямуни в одной из своих прошлых жизней родился буйволом. Теленок, благодаря любви и заботе своего хозяина, благородного брахмана, вырос в быка, отличающегося силой и спокойным нравом. Он захотел вознаградить доброго хозяина и приснился ему:

— Хозяин, — почтительно сказал он, — побейся об заклад с соседом, богатым купцом. Скажи ему, что я могу везти сто возов, наполненных камнями. Поставь на кон тысячу золотых монет!

Благородный брахман верил в сны. Он пошел к богатому купцу и побился с ним об заклад. Сосед решил, что брахман простак или безумец. Но купец был человеком алчным и бессовестным и согласился на пари, втихомолку посмеиваясь над наивностью бедняги-соседа.

В назначенный день брахман приказал нагрузить камнями сто возов. Он запряг быка и взял поводья. Он очень волновался — ведь он поставил на кон все свое состояние. Он крикнул:

— Вези, вези воз, даже если умрешь от усилий! Я поставил тысячу золотых монет, а ведь я не богат! Тяни! — закричал он и сильно хлестнул буйвола плетью.

Буйвол напряг мощные мышцы, но возы не сдвинулись с места.

— Ах ты проклятый евнух! Вот велю перерезать тебе горло и бросить пададь стервятникам!

Но никакие ругательства не помогли. Сто возов не сдвинулись с места ни на волос. Брахман проиграл свое пари. Он отдал тысячу золотых монет купцу, хохочущему над ним. Разоренный, пристыженный, он вернулся домой и в печали заснул.

Той же ночью буйвол приснился ему снова. Он заговорил так:

— Ласка, доброта, приятные слова действуют лучше, чем оскорбления и удары. Воззови к состраданию, которое живет у тебя в глубине сердца, и ты выиграешь пари. Прими этот вызов, предложи соседу на этот раз две тысячи золотых монет!

Проснувшись на завтра, брахман вспомнил свой сон. Он колебался. Скорее всего, я подвергнусь осмеянию, думал он, но я все равно разорен, и терять мне больше нечего. В конце концов, почему бы не испытать удачу в последний раз... Купец выслушал его недоверчиво. Этот брахман что-то уж слишком глуп, подумал он, но тем хуже для него! От двух тысяч золотых монет грех отказываться.

Он принял пари.

В назначенный день сто возов наполнили тяжелыми камнями. Купец тщательно проверил, чтобы все были

наполнены до краев. Молодой буйвол выглядел бодрым и веселым. На шее у него висела гирлянда цветов, с утра его накормили рисом с пряностями. Когда настало время приступать, брахман прошептал ему на ухо:

— О друг мой буйвол, дорогой Нида-Висала, я всегда хорошо обращался с тобой, начиная со счастливого дня твоего рождения. Я вкусно тебя кормил, ухаживал за тобой и защищал, когда ты был еще маленьким теленком на шатких ножках. Моя привязанность к тебе велика, мое сердце полно сострадания и любви ко всем твоим братьям...

Сказав это, брахман сел на первый воз, тихо цокнул языком, и буйвол в титаническом усилии сдвинул с места сто возов и протащил их целых двенадцать метров.

* * *

Сострадание, доброжелательная любовь, стремление разделить горести ближнего своего — прекраснейшие из добродетелей. Это «волшебный знак», как утверждает Далай-Лама³¹. Младенец, которому не хватает «молока человеческой нежности», может умереть. Никакое воспитание не может принести плоды без понимания, терпения, любви. Даже умирающему нужно, чтобы кто-то держал его за руку. Человек — общественное животное; мы зависим друг от друга, нуждаемся в доброжелатель-

ном внимании людей, их дружбе. Когда я гуляю в своей деревне и вижу враждебное или безразличное лицо, мой день оказывается омрачен. Я улыбаюсь всем, дарю безмолвную любовь всем, даже тем, кто поворачивается ко мне спиной. Дело в том, что сострадание — добродетель, которая отдается эхом. Добро, которое мы приносим другим, возвращается к нам сторицей. Сострадание, утверждает дзен, — кратчайший путь к счастью. Но вот послушайте лучше следующую историю...

СТАРИК СО СТАРУХОЙ И БЕЛКИ

Жили были старик со старухой, и не было у них детей. Они жили в лесу. Старик плел сандалии, старуха собирала хворост. Они были бедны и одиноки и часто грустили. Как-то раз утром женщина увидела рядом с лачугой ласку, которая держала в зубах бельчонка, скулящего от страха. Она прогнала ласку палкой, подобрала белочку, вылечила ее раны и приносила ей шишки, желуди, буковые орешки и фундук, пока та не выздоровела.

Шли дни, пожилая пара привязалась к белочке. Она была прелесть какая милая — хорошенькая головка с подвижными ушками, черные умные глазки. Хоть

белочка и была ранена, она ни минуты не могла посидеть спокойно. Она быстро крутила в лапках шишки, доставая из них зернышки, ее рыжий, яркий, как флаг, хвост освещал бедную хижину, словно огонек. Когда белка вылечилась, она вернулась в лес. Но своих благодетелей она не забыла. Следующей весной она принесла к ним своих детей. Четыре маленьких слепых комочка — каждый из них весил всего двенадцать граммов, но у всех уже были хорошенькие усики. На следующий год повторилось то же самое. Семейство белочки всегда встречали в хижине с радостью и вволю угощали шишками, желудями, буковыми орешками, фундуком и даже, в качестве лакомства, грибами. Так шли годы. В доме поселилось десять поколений белок. Вечный праздник — веселое цоканье, прыжки и мельканье рыжих хвостов.

Но вот настал год, когда старушка заболела и не могла уже ходить в лес. Ее муж ослабел и больше не работал. Они впали в нищету. Беззаботные белки не находили больше ни орехов, ни желудей. Одна за другой они покинули дом. Вот уже ни цоканья, ни прыжков, ни веселых догонялок. Старик со старухой остались одни. Зимним утром они грустно смотрели в окно — снег покрыл поляну и лес. И вдруг они увидели рыжую процессию. Белки возвращались. Они положили к ногам стариков колоски риса, золотые колосья пшеницы и даже два-три корня женьшеня. Из этих и других растений, лечебные свой-

ства которых известны белкам, старуха приготовила целебный отвар. Старик со старухой были спасены.

* * *

Сострадание признает одну простую истину. Каждое существо имеет право на счастье. И счастье каждого тесно связано со счастьем других. Это верно с точки зрения экологии. Если планету загрязняют в Бразилии, то в Америке или в Сибири последствия также дадут о себе знать. Если думаешь только о себе и живешь только для себя, то все потеряешь. Маленькие дети и старики испытывают безграничную потребность в любви, а взрослые нуждаются в ней больше, чем это принято считать. Сострадание — это не значит любить друзей и отвергать врагов, это значит на всех распространять душевный покой, любовь, волшебную доброжелательность. И тогда «настанет день, яркий, как апельсин», — как сказал поэт. И тогда белки вернутся, как в сказке, и спасут нас от нищеты и печали.

ДВОЕ МОНАХОВ И МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА

Двое монахов, один молодой, другой старый, в шафрановых одеждах, с бритыми головами, в сандалиях на босу ногу, погожим летним вечером возвращались к себе в монастырь.

— День был долгий и тяжелый, брат Уси,— сказал молодой монах,— но мы воздали честь Будде и собрали много риса и медных монеток в качестве подаяния. Настоятель похвалит нас!

— Конечно, конечно... — рассеянно произнес старший монах и добродушно добавил: — Не беспокойся, брат Тошибу, настоятель ценит твое усердие.

Монахи продолжали путь в молчании. Вдруг за поворотом дорогу преградила река. На берегу сидела на большом камне прелестная женщина в дорогом наряде и, казалось, ожидала помощи. Не видно было ни лодки, ни перевозчика.

Старший монах просто взял женщину на руки и перешел реку так, что не замочил даже носка ее туфелек. Очаровательная женщина поблагодарила его улыбкой и ушла. Двое монахов продолжали свой путь. Они долго молчали. Наконец молодой монах не выдержал и воскликнул:

— Брат Уси! Разве ты не знаешь, что по правилам монастыря любое общение с женщинами строго запрещено!

Старый монах молча шагал дальше.

— Брат Уси! — снова позвал его раззадоренный молодой монах. — Как ты мог взять на руки эту красивую надушенную женщину и перенести ее через реку?

— Брат Тошибу, — сказал старый монах. — Сдается мне, что ты до сих пор несешь на себе эту женщину, хотя мы уже давно оставили ее позади!

МОНАХ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УМЕРЕТЬ СТОЯ

Много лет назад, как повествует легенда, жил-был монах по имени Тен Инфень, который, пока не «перешел за предел печали», как любой человек этого мира, спросил своих учеников:

— Мы знаем о монахах, которые умерли лежа, сидя, но есть ли такие, которые умерли стоя?

— Да,— ответили ученики и назвали третьего патриарха Сен-цана, который умер стоя, с руками, скрещенными на пупке, в 606 году, а также Чилчена из Хуанча, преставившегося в 906 году, который сделал семь шагов и умер на ходу.

— Ну хорошо,— сказал Тен Иньфен. — А слышали вы о таком монахе, который бы умер вниз головой?

— Нет,— удивленно ответили ученики,— никакой мудрый наставник, насколько мы знаем, так не умирал.

— Вот, значит, как,— произнес Иньфен.

И он встал на голову и так и умер.

Когда умершего решили отнести на погребальный костер, то никак не могли решить, как же это сделать, из-за странного положения усопшего. Младшая сестра Тена, молодая монахиня, присутствовавшая на похоронах, видя затруднение монахов, так отчитала мертвого брата:

— Ты, конечно, был святой человек,— воскликнула она,— но ты уже всем надоел своими чудачествами!

И толкнула умершего брата так, что он упал и его без труда донесли до места сожжения.

МИНИСТР ИМПЕРАТОРА

Жили-были двое бедняков, муж и жена. Муж был дровосеком, он каждое утро уходил в горы рубить дрова. В тот вечер он возвращался с тяжелым грузом на спине, и вдруг на узкой дорожке встретил правительственного чиновника. Этот важный человек путешествовал на паланкине, который несли четыре носильщика. Перед кортежем шли слуги, которые оттолкнули дровосека:

— Дорогу господину губернатору!

Дровосек, согнувшись под весом вязанки, упал в грязь. В ту самую минуту чиновник, приподняв занавеску, увидел дровосека, лежащего на земле.

Он засмеялся и произнес с презрением:

— Поглядите только, что за олух!

И, закрыв занавеску, поехал дальше.

Молодой дровосек, который не знал, что в мире полно злых людей, был глубоко обижен. Как же так, думал он, я работаю целый день, я человек честный, а этот чиновник смотрит на меня так, как будто я хуже грязи на дороге! Несколько недель дровосек пестовал свою

обиду. Наконец он встретил деревенского старосту и рассказал ему о неприятном случае:

— А чего ты ждал? — ответил староста. — Ты ведь не умеешь ни читать, ни писать — для императорского чиновника ты ничто, как скотина неразумная.

— Что мне сделать, чтобы он уважал меня как человека? — спросил наивный дровосек.

— Стань чиновником! — пожал плечами староста.

— А как? — продолжал расспрашивать дровосек.

— Ступай в столицу да валяйся в грязи рядом с дворцом, рано или поздно тебя непременно назначат мандарином! — расхохотался староста.

Бедный дровосек так же мало знал о мирских обычаях, как теленок-сосунок. Он поверил старосте. Попрощавшись с женой, он собрал в дорогу узелок и пешком отправился в столицу. Ночевал он рядом с городскими воротами и буквально следовал услышанному совету — каждый день валялся в грязи на улицах вокруг императорского дворца.

— Кто этот сумасшедший? — спрашивали горожане.

— Он говорит, что так когда-нибудь получит чиновничий пост, — объяснила какая-то старушка. — Простоватый он, одно слово дурачок.

Дождь или ветер, снег или другая непогода — дровосек валялся в грязи на улицах. Скоро слава о нем пошла по всему городу. В ярмарочный день вокруг него

собиралась целая толпа. Мальчишки насмехались над ним и иногда бросались в него камнями.

— Почему он ползает по земле — ведь у него здоровые ноги! — спрашивали серьезные люди.

— Он думает, что за это его назначат чиновником! Настоящий простофиля!

— Ха-ха-ха!

Шутники сочинили про него песенку, которую распевали уличные мальчишки под стенами дворца:

Покатайся по грязи,

Корки черствые грызи!

Ты и грязен, ты и прост,

Веришь, что получишь пост!

Ха-ха-ха!

Наконец история о безумце, который мечтает надеть чиновничью шапку и ползает по грязи, достигла ушей самого императора.

— Наверно, это просто дурачок, — сказал властитель, — но меня заинтересовали его мужество и упорство.

Назавтра император надел наряд простого горожанина, как он делал иногда, и выскользнул за стены дворца. Он смешался с толпой, и никто его не узнал. Он подошел к несчастному, растянувшемуся на обочине дороги.

— Говорят, ты ползаешь в грязи, чтобы стать чиновником.

— Истинная правда, — ответил дровосек, — я обязательно стану чиновником.

— Вот как, — сказал император. — А какой пост ты желаешь получить?

— Какой пост? Даже не знаю...

— Значит, ранг тебе безразличен? — спросил император.

— Мне нужно, — ответил дровосек, — чтобы пост был важнее, чем у губернатора провинции.

И он рассказал свою историю доброжелательному горожанину.

— Понимаю, — ответил император. — Думаю, пост министра тебе подойдет.

— Ладно, пусть будет министр, — ответил дровосек, — мне все равно!

— А может, ты хочешь занять место самого императора!

— Ну нет! — воскликнул дровосек. — Император — персона священная, божий избранник. А мне нужен всего-навсего такой пост, чтобы меня считали человеком!

Император кивнул головой и ушел, задумавшись.

Через некоторое время он приказал, чтобы к нему привели дровосека, который валяется в грязи под стенами дворца. В присутствии придворных он торжественно передал ему фетровую шапку — знак чиновника,

приближенного к императору, — и с высоты своего трона благосклонно к нему обратился:

— Друг мой, с этой минуты ты чиновник, по положению равный всем губернаторам провинций. Желает ли ты еще чего-нибудь?

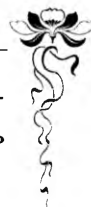
— Хочу опять взять свой топор и вернуться в лес, — сказал дровосек. — В лесу мне хорошо. У меня не будет больше забот, ведь сам император признал меня человеком!

КАК ЗНАТНЫЙ ГОРОЖАНИН СТАЛ ОТШЕЛЬНИКОМ

Жил-был знатный горожанин, отец семейства, искренне почитающий Будду. Он отправился в путешествие, чтобы отдать должное Блаженному в день его рождения и украсить алтари гирляндами цветов. К его супруге, оставшейся дома, пришла ее мать:

— Ну что, дочь моя, счастлива ли ты со своим мужем? Как он с тобой обходится?

— Жаловаться мне не на что. Мой дорогой супруг — человек великодушный, мудрый и добродетельный, не хуже святого отшельника!

Мать была немного тугоуха и расслышала только последнее слово «отшельник». Тут же она стала плакать и причитать:

— Что же это такое делается! — восклицала она. — Муж бросил молодую жену, да еще беременную и с маленьким ребенком. Какой ужас! Стал отшельником, а у самого жена и дети!

И ну причитать, ну рвать на себе волосы! Она разодрала на себе одежду, посыпала голову пеплом и призвала соседей в свидетели:

— Отшельник! Какое несчастье!

— Нет, нет, мама, — испуганно кричала молодая женщина. — Мой дорогой супруг вовсе не стал отшельником!

— ОТШЕЛЬНИКОМ! Увы! — голосила глухая старуха. — Что за катастрофа! Что будет с моей дочерью и бедными моими внуками! Какое бедствие, какое горе!

И она побежала по улице, разнося эту новость.

Когда Калияна вернулся домой, соседи, встретившие его, были все до одного убеждены в том, что он отшельник. Он был удивлен, но увидел в этом знак свыше. Он уладил дела, попрощался с женой и детьми и отправился в буддийский монастырь, куда как раз только что ходил в паломничество. Он и правда стал отшельником, вскоре прославился своей святостью, а после смерти попал на небо Брахмы.

* * *

Одно слово может изменить судьбу.

Нет безобидного слова. Праведное слово скупое. Не следует умножать мировую скорбь, вмешиваясь в чужие дела. Не следует лгать, клеветать, надо избегать сплетен. Говорить о человеке в его отсутствие — всегда глупо. Говорить о нем плохо — значит вредить ему, говорить слишком хорошо — значит обижать таким сравнением своего собеседника. Следует поощрять, поддерживать, укреплять веру в себя, успокаивать, улыбаться. Пробуждать вкус к вещам духовным. Верное слово, как говорят учителя дзен, несет в наш мир свою толику покоя, мудрости и счастья.

О МОЛОДОЙ ЦАРИЦЕ, КОТОРАЯ НЕ ЛЮБИЛА ЦАРЯ Индийская сказка

В одном небольшом королевстве на севере Индии печаль черным покровом нависла над людьми и зверями, над крестьянами и придворными. Царица не любила царя. Почему? Ах! Как можно это объяснить? Неблагодарность судьбы... возможно, пустяк, слишком

светлые или слишком темные глаза, не понравившееся движение, кто знает? Царица не любила царя. Как-то раз сын дворецкого, молодой красавец, встретил царицу в церемониальном облачении. Он был ослеплен. Он полюбил царицу. Она полюбила его в ответ. Что делать? Молодой человек стал чахнуть, любовь снедала его. И царица тоже чахла и тайно проливала слезы. На царя было жалко смотреть. Он должен был принять решение. Властитель, который был добр и справедлив, вызвал к себе сына дворецкого:

— Сенака, я знаю о твоей прямоте и верности, — сказал он, — а также о твоей любви. Вот что я могу тебе предложить: я одолжу тебе царицу на семь дней. Люби ее и верни ее мне исцеленной и счастливой ровно через неделю!

Сенака и царица ушли в тайное место и любили друг друга семь дней по приказу царя. Но страсть их вовсе не угасла, а напротив, воспламенилась и разгорелась до безумия. На восьмой день они бежали. Царь после такого жестокого предательства стал самым несчастным человеком на свете. То он собирался объявить войну соседнему царству и силой воротить взбунтовавшихся влюбленных, то говорил о том, что сам жаждет смерти. Он страдал так жестоко, что проливал кровавые слезы. Он попросил совета у бодхисаттвы³², который жил при дворе.

— О мудрый, ты знаешь о моем несчастье, что мне делать?

Бодхисаттва размышлял несколько дней, а потом сказал:

— О великий царь, если бы нашелся среди твоих подданных человек, способный проглотить острую саблю, дал бы ты ему щедрую награду?

— Конечно, — согласился царь.

— О великий царь, если бы нашелся в твоей стране человек, способный проглотить острую саблю, отдал бы ты ему сердце царицы?

— Если бы человек обладал таким даром, это значило бы, что ему покровительствуют боги, и я отдал бы ему даже сердце царицы.

— Ты бы дал ему этот драгоценный дар без злобы, без горечи, без сожаления?

— Да, конечно, — ответил царь.

— А если бы нашелся человек, — продолжал бодхисаттва, — который не глотал бы острую саблю, а совершил еще более невероятный подвиг — тронул бы сердце царицы?

— Если бы этот человек мог завоевать любовь царицы, которую я всегда знал холодной и бесчувственной, я отдал бы ему ее!

— Так вот, — сказал бодхисаттва, — сын твоего дворецкого осуществил этот невероятный подвиг!

Царь обдумал его слова. Он без гнева, без горечи и без сожалений согласился отдать любовь царицы другому. И тут же кровавые слезы перестали течь. Он познал душевный покой. Он достиг «другого берега».

ТОРГОВЕЦ ШЕЛКАМИ

Жил-был торговец шелками, он карабкался по горному перевалу под палящим полуденным солнцем. Он шел по стране Кореи, где на дорогах часто встречаются бандиты, и, храбрясь, напевал песенку:

*Из далекого Китая
Я привез сюда шелка,
У меня парча золотая —
Поглядите, что за ткань!
Шелк и красный, и зеленый —
Для прекрасных, для влюбленных.
Распродам я ткани притко,
Два отреза купишь — скидка!
Будь ты молод, будь ты стар —
Подберу тебе товар.
Из далекого Китая
Я привез сюда шелка,*

*У меня парча золотая —
Поглядите, что за тканьь!
Тра-ла-ла-ла-ла!*

В послеполуденные часы солнце светило все жарче. Торговец шелками решил отдохнуть под деревом. Он выбрал тихое тенистое местечко рядом с могилой, над которой высилась ритуальная статуя мангдусок, высеченная из гранита. Когда торговец проснулся, солнце уже почти село. Он встряхнулся, огляделся вокруг и испуганно вскрикнул. Его высокая корзина была пуста. Пока он спал, вор украл все шелковые ткани! Торговец в отчаянии заторопился к ближайшему городу. Он попросил аудиенции у губернатора, управляющего провинцией, чтобы воззвать к правосудию.

Губернатор принял торговца на следующее утро. Он внимательно выслушал его и стал задавать вопросы:

— Прежде чем заснуть, не заметил ли ты, что рядом кто-то есть?

— Нет, господин, только статуя мангдусок смотрела на меня с могилы своими каменными глазами.

— Ага! Значит, мангдусок не спала. Я подумаю о твоей напасти. Приходи завтра, я скажу, что решил.

Завтра был как раз тот день, когда префект вершил правосудие перед собравшимся народом. Когда упо-

мянули о деле торговца шелком, он приказал своим охранникам:

— Принесите мангдусок, которая сторожит могилу. Она видела вора, она — единственный свидетель!

Охранники удивились, но, привычные повиноваться беспрекословно, ушли в горы. Они притащили тяжелую гранитную статую и положили ее перед возвышением. Префект приказал привязать ее к пыточному столбу:

— Дайте ей двадцать ударов плетью — она сознается, кто вор!

Но статуя молчала. Префект воскликнул:

— Сто ударов плетью! Посмотрим, не разговорится ли она после этого!

В собравшейся толпе стали испуганно переглядываться.

— Никак губернатор с ума сошел! — зашептались горожане. Послышались смешки.

Мангдусок слова не проронила. Даже каменным ухом не повела. Губернатор, побагровев от ярости, воскликнул:

— Сто палок ей!

Плеть свистела, палка била, что есть силы, но статуя не двигалась и хранила молчание. Несколько наглецов так расхрабрились, что стали глумиться над его светлостью господином управляющим губернией:

— Совсем разум потерял!

— Бей, сколько хочешь, каменная статуя все равно не заговорит!

— Ха-ха! Губернатор либо с ума сошел, либо напился! И смех становился все громче.

Тогда его светлость обратил суровый взгляд на толпу:

— А ну, охрана,— приказал он,— схватить сию же минуту этих насмешников, наглецов, мятежников, которые смеют издеваться над властями, и бросить их в яму!

Тут он повернулся к торговцу шелком и шепнул ему:

— Не бойся, дружище, получишь обратно свой товар.

Назавтра губернатор приказал привести из тюрьмы десятерых арестованных накануне наглецов. У тех было время поразмыслить над своей участью, и они вошли, дрожа всем телом.

— Вы заслуживаете смертной казни,— сказал им губернатор,— вы нарушили ход судебного процесса и непочтительно говорили о вашем повелителе!

Десять арестованных кинулись ему в ноги, моля о прощении.

— Я согласен вас помиловать,— сказал губернатор,— но при одном условии.

— Сделаем все, что прикажете! — в один голос воскликнули все десять.

— Через три дня принесете сюда по свертку лучшего шелка!

В назначенный день губернатор вызвал торговца:

— Сможешь узнать шелк, который у тебя украли?

— Да, господин!

— Впустите арестованных! — приказал губернатор.

Они вошли, опустив голову, и у каждого в руках был богатый подарок — рулоны прекрасного шелка — белого, зеленого, золотого...

— Это моё, это мой шелк! — воскликнул торговец.

При допросе выяснилось, что некий Чу, богатый торговец из соседнего города, признался, что послал своего слугу украсть шелк. Он-то и продал его десяти горожанам, которых арестовал префект. И он был наказан за свое преступление по всей строгости закона.

Губернатор смотрел в окно, как удаляется торговец шелком. Долго до него доносились отзвуки песенки:

*Из далекого Китая
Я привез сюда шелка,
У меня парча золотая —
Поглядите, что за ткань!
Шелк и красный, и зеленый —
Для прекрасных, для влюбленных.
Распродам я ткани прытко,
Два отреза купишь — скидка!
Будь ты молод, будь ты стар —
Подберу тебе товар.
Из далекого Китая*

Я привез сюда шелка,
У меня парча золотая —
Поглядите, что за ткань!
Тра-ла-ла-ла-ла!

* * *

День за днем, минута за минутой, мы живем в истине, свете, свободе. Наша жизнь воткана в наряд настоящего, в котором нет ни единого шва.

— Я учу вечности, — говорил Будда.

* * *

— Куда идешь, торговец шелком?

— Я уже пришел!

ЦАМПА

Потешная тибетская сказка

Цампа, которую готовят из обжаренного ячменя, — традиционное блюдо жителей Тибета. Ячмень растирают в муку, которую иногда смешивают с пшеницей или горохом. Потом муку размачивают и размешивают в чае с маслом и солью. Цампой утоляют голод везде

и в любое время. Странствующий монах ест ее из деревянной плошки, уподобляясь Гаргантюа, который «причесывался альменовским гребнем, сиречь пятерней»* — как писал ехидный Рабле³³. А монах, в одиночестве поедающий цампу в заснеженных горах, ест альменовской ложкой, то есть руками.

Эти сведения могут быть полезны для понимания следующей забавной истории.

* * *

Жила-была бедная семья. Лачуга этих бедняков была неподалеку от красивого дома богатого землевладельца. В том году зима выдалась суровая. Агабунде было нечем кормить семью. А сосед хранил в амбарах целые горы ячменя. Попросить у него подаяния, молить о жалости? Все впустую. Сосед давал только тем, кто мог вернуть долг. Нищему он ничего не желал подать. И тогда как-то раз вечером Агабунда в отчаянии решил сделать вот что. Он разжег во дворе большой костер, ярко блестящий в темноте. Богатому соседу стало любопытно, он подошел к костру.

— Эй, Агабунда! Извини, что спрашиваю, но зачем ты развел такой костер?

* Цитата дана в переводе П. Любимова. — Прим. пер.

— А,— небрежно отозвался тот,— один мой родственник приехал сегодня из столицы — он мне сказал, из-за того что зима нынче морозная, цампа невероятно вздорожала. Я поджарю мешок ячменя и продам его в Лхассе!

Богач вернулся домой в раздумьях. Он решил поджарить побольше ячменя и тоже воспользоваться случаем.

Через несколько дней Агабунда и его сосед направились в столицу. Они решили пуститься в путь вдвоем. «Если на нас нападут,— думал богач,— Агабунда, который идет впереди, достанется первому». Агабунда нагрузил своего осла тремя мешками, до верха наполненными сухими листьями. А як богача нес на спине три больших мешка, наполненных вкусной обжаренной ячменной мукой.

В пути их застала ночь. Они устроились на ночлег в маленьком заброшенном храме. Храм совсем пришел в запустение. Только в углу стояла деревянная статуя Будды с прогнившим носом. Перед самой зарей Агабунда тихо встал. Он вынул из мешков сухие листья и накормил ими осла. Потом набил свои мешки соседским ячменем. И наконец повесил пустые мешки соседа на руку Будды и перемазал ему рот и лицо ячменной мукой.

Наутро богач проснулся и увидел, что его обокрали. Он громко завопил:

— Воры! Ограбили! Украли мою цампу!

Агабунда невозмутимо показал пальцем на Будду с перемазанным мукой ртом.

— Наверно, Шакьямуни-Пробужденный здорово проголодался,— сказал он с большой уверенностью. — Ночью он сожрал всю твою цампу! Еще чуть-чуть — и на мою бы накинулся! Но я не хочу оставлять тебя в беде — давай поделим поровну все, что осталось.

Он отдал полтора мешка богачу, тот принял их с кривой улыбкой и весь остаток дороги молчал.

* * *

Пусть богач остерегается, говорит мудрец: если он откажет в цампе бедному соседу, Будда придет и пожрет все его припасы.

ЦАРЕВНА И НИЩИЙ

Тибетская сказка

Мы поверхностно воспринимаем и живых существ, и вещи. Мы играем свою роль в пантомиме, отворачиваясь, чтобы не видеть смерть, которая бродит и стережет нас из тьмы. Мы никогда не находимся в полной безопасности, несмотря на наши взрослые игрушки, наши занятия, постоянные переходы от тщетного ожидания

к краткому пресыщению... несмотря на жалкие наши удовольствия.

Но настанет день...

И исполнится наша величайшая надежда на то, что наша мелкая жизнь сольется с великой Жизнью. Мы войдем в страну Абсолюта. Нам будет даровано немыслимое спасение. Мы обнаружим, что мы бессмертны. Дзен делает эту внутреннюю реальность живой и осязаемой. Он помогает нам найти Скрытого Бога, о котором говорит Священное Писание, обрести бесконечность в нас самих. Во всем дзен видит внутренний свет. Совсем как прекрасная царевна из тибетской сказки, которая увидела любовь на лице, черном от сажи, и узнала настоящего принца под нищенскими лохмотьями.

* * *

Было когда-то в самом сердце Тибета маленькое государство. У царя Тен-Синя была жена, нежная как шелк, и три дочери, прекрасные, как полуденное солнце. Царевны по очереди ходили за водой к Серебряному источнику, находящемуся неподалеку от дворца.

В то утро Золотой лист, старшая царевна, надела длинное платье, затканное золотом, украсила себя бриллиантовой диадемой, в одну руку взяла золотой кувшин, в другую — золотой черпак. Подойдя к источ-

нику, она увидела, что у воды лежит нищий в лохмотьях, с черным от грязи лицом. Она воскликнула:

— Жалкий нищий, как ты смеешь осквернять своим присутствием священный источник!

— О прекрасная девушка, блестящая, словно золото! Я взобрался на девяносто девять гор, долго шел по холодному снегу, по пылающим пустыням, чтобы увидеть трех самых прекрасных на земле царевен. Не здесь ли их государство?

— Вшивый бездельник! Может, тебе еще и звезд с неба захотелось! — расхохоталась девушка. — А ну убирайся, пока я не позвала отцовскую охрану!

Нищий ушел, печально опустив голову.

На следующее утро вторая царевна, Нефритовый листок, надела длинное платье из синего шелка, украсила себя ожерельем из бирюзы, взяла кувшин из лазурита, а к поясу подвесила изумрудный черпак. В таком убранстве она, в свою очередь, пошла за водой к источнику. Она увидела, что на хрустальных ступенях, ведущих к воде, лежит нищий.

— О! — воскликнула она и сморщила носик презрительно и брезгливо. — Что здесь делает этот грязный оборванец?

— Смилуйся, блистательная девушка, я слышал о царстве Навабоденг, где живут три царевны, прекрасные, как полуденное солнце. Я пришел сюда из своей

далекой страны в надежде их повидать. Я преодолел девяносто девять гор, пересек сто три реки, страдал от голода и холода.

— Как ты смеешь разговаривать со мной, несчастный! — грубо перебила его нефритовая царица. — Может, еще хочешь из облаков скроить кафтан, а в воде поймать луну и сделать из нее зеркало? Убирайся, пока я не позвала отцовских солдат и тебя не бросили в тюрьму!

И нищий ушел, опустив голову.

На третий день младшая царица по имени Перламутровый листок оделась, чтобы пойти к источнику. Она надела длинное белое платье и ожерелье из жемчуга, взяла кувшин, сделанный из большой витой раковины литторина³⁴, и черпак из ракушки поменьше. Когда она увидела, что рядом с Серебряным источником лежит грязный и оборванный нищий, она тихо сказала:

— О, бедно одетый молодой человек, не болен ли ты, не сражался ли с каким-нибудь чудовищем, не ранен ли? Чем я могу тебе помочь?

Слыша эти ласковые слова, несчастный почувствовал, что сердце его как будто омывают чистые ласковые воды источника. Он посмотрел на девушку. Она была похожа на фею. Глаза ее блистали, как бриллианты, талия была гибкой, словно бамбук, черные волосы, рассыпавшиеся по плечам, напоминали воды реки Джику, разливающиеся по плодородным долинам, а на лице,

чистом, как белый лотос, отражалась вся доброта ее сердца.

— О благородная девушка, — сказал он, — я родился в государстве Севаканг, потерял родителей в юности, и оракул повелел мне искать королевство, в котором живут три царицы, прекрасные, как солнце полудня. Я прошел долгий путь, преодолел тысячу опасностей. Не могу ли я найти в доме твоего отца место слуги или конюха?

Царица Перламутровый листок была тронута учтивостью и утонченными манерами молодого человека. Она призналась, что сама одна из трех цариц, и сказала, что замолвит за него словечко царю-отцу.

— Дочь моя, — сказал царь, — у меня уже есть три тысячи двести конюхов, зачем мне брать на службу незнакомого человека, да к тому же грязного и оборванного нищего?

Молодая царица бросилась в ноги отцу, три раза стукнула лбом в пол и умоляла его так:

— О почтенный отец, мне уже исполнилось пятнадцать лет, я никогда ничего у тебя не просила, умоляю, прими на службу этого неприкаянного юношу!

Тут вмешалась царица Ёикикайксин, чей нрав был мягок, как шелк:

— О благородный мой супруг, — сказала она, — Перламутровый листок — самая послушная из трех

наших дочерей, сделай так, как она просит, ради любви ко мне.

Так грязный нищий стал королевским конюхом.

Шло время. Новый конюх превосходно справлялся со своей работой. Игрой на флейте он укротил дикий нрав черного иноходца, которого все боялись. Однажды, в страшную грозу, он спас в горах диких коней — те поскакали за ним так же мирно, как текут воды реки Ярлугзанбо. Царевна Перламутровый листок часто ходила повидать его. Она приносила ему ячменные пирожки и готовила чай. Время шло, и они полюбили друг друга.

Царевны Золотой листок и Нефритовый листок заметили странное, по их мнению, поведение сестры. Они возмутились:

— Сойтись с каким-то грязным конюхом! Что за стыд для нашего семейства! — ахала царевна Золотой листок.

— У сестрицы всегда был не слишком-то благородный нрав, вот ее и тянет ко всяким оборванцам и прислуге, — поддакивала Нефритовый листок. — Пойдем, расскажем обо всем отцу, пусть он положит этому конец!

Когда царь Тен-Синь узнал о проступке своей младшей дочери, он рассвирепел:

— Раз ты полюбила грязного нищего, отправлю тебя жить вместе с прочими рабами. И знай, что я позволю тебе выйти замуж за этого оборванца не раньше, чем рак на горе свистнет!

— Отец, — твердо сказала Перламутровый листок, — с начала мира водопад падает сверху вниз, бобы растут в стручке, а перья павлина синие, хоть никакой художник их не красил. Я люблю бедняка, хоть никто и не связал наши судьбы.

И, так как ее отец оставался непреклонен, нежная и хрупкая принцесса сбросила длинное шелковое платье, пояс из синего шелка, сняла жемчужное ожерелье. Она надела поношенное кимоно, обвязала вокруг талии пояс из шкуры яка, а на шею надела костяные четки. И в таком наряде ушла в покои для слуг.

Царица Йикикайсин, нежная как шелк, не смогла возразить против решения своего мужа. Но в глубине сердца она глубоко страдала. Однажды вечером она тайком пришла в конюшню и принесла молодым свой ларчик с драгоценностями.

— Дети мои, — сказала она, — я могу подарить вам только это серебряное колечко и это ожерелье из мелкого жемчуга. Возьмите.

И, повернувшись к грязному оборванцу, добавила:

— Увези мою дочь в свою страну, женитесь там и будьте вместе, как масло и чай. Я вас благословляю.

Нищий кинулся царице в ноги и обещал ей заботиться о принцессе Перламутровый листок. В ту же ночь влюбленные покинули дворец.

Они шли тридцать дней и тридцать ночей, ночевали в пещерах, кормились подаванием. Наконец они пришли в королевство Севаканг. Перламутровый листок, не привыкшая к тяготам кочевой жизни, была совсем измождена. Ее супруг-оборванец сказал ей:

— О моя возлюбленная, я пойду вперед и сообщу о нашем приходе моей сестре, а ты иди по следу моей палки на земле.

— О мой возлюбленный,— пролепетала царевна,— во всем свете у меня остался только ты, не покидай меня!

— Ты мне дороже зеницы ока, дороже золотых гор, доверься мне и иди по следу, который я оставлю палкой.

Перламутровый листок пошла дальше одна. Она расспрашивала крестьян и пастухов:

— Вы не видели нищего с черным лицом, с палкой в руке?

Все отвечали ей ласково и учтиво, один старик угостил ее вином из серебряной чашки и сказал:

— Видишь, вон там, в долине реки Джику, наша столица, а на горизонте — царский дворец! Наш царь только что вернулся из трехлетнего странствия, и сейчас во всей стране начались праздники и ликования.

— И нищий с черным лицом тоже пошел туда?

— Да,— ответил старик. — Мы видели его вчера вечером.

Царский дворец Севаканг, стоящий между горой и рекой, сверкал великолепием. От крыш до самого фундамента его покрывали золото и драгоценные камни. Вокруг резвились коровы, барашки и лошади. Даже синие павлины, дрозды и кукушки пели и порхали от радости. Царевна удивленно оглядывалась вокруг.

— Вернулся наш великолепный князь! Весь народ ликует,— говорили ей прохожие.

Царевна, идя по следу от палки, дошла до ворот дворца. Она постучала:

— Что вам нужно? — спросила охрана.

— Мне нужен нищий с черным лицом, я дошла сюда по следу его палки.

— Входи, царевна Перламутровый листок,— и солдаты открыли ворота и поклонились.

Робкая царевна, удивившись такому приему, проскользнула во двор замка.

Ее ждали восемь слуг в белых льняных одеждах. Они провели ее по коридорам в большую светлую залу, и там она увидела прекрасную женщину.

— Я Гвизангвангуму, повелительница этой страны. Добро пожаловать, дорогая моя сестра Перламутровый листок, а вот и мой брат, князь Гангсондундан.

Перламутровый листок так и ахнула. Из-за занавеси вышел нищий с черным лицом. Он трижды омыл лицо

в серебряной миске с молоком, и лик его засиял, как восходящее солнце. Он был так прекрасен и великолепен, что царица Перламутровый листок застыла от изумления, восхищения и любви.

Они поженились, родили много детей и жили долго и счастливо.

СМИРЕННЫЙ МОНАХ

В Лотосовой Сутре повествуется об одном смиренном монахе. У него не было ни талантов, ни дара Божьего, он был старательным и скрупулезным, читал сутры, не пропуская ни одной. Однако он был не очень умен, не блистал в ритуальных обсуждениях коанов — обычном занятии монахов. Он знал свое место — всегда был позади всех, работал по хозяйству, подметал, рубил дрова, старался быть полезным. Все относились к нему хорошо. Но была у него одна странная привычка. Каждый раз, когда ему кто-то встречался, он делал гасё — приветственный жест соединения ладоней на уровне лица, являющийся знаком глубокого уважения. Все монахи обычно встречают приветствием гасё настоятеля монастыря, старых учителей, пользующихся всеобщим почтением, но этот при-

ветствовал таким образом и послушников, и слуг, и крестьян, с которыми встречался по дороге, и детей, и нищих, и бродяг — всех, кого попало, вплоть до монастырского осла!

Однажды, когда он отправился в поездку по делам монастыря, его схватили бандиты:

— Монах! Давай сюда кошелек, или мы тебе горло перережем!

— Господин, — отвечал смиренный монах, — у меня при себе только письмо, которое я должен передать настоятелю монастыря в Эдо.

И он сделал гасё перед бандитами, кланяясь до земли.

— Почему ты кланяешься нам так? — удивленно воскликнул предводитель. — Ты что, издеваешься?

— О нет, господин, — серьезно ответил монах. — Ведь вы великие будды.

Воры избили его палками, крича:

— Вот тебе, вот тебе! Будешь знать, как над людьми смеяться!

Однако они оставили его в живых. Смиренный монах убежал и на бегу повторял:

— Я должен вас почитать, потому что вы можете стать великими буддами!

В каждом человеке проявляется Бесконечность. Каждая капля воды содержит океан.

ВЕЛИКАЯ БИТВА Индийская сказка

Юдхиштхира с голубым алмазом на челе проводил смотр своих войск. Слуга держал над головой царя белый зонтик. Перед царем стояло семь полков. В каждом — сто тысяч пехотинцев, шестьдесят пять тысяч кавалеристов, двадцать тысяч боевых колесниц и двадцать тысяч слонов в панцирях из металла, оцетинившихся стальными шипами³⁵.

Семь полков рассредоточились по равнине. В тылу, под сенью небольшого леса, раскинули парадные шатры, предназначенные для царя, четырех князей — его братьев, а также шатры для храмов, алтарей и богов. Под навесами лежали груды припасов — рис для людей, фураж для коней и слонов. Поодаль — шатры, в которых хранились оружие, доспехи, кольчуги, тысячи стрел, которые затмят небо, луки и колчаны. Там поселились и умельцы-ремесленники, призванные заботиться о поддержании арсенала в должной исправности. Медики, находящиеся при войсках, готовы были лечить, бинтовать, зашивать раны, ампутировать раздробленные конечности. С другой стороны глубокого рва находилась вражеская армия. Под рассветным солнцем золотились доспехи, копыя, боевые топоры. Девять полков, в каждом из которых сто тысяч пехоты,

семьдесят тысяч конницы, тридцать тысяч боевых колесниц и тридцать тысяч слонов в стальных доспехах. Во главе этой устрашающей армии стоял полководец Бишма, древний годами знаменитый Бишма, которого страшится вся Индия — столько он одержал побед благодаря своей храбрости и стратегическому уму.

Боги созерцали эту картину. До них доносился шум тысяч голосов, крики, топот коней и слонов. Они видели блеск доспехов, молнии копий, бьющих в щиты. Они знали, что готовится величайшая битва всех времен, и были испуганы. Но никто не мог больше остановить судьбу. В этом сражении должна была решиться судьба Индии. Вдруг, когда солнце показалось на горизонте, всю бескрайнюю долину охватила тишина.

Взмыло вверх знамя царя Юдхиштхиры. И вот он пошел вперед под белым балдахином, а за ним четыре князя — его братья. Что же на уме у Пандавов³⁶? Все затаили дыхание. Делегация остановилась перед вражескими войсками. Навстречу им вышел полководец Бишма. Они стали вести переговоры через посредство глашатаев, перебегающих с одной стороны на другую. Неужели царь предлагает мир? А храбрый полководец с негодованием отвергает предложение? Две огромных армии жадно следили за их движениями. Даже кони перестали ржать, слоны реветь, а птицы в небе щебетать.

Юдхиштхира и его братья, по обычаю, провели отроческие годы при дворе соседнего государства, где властвовал старый слепой царь Дхитараштра, полководцем которого был Бишма. Разве они могли забыть годы ученичества и учителей, которых они так любили?

— О полководец, — сказал молодой царь, — пока не начался бой, мы хотим почтительно приветствовать тех, кто учил нас в детстве, тех, кто показал нам путь Дхьяны³⁷.

— Если ваши намерения честны, сдайте оружие, оставьте здесь вашу охрану и подойдите одни и пешком к шатрам ваших бывших наставников.

— О царь, не слушай этого оскорбительного предложения! — возмутился младший князь. — Скорее в бой!

— О брат мой, царь, — сказал в свою очередь старший князь, мы не можем так поступить. Если мы сдадимся в руки врагу, бой кончится, не начавшись!

Но царь Юдхиштхира поклонился Бишме:

— Да будет сделано так, как ты говоришь, — согласился он. — Мы верим в твою воинскую честь.

И пять братьев прошли в шатер мудрецов, которые научили их всему, что сами знали о богах и людях. Сложив ладони перед лицом, они поклонились. Они были посреди вражеской армии, без охраны, без слуг, без копий и щитов.

— О царь Юдхиштхира, — сказал старший из наставников, дружеским жестом разрешив бывшему ученику встать с колен, — мы одобряем то, как поступил ты и твои братья. Мы всегда знали, как благородны ваши сердца. Нас трогает глубина вашего почтения. Недаром мы вас учили.

Пять братьев молчали. Их глаза затуманили слезы, потому что они вспомнили о своем детстве и снова ощутили всю привязанность к достойным наставникам.

— Вскоре, — продолжал старший из их бывших учителей, — начнется битва, и мы будем изо всех сил сражаться против вас, и вы поступите так же. Но знайте, что мы не перестанем глубоко уважать вас и любить.

СТАРШИЙ БРАТ

Эта история началась с того, что в семье богатых купцов родился Бодхисаттва. У него был старший брат, который управлял состоянием и всеми делами семьи. Этот старший брат тяжело заболел и умер. Жены и наложницы, родители, дети, слуги, служанки — весь дом разразился плачем и стенаниями:

— О горе! О беспримерная несправедливость! Наш супруг, наш отец, наш учитель умер, а ведь он был в расцвете сил! Кто мог предугадать такое несчастье!

И только Бодхисаттва не проливал слез и сохранял спокойствие.

Видя это, одна наложница воскликнула:

— Наш супруг, наш возлюбленный господин умер, а его родной брат и слезинки не прольет. Наверное, он радуется, что унаследовал состояние и ему достались все богатства семьи!

Тогда Бодхисаттва заговорил так:

— Разве вы не знали, что все создания смертны? И звери, и птицы, и змеи, и люди, и даже духи. Все, что живет, умирает. Это закон природы. Нигде в этом мире вы не найдете ни безопасности, ни постоянства. Но дзен всему придает аромат вечности.

Каждый поразмыслил над этими словами и утешился. Все перестали плакать и жаловаться. Так рассказывают.

ЧАЙНАЯ ЧАШЕЧКА

Жила-была благородная девушка необыкновенной красоты. Ее отец, оставшись вдовцом, воспитывал ее так, как приличествовало ее общественному положению. Она никогда не выходила из дворцового сада. Она изучала рисунок, живопись, поэзию, искусство состав-

ления букета, а также занималась музыкой и особенно в ней преуспела. Сердце ее было чисто, а душа чувствительна. Иногда, замечтавшись, она созерцала из окна реку, омывавшую обширные владения ее отца.

Вспоминаются стихи известного поэта:

*И дама за оконной филигранью:
Она светла, но темен ее взор,
И, верно, я в ином существованье
Его встречал... и помню до сих пор³⁸.*

Героиня этой сказки — не белокурая дама из средневекового замка, а вьетнамская принцесса из более давних времен. Романтические души, как розы в саду, и различны, и одновременно схожи между собой.

Как-то раз летним вечером Ми-Нуонг, стоя у окна, услышала чудесную песню; пел мужской голос, низкий и сильный, но в то же время такой музыкальный и гармоничный, что он тронул ее сердце. Вдалеке она заметила лодочника, ведущего ладью по реке. Песня, доносившаяся до нее, зазвучала так чисто, так музыкально, так ослепительно, что девушка даже вздрогнула. Она стала каждый день приходить сюда с наступлением вечера, чтобы послушать голос рыбака. Сердце тихой юной девы запылало. Когда пришла осень, рыбак исчез. Тогда Ми-Нуонг слегла. Она худела, теряла свою красоту,

угасала как свечка. Ее отец пришел в отчаяние и призвал самых знаменитых врачей государства. Все было впустую. Ми-Нуонг продолжала чахнуть. Однажды вечером в начале зимы голос послышался вновь. Девушка из последних сил подошла к окну. Рыбак на реке вытаскивал из воды сети. Ми-Нуонг стала восхищенно слушать. Он стал появляться каждый день, и постепенно девушка начала выздоравливать. Но к концу января голос умолк снова. Рыбак уплыл в другие края.

И тогда Ми-Нуонг заболела вновь. Она отказывалась от еды. Она больше не интересовалась ни живописью, ни поэзией, ни икебаной, ни даже музыкой, которую так любила. Отец после долгих настойчивых расспросов выведал ее тайну. Знатный вельможа любил свою единственную дочь и отрекся от своих предрассудков. Он приказал отыскать рыбака с чудесным голосом. Его нашли. Оказалось, что рыбака зовут Труог-Чи и он человек в годах и очень некрасивый. Его руки были испорчены ежедневной тяжелой работой, спина сгорблена, а дочерна загорелое лицо испещрено морщинами. Когда Ми-Нуонг увидела его, она испугалась. Любовь ее угасла, как задутая свеча. Даже его песня показалась ей не столь чудесной. Она вернулась к нормальной жизни, мирной и спокойной, разве что чуть более печальной. Рыбак через некоторое время умер. Вскоре после этого крестьяне нашли в реке круглый кусочек нефрита,

который издавал чистейший звук, стоило взять его в руки. Его принесли господину. Тот приказал выточить из нефрита чайную чашечку. Он подарил ее дочери на восемнадцатый день рождения. Год спустя благородная Ми-Нуонг пила чай, и ее романтическая душа улетала за стены дворца, и вдруг ей показалось, что на дне чашки она видит лодку и рыбака. Ей послышался голос чистый и сильный, музыкальный и гармоничный, и сердце ее забило сильнее. Тогда она поняла, что любила не рыбака, а бесконечность своей мечты. Когда сердце жаждет музыки, что угодно становится ею.

ПРИТЧИ УЧИТЕЛЯ РЁКАНА

Я уже упоминал Ямамото Эйдо по прозвищу Рёкан (добрый, великодушный). Мне особенно дорог этот буддийский монах. Своей чистотой и невинностью он напоминает святого Франциска Ассизского. Этот высокий, худой и бледный человек бесхитростен и отличается мягкими манерами; движения его неспешны, широки и свободны. Когда он читает сутры, голос его звучит так верно и чисто, что достигает «внутреннего уха» слушателей. На лице его отражаются бесконечные доброта и терпение. На устах вечная улыбка. Он свободен

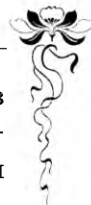
и весел... как все святые. Живет он в бедной хижине из веток. Он слагает стихи. Он делит со своим гостем растертые зерна пшеницы с горячей водой — свою обычную пищу. Иногда он играет с детьми или приходит потанцевать на деревенский праздник. Он обладает даром проповедника, но молчит и слывет простаком. Но его присутствие что-то приносит в мир. Он пробуждает природу Будды, которая дремлет в каждом из нас.

Первая притча

Однажды погожим летним вечером учитель Рёкан гулял по деревне, подняв голову и разглядывая звезды. Он остановился в полях, чтобы вволю насмотреться на полную луну. Его невинный и чистый дух жил в «четырех божественных обителях», а по буддийской традиции, это:

Полная любви доброта,
Сострадание,
Радость,
Душевное спокойствие.

Он замечтался и, не замечая, где находится, расселся посреди картофельного поля. А владелец поля, чело-

век гневливый и мстительный, которого уже не раз обкрадывали, как раз проходил мимо. Он заметил в сумерках человеческую фигуру. Злоба ослепила его, и он бросился на монаха, размахивая палкой:

— Попался, ворюга паршивый! Теперь не уйдешь!

***

Здесь я сделаю отступление. Довольно давно, когда я изучал хатха-йогу, я гулял одним прекрасным летним вечером в окрестностях Тулузы. Я остановился в поле. Солнце уже село, вокруг никого не было. Я начал упражнение «поклонение Солнцу», которое разучил в тот день. Я занимался старательно. В этом йоговском упражнении, трудном для начинающего, есть одно медленное движение — наклон до земли с вытянутыми руками. В этот момент на меня чуть не наехал тарахтящий трактор. В бледном свете луны я разглядел крестьянина на сидении: кепка, низкий лоб, кустистые брови. Он закричал на меня:

— Ты что это здесь делаешь?

— Ну, понимаете... — начал я сбивчиво объяснять, — я делаю гимнастику.

— Гимнастику, говоришь, — недоверчиво повторил он.

— То есть... это не совсем гимнастика, это хатха-йога.

— Ты что, издеваешься?

— Ни в коем случае, — возразил я, не зная, как выйти из положения.

Он оглядел меня с ног до головы с высоты трактора. И вдруг проворчал вполголоса:

— Уж я-то знаю, чем ты тут занимаешься!

— А чем? — спросил я, озадаченный таким абсурдным оборотом разговора.

— Наводишь порчу на моих коров!

Я не стал продолжать беседу и побежал к своей машине, опасаясь, что меня сожгут на костре как колдуна.

Но вернемся к Рёкану, которого я оставил на картофельном поле лицом к лицу с разъяренным хозяином.

* * *

— Сейчас отведаешь моей палки, ворюга!

И крестьянин стал избивать бедного Рёкана. Тот, ошеломленный, не сказал ни слова и даже не крикнул. Вдруг прибежал запыхавшийся сосед:

— Прекрати, несчастный, ведь ты бьешь монаха Рёкана!

Хозяин поля, который слышал о праведном монахе, ужасно смутился. Он рассыпался в извинениях. Рёкан улыбнулся, и как говорит легенда, сочинил под мягким лунным светом такое стихотворение:

*Тот, что палкою колотит,
Тот, кто ходит в синяках,
Так похожи друг на друга,
Как дождевики в облаках.
Ведь они, как с братом брат,
К солнцу вечности летят.*

Вторая притча

В то время Рёкан жил в краю Тоса, на большом острове Сикоху, где находится знаменитый храм Эндзу. Святой рассаживал ростки риса вместе с другими монахами.

А надо сказать, один из них завидовал Рёкану:

— Я великий учитель дзен, — утверждал он. — Меня зовут Чикай, и я еще прославлюсь! А этот, — добавлял он, презрительно показывая на Рёкана, — всего лишь бедный дурачок, который только и делает, что скалит зубы, сам не зная почему.

И Чикай презрительно фыркал.

Его все знали, и никто ему не отвечал. Солнце перевалило за полдень. Стояла ужасная жара. Чикай потихоньку отхлебывал из фляжки сакэ и все больше горячился. Вдруг он набросился на Рёкана и хлестнул его ремнем. Монахи сначала остолбенели, но затем схватили пьяницу. Они отвели Рёкана в прохладный покой монастыря. В тот

момент гроза, собиравшаяся весь день, наконец разразилась, и хлынул ливень. Учителю доложили, что обезумевшего монаха прогнали. Рёкан молчал. Все почтительно ожидали. Наконец он тихо пробормотал:

— Надеюсь, у него было чем прикрыться от дождя.

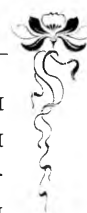
Среди бумаг — заметок и стихотворений, собранных после смерти Рёкана, нашли фрагмент, который, возможно, относится как раз к тому случаю.

— ...Он безропотно сносит, когда его толкают. Он позволяет людям презирать его или смеяться над ним. Но все это вовсе не тревожит глубин его сердца.

Третья притча

Некий Мандзё встретил монаха Рёкана около 1810 г.

«Я проезжал через край Тосю. Однажды вечером меня застиг дождь. Я стал искать убежище, заметил бедную обитель отшельника и вошел. Там я увидел монаха лет пятидесяти, высокого, худого и бледного. Он предупредил меня, что у него нет почти ничего съестного и жилище продувают сквозняки. Но выбора у меня не было. Я лег спать у очага, вырытого в полу. Наутро я заметил, что в обители — хижине из веток с соломенной

крышей — нет ни мебели, ни вещей. Только маленькая деревянная статуя Будды. Хозяин хижины не занимался дзадзен и не читал сутры. Он все время улыбался. Я подумал, что он придурковат. Часов в десять утра он угостил меня кашей из воды и растертых зерен пшеницы. Дождь все еще шел. Я попросил его приютить меня еще на день. Он согласился. Он молчал, только писал и улыбался. Я увидел, что он складывает стихи и записывает их китайскими иероглифами. Он выводил их довольно красиво. Вечером он опять накормил меня пшеничной кашей. Мы провели вторую ночь у очага. Назавтра выглянуло солнце. Я хотел отблагодарить хозяина и предложил ему несколько монет. Он отказался, однако согласился принять несколько танадзаку³⁹. Такова была моя встреча в дни далекой молодости со знаменитым поэтом и буддийским монахом Рёканом».

Живу я в хижине с соломенной крышей,

Хожу в грубом холсте.

Молчаливо предаюсь размышлениям.

Пусть люди говорят: «Простак, дурачок».

***

Кому я прочту эти стихи

Какому человеку, пробужденному,

Идущему по пути Будды? ⁴⁰

Четвертая притча

Как-то утром Рёкан просил подаяния с плошкой в руке и случайно зашел в дом, где вечно царили ссоры и пререкания. Хозяин без конца бранил слуг, а те роптали против него. Муж и жена все время ссорились. Дети раздражали родителей, а те их наказывали. Казалось, сам воздух был насыщен горечью и враждой. Рёкан, нарушив свои привычки, попросил приютить его. Ему указали на циновку в углу. Он прожил в этом доме несколько дней.

Он не практиковал дзадзен открыто, не читал проповедей, не рассказывал сутр. Он разжигал огонь в очаге или помогал по дому. Он просто был рядом — улыбающийся, спокойный. Он жил по закону доброты, нежности и любви. И вот мало-помалу атмосфера в доме изменилась. Хозяин стал более справедливо обращаться со слугами, супруги помирились. Дети играли не ссорясь. Горечь и гнев покинули сердца, хоть никто и не знал, почему. Такое изменение к лучшему сохранялось еще долго после ухода праведного монаха.

* * *

Таков был Рёкан. Одно его присутствие было источником любви и радости. От него исходили «искры

спокойствия», как говорит его современник. Так, дойдя до последнего этапа Пробуждения, став настоящим Бодхисаттвой, этот праведник нес людям «светоч закона» Будды, помогал своим ближним, указывал им «путь света» и счастья — дзен.

ЛЫСЫЙ ГОНДЗИНЬ

Китайская сказка

В давние времена губернатор провинции по имени Гондзинь страдал от одного недостатка, который беспокоил его больше, чем следовало. Он был лысым. Совершенно лысым, череп его был гол, как пустыня, как Среднеевропейская равнина после нашествия Аттилы. Блестящий череп его был «подобен бриллианту», по меткой метафоре, бытующей в Тибете, стране поэтов.

Однажды, погожим летним днем, Гондзинь сидел в тени на своей террасе, прохладжаясь и потягивая доброе вино, и вдруг увидел, что по улице идет мастер-цирюльник, о котором он много слышал — Агабунда. Тот спешил и даже не поглядел на губернатора.

— Как ты смеешь, негодник, — воскликнул Гондзинь, — вот так проходить мимо меня без приветствия, да еще конь твой нагло звенит бубенчиками?

— Прошу прощения, господин, — ответил Агабунда. — Дело в том, что я очень тороплюсь, меня ждет городской судья. Я сегодня же должен посадить ему волосы!

— Как это так — посадить волосы? — спросил Гондзинь.

— Ну да, господин! Разве вы не знаете, — добавил Агабунда несколько раздраженно, — что волосы можно сажать точно так же, как репу? За такую работу неплохо платят, меня уже заждались, и я не хотел бы...

— Эй, эй, погоди! — воскликнул Гондзинь. — Я губернатор провинции, и меня ты должен обслужить первым! Поднимайся-ка на террасу, посадишь мне волосы!

— Но господин, — простонал Агабунда, — что скажет благородный Одзида? Он прикажет меня выпороть...

— Не пререкайся и иди сейчас же сюда, а то я прикажу тебя арестовать!

Агабунда понурился, поставил во дворе повозку, привязал лошадь и поднялся на террасу, неся с собой тяжелый сундучок. Он низко поклонился губернатору, сел на табурет и положил на колени кусок замши. Затем взял шило, проверил, хорошо ли оно наточено, и наконец в другую руку взял пучок ячьего волоса. Гондзинь следил за этими приготовлениями с беспокойством:

— Если не посадишь мне волосы как следует, пеняй на себя, — пригрозил он на всякий случай.

— Я в этом деле мастер, — заверил его Агабунда. — Не беспокойтесь. А теперь положите голову на замшу! Губернатор так и сделал.

Агабунда быстро уколол шилом голый череп губернатора:

— Ай! Что ты делаешь? — вскрикнул Гондзинь.

— Не двигайтесь, господин, — произнес Агабунда. — Разве я вам не сказал, что для того, чтобы сажать репу, надо сначала сделать в земле дырку?

Он взял пучок ячьего волоса, аккуратно воткнул в проделанную дырочку и тщательно расправил. Довольный результатом, он снова взял шило и продолжил работу:

— Ай! Ай! Ай! — вопил Гондзинь.

— Перестаньте вертеться, — проворчал Агабунда. — Как прикажете работать в таких условиях?

Губернатор приподнял голову и смиренно спросил:

— Скажи, Агабунда, сколько дырок надо сделать, чтобы прическа выглядела нормально?

— Хм! — задумался Агабунда, — точно не знаю, голова у вас большая... ну примерно сотню.

— Сто дырок! — воскликнул Гондзинь в ужасе. — Невозможно, я этого не переживу!

— Господин, вы сами-то знаете, чего хотите? — сурово спросил Агабунда. — Ведете себя, как капризный ребенок! Среди тех, кого я имел честь обслужить, выжило

более четверти... Да-да,— пробормотал он, подсчитывая на пальцах,— точно, если считать и торговца рыбой, который остался глухим и слепым, как это ни печально, и...

— Хватит! — воскликнул Гондзинь, выпрямившись. — Выбираю жизнь, а не волосы!

— Как пожелаете, господин,— промолвил Агабунда, низко кланяясь.

И ушел.

— Но учитель, почему ты рассказал нам эту историю? — спросил самый смелый из учеников дзен.

— Каждый из вас постоянно расспрашивает меня: познает ли он Пробуждение, увидит ли Свет Будды. Но действительно ли вы хотите вступить на Путь? Вы правда хотите, чтобы я насадил дзен в ваши пустые головы? — спросил он страшным голосом.

Ученики молчали.

* * *

Ведь всякая подлинная духовность требует, чтобы человек умер для себя самого, а дзен, счастье дзен во всей полноте, даровано лишь тем, кто отказывается от всех устремлений, от любого имущества, как это сделал монах Рёкан.

ИСТОРИЯ НАН-ТА

Китайская сказка

В Китае долгая дорога, ведущая к просветлению, «путь Пробуждения» называется в древних текстах «дорогой птиц». Этот образ прекрасен и полон смысла. Действительно, чтобы познать Пробуждение, надо пойти нехоженными дорогами, на которых не остается следа, как не остается следа от ласточки на небе; это значит вернуться к нашей подлинной природе, возвратиться в свое гнездо.

Вот подлинная история Нан-Та-Куанг-Юна, китайского мастера дзен (850—938 гг.).

В молодости Нан-Та был пострижен в монахи своим учителем, мудрым Ян-Шанем. Затем он решил следовать учению знаменитого Лин-Ци⁴¹. Долгие годы он не возвращался домой, бродил по дорогам, жил подаянием, молился и медитировал. Но настал день, когда он вернулся. Его учитель спросил, познал ли он Пробуждение, прошел ли в «безвратные врата», освободился ли от форм, знал ли, не зная ничего, «все ответы на все вопросы»... Так он спрашивал его:

— Почему ты пришел сюда?

— Пришел, чтобы увидеть тебя и выразить тебе глубочайшее уважение, учитель!

— Ты меня видишь?

- За эти годы глаз я не утратил, я вижу тебя, учитель!
- Скажи тогда, не кажется ли тебе, что я похож на осла?
- Мне кажется, что на Будду ты не похож!
- Почему это я не похож на Будду?
- Если бы ты был похож на Будду, какая разница была бы с ослом?

Услышав этот ответ, старый учитель заключил ученика в объятия. Нан-Та достиг глубокой Истины, в которой все формы — одно; он вышел за пределы внешних форм. Отныне он жил в мире, ничем не нарушаемом, в непреходящем счастье. Он познал Пробуждение. Прося милостыню и скитаясь по дорогам, он шел по пути птиц.

ТОКУСЯН

Токусян, учитель дзен, славился своей ученостью. Он прочел и мог рассказать на память сотни сутр. Никакие хитрые премудрости его не смущали. Во время мондо — быстрых диалогов, ритуальных диспутов между монахами, — он не знал себе равных. Но увы, он не познал пока сатори, совершенной радости Пробуждения.

Как-то раз он услышал об одном учителе дзен по имени Рютан, который славился необыкновенной праведностью и которого ученики прозвали «Озерным драконом». Он решил познакомиться с ним и померяться силами. Для этого он пустился в долгое путешествие на другой конец Японии. Учитель принял его равнодушно и поручил выполнять черную работу. Токусян, известный ученый, должен был подметать двор храма, мыть полы, носить воду, рубить дрова. Так дни шли за днями. Токусян страдал от нетерпения. Как же так, говорил он, я, учитель дзен, пользующийся всеобщим уважением, выполняю обязанности послушника! Я думал, что встречу здесь «Озерного Дракона»! Озеро-то я вижу, а где дракон? Рютан, которому один ретивый послушник доложил об этих словах, наконец сообщил Токусяну, что согласен провести с ним спор мондо.

В назначенный день в присутствии самых сведущих членов общины мондо начался.

Многие часы длился ослепительный обмен вопросами и ответами. Один предлагал афоризм, другой тут же его опровергал. Оба выказывали недюжинную ловкость ума, пользовались изобретательными аргументами, цитаты сыпались градом...

— Что такое мириады миров, составляющие Вселенную? — спрашивал Токусян.

— В глазах Будды это не более чем фруктовые косточки, — отвечал учитель Рютан.

— А Великое Индийское озеро? — настаивал ученый Токусян.

— Всего лишь пятно растительного масла! А не скажешь ли ты, каков священный путь Просветленного? — в свою очередь спрашивал Рютан.

— Отражение цветов в глазу того, кто смотрит на них! — победоносно отвечал Токусян.

Вопросы и ответы чередовались, и никто не мог рас судить спорящих — кто из них сильнее? Настала ночь, и все решили прервать мондо до завтра. Токусян вышел из зала последним, и, так как ночь была очень темна, Рютан приготовил ему фонарь. Но, передавая фонарь на пороге, он нарочно задул огонек. И тогда ученый Токусян познал совершенную радость, ослепительный свет Пробуждения, на который он надеялся и который искал всю жизнь.

ПРОБУЖДЕНИЕ «КАПЛИ ВОДЫ»

Китайская сказка

Пробуждение зажигает в нас свет, скрытый до поры. Рассказ о Пробуждении «капли воды» может служить примером счастливой ясности.

Тьен-Тай Те-Шао, который родился в Китае в 891 г. и умер в 972-м, в 948 г. был монахом зрелого возраста. На жизненном пути ему встретилось много учителей дзен (по легенде, пятьдесят четыре). Он столько раз участвовал в мондо, что больше не верил в игру вопросов и ответов и ни на что больше не надеялся. В тот день он пришел к учителю Фа-Ен Вену⁴² и смешался с толпой учеников. Фа-Ен стоял на помосте и поучал. После особенно оживленного обмена репликами один монах спросил:

— О учитель, скажи, что такое капля воды из источника Цао-Чи?

— Это капля воды из источника Цао-Чи, — ответил учитель.

В эту минуту пресыщенный Тьен-Тай почувствовал, что сердце его тает. Он заплакал. Он познал Пробуждение. Ослепленный, переживший глубокое внутреннее изменение, он доверился Фа-Ену. Тот подтвердил подлинность Сатори. Тьен-Тай, которому было тогда пятьдесят семь лет, был назначен личным наставником молодого императора Чунг-Хан-Хуанга. Он жил при дворе до самой смерти, которая последовала в 972 г. Ему был восемьдесят один год. Тьен-Тай был светом и источником света.

ПО ДОРОГЕ

На дороге, что ведет в Эдо, встретились двое буддийских монахов. Оба с бритой головой, в шафрановых одеждах, сандалиях, с плоской в одной руке и посохом в другой.

— Это ты, Тошибу?

— Брат мой, Урусима!

Монахи обнялись, расцеловались и посмотрели друг на друга с великой приятной и нежностью.

— Помнишь те годы, когда мы были послушниками?

— Двадцать лет назад мы во время сесина так долго раздумывали о смысле коана: «Какова природа Будды? — Кипарис во дворе».

— Да, Тосибу, как долго мы раздумывали над этой фразой...

— Старались представить себе все возможные значения, терялись в тонких рассуждениях!

— Иногда спорили до самого утра!

— А теперь этот коан кажется нам таким простым...

— Да, таким простым, что мы смеемся, когда вспоминаем о нем!

На дороге, что ведет в Эдо, дождливым осенним вечером остановились два буддийских монаха почтенного возраста и смеются от всего сердца: «Ха-ха-ха!»

Я НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ

Вьетнамская сказка

Светлячок улетел.

На ладони

Остался лишь ветер.

Исса (1763—1827)

Учитель дзен Во Нгон Тонг⁴³ умирал. Его ученики умоляли его: «Скажите нам перед смертью слово, которое даст нам доступ к высшему счастью Пробуждения!» Но речь — источник ошибок, всегда есть риск создания ложных понятий, привязки к формулировке. Следует передать такое слово, которое не будет ни принято, ни отвергнуто, ни услышано, ни пропущено; за пределами которого слушатели воспримут смысл; говорить и не говорить, так чтобы ученик слушал, но слова исчезали мгновенно, как роса на утреннем ветерке, так, чтобы каждый сразу заглядывал внутрь себя... Так думал умирающий Во Нгон Тонг.

Ученики настаивали:

— Учитель, как же мы познаем счастье дзен?

— Не спрашивайте меня больше, мне нечего сказать!

И добавил:

— Я ничего не сказал!

ВМЕСТО ПРОЩАНИЯ

Буддийский монах собрался держать речь на главной площади городка. Он тщательно подготовился, записал свою речь и собирался уже ее прочесть, но вдруг порыв ветра подхватил листы и унес их на ветки лимонного дерева. Захваченный врасплох монах не мог восстановить первоначальный ход своих мыслей и сказал:

— Друзья! Вот, вкратце, что я хотел вам сказать: когда я проголодаюсь, я ем, когда устану — сплю!

— Но разве не все люди делают так, как вы, учитель? — спросил кто-то из толпы.

— Хоть так, да не так!

— Но почему, учитель?

— Когда люди едят, то думают о тысяче разных вещей, когда засыпают, думают о своих заботах. Вот почему они делают не так, как я!

Тут монах спустился с помоста в толпу, получил много даров, а тем, кто задавал вопросы, он отвечал: «Подробности можете найти на ветках лимонного дерева».

Примечания

1. Хайку Иссы.
2. Ср. с.43 («Вот что такое чай»).
3. Повязка решительности — тканевая головная повязка, которую надевают, чтобы шлем плотно прилегал к голове. Она входит в обмундирование воина-самурая, готового к бою, и символизирует его решительность.
4. Сосеки (XIX век).
5. Атма, или Атман — на санскрите обозначение Абсолюта, Бесконечного, Безграничного, Вечного, единственной Реальности.
6. Дзадзен: поза лотоса или полулотоса. Руки покоятся на скрещенных ступнях, ладонями вверх, правая рука на левой, или наоборот, в зависимости от традиции, большие пальцы слегка соприкасаются. Вес распределен равномерно. Дыхание спокойное.
7. Незданный французский перевод Ченг Винг Фуна и Эрве Колле.
8. Юань из династии Хань царствовал с 48 по 33 г. до н.э.
9. Кито — церемония, выполняющаяся с целью исполнения желания.
10. Рёкан, Родина, пер. Ченг Винг Фуна и Эрве Колле, Мундаррен, 1994.
11. Незданный французский перевод Ченг Винг Фуна и Эрве Колле.
12. Обжаренный ячмень, размоченный и размятый в чае с маслом и солью. Традиционное тибетское блюдо.
13. Изабель Курсен, «Вкус дзен». (Isabelle Coursin, Le Gout du Zen, Gallimard, 1993)
14. Бон — праздник мертвых. Люди приводят в порядок надгробья, накрывают на них трапезу для умерших. Через три дня сжигают соломенных коней, и дым от них уносит их души в Запредельную

обитель. (Морис Койо, «Така, хайку, ренга — волшебный треугольник» — Maurice Coyaude, Tanka, haïku, renga, le triangle magique, Les Belles Lettres, 1996).

15. Хонсю — крупнейший остров Японии, на котором теперь находится Токио.
16. Пробуждение — окончание сна невежества, в который погружен обычный человек.
17. Хейан Киё, в настоящее время Киото. «Столица мира и спокойствия», как назвал современный город Киото Теммо-Тено, когда основал этот новый город в 794 г. Название «Киото», означающее просто «столица», стало применяться к Хейан-Киё только с конца XI века.
18. Шаку, император богов, живет, по легенде, на горе Сумеру, находящейся в центре света. Он царствует над тридцатью двумя богами и их городами, которые полны богатств.
19. Даймё — феодальный властитель, которому самураи клялись в верности.
20. Хайку Бусона.
21. Сесин — у буддистов период уединения, длящийся, как правило, неделю, в течение которого интенсивно практикуется дзадзен (сидячая медитация).
22. Эдо — «Ворота залива», название города Токио, бытовавшее с 1180 по 1868 г.
23. «Четыре основы» (сигусейган) или «четыре великих вселенских обета»:

Сколько бы ни было живых существ,
Я клянусь спасти их всех.

Сколько бы ни было дурных страстей,
Я клянусь преодолеть их все.

Сколько бы ни было дхарм (законов),

Я клянусь выполнять их все.

Сколь бы ни был совершенен закон Будды,

Я клянусь соблюдать его.

24. Соловей вида *Luscinia luscinia* («соловей соловьев») отличается самым музыкальным пением и самым широким диапазоном звуков.
25. Эти четыре стихотворения взяты из китайского фольклора (XII—VII вв. до н.э.).
26. Бессмертные — легендарные личности, получившие этот статус благодаря личным заслугам. Они живут в Восточном море, в золотом дворце. Некоторые из них способны изгонять демонов.
27. В Индии правую руку кладут на левую, которая считается нечистой. В Китае и Японии — наоборот. Действительно, в этих двух странах левая рука ассоциируется с инь — спокойствием и гармонией, а правая с ян — динамикой и энергией. Во время дзадзен важно сохранять спокойствие, поэтому левая рука лежит сверху.
28. Эпоха Хейан (X и XI вв.) — период великого расцвета искусств и литературы, который сравнивают с эпохой Людовика XIV.
29. См. примечание 16.
30. Сен-Джон Перс, «Хроника» (Saint-John Perse, «Chronique», Yloges, Vents, Amers, Chroniques, (c) Gallimard, p. 724—725).
31. Тензин Гьяцо, Его Святейшество XIV Далай-Лама, «Сила сострадания» (Tenzin Gyatso, Sa Sainteté le XIV dalaï-lama, La Puissance de la compassion, Presses de la Renaissance, 1995).
32. Бодхисаттва — существо, отказавшееся от нирваны, чтобы помочь всем страдающим созданиям встать на путь духовного освобождения. Также часто называется «героем Пробуждения» — человеком, вошедшим в «безвратные врата» и из сострадания согласившимся остаться среди людей.

33. Рабле, Гаргантюа (1534), гл. XXI. Жак Альмен был доктором схоластики в Сорбонне. Студенческая шутка основана на игре слов французского языка — фамилию профессора (Almain) заменяют словосочетанием, означающим «рукой» (a la main) — то есть причесываться пятерней. (*Прим. перев.*)
34. Литорин — темно-зеленая прочная раковина крупного моллюска.
35. Броня боевого слона состоит примерно из восьми тысяч металлических пластинок, находящихся друг на друга; они соединены цепочками и нашиты на тканую основу. Общий вес брони — 150 кг.
36. У одного из величайших царей древней Индии было три сына — Панду, Дхритарачатра и Видура. Пятерых сыновей старшего прозвали Пандавами.
37. Дхьяна — санскритское название школы, основанной Бодхидхармой. Китайская традиция называется «чань», откуда японское слово «дзен».
38. Жерар де Нерваль, «Фантазия», пер. Анатолия Гелескула, цит. по изд. «Поэзия Европы в 3 т., М., 1977. — *Прим. перев.*
39. Танадзаку — прямоугольные листки цветной или белой бумаги, предназначенные для каллиграфии.
40. Отрывки стихотворений Рёкана.
41. Лин-Ци — один из самых известных и любимых учителей за всю историю чань. Поскольку он умер в 866 г., более правдоподобным представляется, что Нан-Та встретил одного из его последователей.
42. Фа-Ен (885—958) — Фа-Ен стал послушником в семь лет, а монахом в девятнадцать, после чего ушел на юг изучать чань. Он принял Пробуждение от учителя Ло-Хана в снежный вечер, в обществе двух друзей — Чинг-Чи и Лунг-Ци.
43. Во Нгон Тонг (IX век) — основал во Вьетнаме школу, которая носит его имя. Во Нгон Тонг означает «Общение без слов».

Содержание

УТКИ-МАНДАРИНКИ И САМУРАЙ	15
СЛОН РЕНКИ	17
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО	19
ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО	21
КОРОЛЕВСКИЙ СЛОН	24
ЛОДКА И ДВА МОНАХА	27
ДОКУЧЛИВЫЙ ПРИЗРАК	29
РОСТКИ БАМБУКА	33
ГОВУКИ И ДРАКОН	36
ПРЕКРАСНЕЙШАЯ ОСЁКУН	38
УМЕРЕТЬ... В КАКОМ ВОЗРАСТЕ?	41
СТРАНСТВИЕ	45
ФЛАГ И ВЕТЕР	48
ЛЮБОВЬ ПРОХОДИТ	50
НЕОБЫЧНАЯ МОНАХИНЯ	52
ХОЧЕШЬ СТАТЬ ИМПЕРАТОРОМ?	55
КТО НАСТОЯЩИЙ РОШИ?	57
СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ	61
СВЕРКАЮЩИЕ ОДЕЖДЫ	62
ЛУНА В СТАРОМ ВЕДРЕ	65
БЛАГОРОДНЫЙ САМУРАЙ	66
ГРАБИТЕЛЬ И МОНАХ	68
БРИЛЛИАНТ ИМПЕРАТОРОВ	71
ОСЕЛ В КИТАЕ	74
ЧЕРЕПАХА И ДВЕ ЦАПЛИ	78
ЛЕВ И КРОЛИК	83
ИСТОРИЯ РЁНЕН	88
ПЕПЕЛЬНО-СЕРАЯ ЦАПЛЯ	91
МОРСКОЙ БОГ	99
ТРИ ВСАДНИКА	102

ЯМАМБА	106
ДОЖДЕВОЙ ДРАКОН	108
ЧЕРНЫЙ НАРЯД ВОРОНЫ	113
«ЖЕМЧУЖИНА ВЕТРА»	114
ЛЕДЯНАЯ КРАСАВИЦА	118
ВРАЧ, ЛИСА И ЗМЕЯ	120
КУРТИЗАНКА ШОЙ-ЮНЬ	126
ВОСТОЧНАЯ ПОДУШКА, ЗАПАДНАЯ ПОДУШКА	132
СЕРЕБРЯНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК	135
ЖАВОРОНОК И СОЛНЦЕ	137
КНЯЗЬ ТУ-ТИ И ДРАКОНЫ	138
МОЛОДАЯ КРОТИХА	141
ВОЛШЕБНАЯ ЛОПАТКА	144
ОБЕЗЬЯНКА	147
ЖЕНИТЬБА ЦАРЯ ДРАКОНОВ	149
МОНАХ И РАСКИДИСТАЯ СОСНА	155
«СОЛОВЬИНЫЙ ГРОШ»	157
ЗОЛОТОЙ ПАЛЕЦ	160
ГОСПОДИН ХАН	161
АНШИ	165
ЛЕГЕНДА О КУКУШКЕ	168
ШАО-ШУ	170
ВОЛШЕБНЫЙ БАРАБАН	172
ЗЕЛЕНАЯ ЖАБА	175
ДОСТАТОЧНО ВЗГЛЯНУТЬ ДРУГИМ ВЗГЛЯДОМ	176
ИМПЕРАТОР ВЫБИРАЕТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА	178
МОЛОДОЙ МОНАХ	178
ЛЕГЕНДА О ШАРИПУТРЕ	180
БУДДА И ЦВЕТОК	181
КАК ОБЕЗЬЯНЫ ЛУНУ ЛОВИЛИ	183
БУЙВОЛ И СТО ВОЗОВ КАМНЕЙ	186
СТАРИК СО СТАРУХОЙ И БЕЛКИ	189
ДВОЕ МОНАХОВ И МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА	191

МОНАХ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УМЕРЕТЬ СТОЯ	193
МИНИСТР ИМПЕРАТОРА	194
КАК ЗНАТНЫЙ ГОРОЖАНИН СТАЛ ОТШЕЛЬНИКОМ	198
О МОЛОДОЙ ЦАРИЦЕ, КОТОРАЯ НЕ ЛЮБИЛА ЦАРЯ	200
ТОРГОВЕЦ ШЕЛКАМИ	203
ЦАМПА	208
ЦАРЕВНА И НИЩИЙ	211
СМИРЕННЫЙ МОНАХ	220
ВЕЛИКАЯ БИТВА	222
СТАРШИЙ БРАТ	225
ЧАЙНАЯ ЧАШЕЧКА	226
ПРИТЧИ УЧИТЕЛЯ РЕКАНА	229
ЛЫСЫЙ ГОНДЗИНЬ	237
ИСТОРИЯ НАН-ТА	241
ТОКУСЯН	242
ПРОБУЖДЕНИЕ «КАПЛИ ВОДЫ»	244
ПО ДОРОГЕ	246
Я НИЧЕГО НЕ СКАЗАЛ	247
ВМЕСТО ПРОЩАНИЯ	248

Как звучит хлопок одной ладони? Можно ли поймать луну рукой? Почему на вопросы, которые задает ученик, учитель отвечает молчанием?... Эта книга поможет вам постичь скрытую сущность самого парадоксального философского учения – дзен.

Дзен – это вспышка молнии в совершенно ясном небе, единственная дорога к подлинной свободе духа и тела. Человек, постигший суть этого учения, не ведает страха и сомнений, не боится умереть и не стремится жить долго. Он не думает о деньгах, но он богат, не заботится о своем здоровье, но сохраняет потрясающую жизненную силу до глубокой старости. Он совершенен и в творчестве, и в бизнесе, и в семейной жизни, и в любви. В этой книге вы найдете несколько сот самых мудрых и лиричных историй дзен, которые помогут вам обрести спокойствие и бесстрашие, очистить ум от иллюзий и сделать свою жизнь счастливой и гармоничной.

ИСКУССТВО БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ И СВОБОДНЫМ

ISBN 5-7905-4374-X

9 785790 543746

РИПОЛ
КЛАССИК